

COMPARATIVE POLITICS RUSSIA

СРАВНИТЕЛЬНАЯ ПОЛИТИКА

2021 Т.12 № 2

COMPARATIVEPOLITICS.ORG

ВЫСШАЯ
АТТЕСТАЦИОННАЯ КОМИССИЯ (ВАК)
при Министерстве образования и науки

В соответствии с решением **Высшей аттестационной комиссии** Министерства образования и науки Российской Федерации журнал включен в перечень **ведущих рецензируемых научных журналов** и изданий, в которых должны быть опубликованы научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук по отраслям 23.00.00 – Политология и 07.00.00 – Исторические науки и археология.

**Журнал включен в следующие
международные библиографические базы данных:**

WEB OF SCIENCE™ CORE COLLECTION
– **EMERGING SOURCES
CITATION INDEX**

РОССИЙСКИЙ ИНДЕКС
НАУЧНОГО ЦИТИРОВАНИЯ
Science Index

U L R I C H ' S
PERIODICALS DIRECTORY™

BASE

Интелпрос
ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНАЯ РОССИЯ

OC LC
WorldCat®

Crossref

DOAJ DIRECTORY OF
OPEN ACCESS
JOURNALS

CYBERLENINKA

Google
Scholar

J-Gate
INDEXED

OPEN ARCHIVES

СРАВНИТЕЛЬНАЯ ПОЛИТИКА COMPARATIVE POLITICS RUSSIA

2021 ● Т.12 № 2

Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ФС77-28335 от 8 декабря 2009 г.
и Эл №ФС77-63932 от 09.12.15 (онлайн)

Издано при поддержке
фонда развития МГИМО

Международный редакционный совет

Главный редактор

А.Д. Воскресенский,
д.полит.н., д.философии
(Манчестерский у-тет), профессор

Заместитель главного редактора

Е.В. Колдунова, к.полит.н., доц.

Ответственный секретарь

Д.А. Кузнецов, к.полит.н.

Редакционная коллегия выпуска

Е.В. Колдунова

А.В. Ломанов

В.Г. Ледеяев

А.П. Бореев

Д.А. Кузнецов

Ответственный секретарь онлайн версии

И.Ю. Окунев, к.полит.н., доц.

Т.А. Алексеева, д.ф.н., проф., МГИМО МИД РФ, Москва, Россия
В.Я. Белокреницкий, д.и.н., проф., Институт востоковедения РАН, Москва, Россия
А.Д. Богатуров, д.полит.н., проф., Москва, Россия
Элизабет Вишиник, проф., Гос. у-тет Монклер; с.н.с., Колумбийский у-тет, США
Айше Дитрих, проф., Ближневосточный технический у-тет, Анкара, Турция
Александр Жебит, проф., Федеральный у-тет Рио-де-Жанейро, Бразилия
В.И. Журавлева, д.и.н., проф., РГТУ, Москва, Россия
Клаус Зегберс, проф., Свободный у-тет Берлина, Германия
Чарльз Зиглер, проф., У-тет Луисвилла, Луисвилл, США
О.В. Зиневич, д.ф.н., проф., НГТУ, Новосибирск, Россия
Акиhiro Ивасита, проф., У-тет Хоккайдо, Саппоро, Япония
М.В. Ильин, д.полит.н., проф., НИУ ВШЭ, Москва, Россия
Гэй Кристоферсен, проф., У-тет Джона Хопкинса, Нинкинский Центр, США-Китай
Айгуль Кульназарова, Ph.D., проф. международных отношений и международного права, У-тет Тама, Япония
В.Л. Ларин, д.и.н., проф., акад. РАН, ДВО РАН, Владивосток, Россия
В.Г. Ледеяев, д.ф.н., д. философии (Манчестерский у-тет), проф., НИУ ВШЭ, Москва, Россия
М.М. Лебедева, д.полит.н., проф., МГИМО МИД РФ, Москва, Россия
Чинтамани Махапатра, проф., ректор, У-тет им. Джавахарлала Неру, Индия
В.П. Макаренко, д.полит.н., д.ф.н., проф. ЮФУ, Ростов-на-Дону, Россия

В.В. Михеев, д.э.н., проф., акад. РАН, ИМЭМО РАН, Москва, Россия
Е.И. Пивовар, д.и.н., проф., член-корр. РАН, РГТУ, Москва, Россия
Е.В. Попов, LL.M.(У-тет Эссекса), к.ю.н., доц., МГИМО МИД РФ, Москва, Россия
Ли Син, проф., Пекинский педагогический у-тет, Пекин, Китай (КНР)
В.Д. Соловей, д.и.н., писатель, Москва, Россия
Л.В. Сморгунов, д.полит.н., проф., СПбГУ, Санкт-Петербург, Россия
М.В. Стрезнева, д.полит.н., д. философии (Манчестерский у-тет), проф., ИМЭМО РАН, Москва, Россия
Д.В. Стрельцов, д.и.н., проф., МГИМО МИД РФ, Москва, Россия
И.Н. Тимофеев, к.полит.н., доц., РСМД, Москва, Россия
Анн де Тинги, проф., Сьянс По, Париж, Франция
Алишер Файзуллаев, проф., У-тет мировой экономики и дипломатии Узбекистана, Ташкент, Узбекистан
Ши Чжюй, заслуж. проф. политических наук Тайваньского Национального у-тета и у-тета Сунь Ятсена, заслуженный национальный проф.
Чжао Хуашэн, проф., Фуцзяньский у-тет, Шанхай, Китай (КНР)
Т.А. Шаكلةина, д.полит.н., проф., МГИМО МИД РФ, Москва, Россия
Л.И. Шерстова, д.и.н., проф., ТГУ, Томск, Россия
Джсин Уилсон, заслуж. проф., Уитон Колледж; ассоциированный исследователь, Гарвардский у-тет, США
У Юйшань, проф., Академия Синика, Тайбэй, Китай, Тайвань

Макет и оформление *А.В. Талалаевского*

Журнал основан в 2009 г.
С начала издания – №41

Центр подписки:
+7(495) 617-18-88 (многоканальный)
Адрес редакции:
115035, Москва, Космодамианская наб., д. 26/55, стр. 7
Тел.: +7(495) 953-91-08
E-mail: avtor@lawinfo.ru;
http: www.lawinfo.ru

Печать офсетная
Усл. печ. л. 16,0
Общий тираж 3000 экз.
Цена свободная
Подписано в печать 15.08.2021
Выход из печати: 20.08.2021
ISSN – 2221-3279
ISSN (online) – 2412-4990

Точка зрения авторов может не
совпадать с точкой зрения редакции

© Воскресенский А.Д., эмблема, 2021
© Воскресенский А.Д., 2021
© Сравнительная политика, 2021
© Издательская группа «Юрист», 2021

COMPARATIVE POLITICS RUSSIA СРАВНИТЕЛЬНАЯ ПОЛИТИКА

2021 ● Vol. 12 № 2

Mass Media Registration Certificates: PI №FS77-28335 of Dec.8, 2009 &
EL №FS77-63932 of Dec.9, 2015(online)

Published with support
of MGIMO Endowment Foundation

International Editorial Board

Editor-in-Chief / Founder

Alexei D. Voskressenski, Dr. of Political Science,
PhD (University of Manchester), PhD (Institute of Far Eastern
Studies), Professor

Deputy Editor-in-Chief

Ekaterina V. Koldunova, Cand. of Political
Science, Associate Professor

Executive Secretary Denis A. Kuznetsov, Cand. of Political
Science

Tatiana A. Alekseeva, Dr. of Philosophy, Professor, MGIMO
University, Moscow, Russia

Viacheslav Ya. Belokrenitsky, Dr. of History, Professor,
Institute for Oriental Studies, RAS, Moscow, Russia

Alexei D. Bogaturov, Dr. of Political Science, Professor,
Moscow, Russia

Ayşe Dietrich, Professor, Middle East Technical University,
Ankara, Turkey

Alisher Faizullaev, Professor, University of World Economics
and Diplomacy of Uzbekistan, Tashkent, Uzbekistan

Gaye Christoffersen, Professor, Johns Hopkins University,
Nanjing Center, Nanjing, USA-China

Zhao Huasheng, Professor, Fudan University, Shanghai,
P.R. China

Mikhail V. Ilyin, Dr. of Political Science, Professor, Higher
School of Economics, Moscow, Russia

Akihiro Iwashita, Professor, University of Hokkaido, Sapporo,
Japan

Aigul Kulnazarova, Ph.D. Professor of International Rela-
tions and International Law School of Global Studies, Tama
University, Japan

Viktor L. Larin, Dr. of History, Professor, Academician, RAS
Marina M. Lebedeva, Dr. of Political Science, Professor,
MGIMO University, Moscow, Russia

Chintamani Mahapatra, Professor at School of International
Studies and Rector, Jawaharlal Nehru University, India

Victor P. Makarenko, Dr. of Political Science, Dr. of Philosophy,
Professor, Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia

Vasily V. Mikheev, Dr. of Economics, Academician, RAS, Institute
of World Economy and International Relations, Moscow, Russia

Efim I. Pivovarov, Dr. of History, Professor, Corresponding Member
RAS, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia

Evgeny V. Popov, Cand. of Law, LL.M (University of Essex),
Associate Professor, MGIMO University, Moscow, Russia

Editorial Board of the Issue

Ekaterina V. Koldunova

Aleksandr V. Lomanov

Valery G. Ledyayev

Arseny P. Boreev

Denis A. Kuznetsov

Executive Secretary (online version)

Igor Yu. Okunev, Cand. of Political
Science, Associate Professor

Klaus Segbers, Professor, Free University of Berlin, Germany

Tatiana A. Shakleina, Dr. of Political Science, Professor,
MGIMO University, Moscow, Russia

Chih-yu Shih, Professor (Political Science), National
Taiwan and National Sun Yat-sen University, National
Chair Professor Life-time

Valery D. Solovej, Dr. of History, Writer, Moscow, Russia

Lyudmila I. Sherstova, Dr. of History, Professor, Tomsk
State University, Tomsk, Russia

Leonid V. Smorgunov, Dr. of Political Science, Professor,
Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia

Marina V. Strezhneva, Dr. of Political Science, PhD

(University of Manchester), Professor, Institute of World
Economy and International Relations, RAS, Moscow, Russia

Dmitry V. Strel'tsov, Dr. of History, Professor, MGIMO
University, Moscow, Russia

Ivan N. Timofeev, Cand. of Political Science, Associate
Professor, Russian International Affairs Council, Moscow,
Russia

Anne de Tinguy, Professor, Sciences Po, Paris, France

Jeanne L. Wilson, Emeritus Professor, Wheaton College;
Research Associate, Harvard University, USA

Elizabeth Wishnick, Professor, Montclair State University;
Senior Research Scholar, Columbia University, USA

Yu-Shan Wu, Professor, Institute of Political Science,
Academia Sinica, Taipei City, Taiwan, China

Li Xing, Professor, Beijing Normal University, Beijing, P.R. China

Alexander Zhebit, Professor, Federal University of Rio de
Janeiro, Rio de Janeiro, Brazil

Viktoria I. Zhuravleva, Dr. of History, Professor, Russian
State University for the Humanities, Moscow, Russia

Charles E. Ziegler, Professor, University of Louisville, USA

Olga V. Zinevich, Dr. of Philosophy, Professor, Novosibirsk
State Technical University, Novosibirsk, Russia

Typesetting – Alexey Talalaevsky

Established in 2009
No. 41 since 2010

Subscription Centre:
+7(495)617-18-88 (multichannel)
Editorial Office Address:
Bldg. 7, 26/55 Kosmodamianskaya
Emb., Moscow, 115035
Phone: +7(495)953-91-08
E-mail: avtor@lawinfo.ru
www.lawinfo.ru

Offset printing
Conventional printing sheet – 16,0
Circulation: 3000 copies
Free-market-price
Passed for printing 15 August 2020
Printed: 25 August 2020
ISSN – 2221-3279
ISSN (online) – 2412-4990

*Authors' point of view may not
coincide with that of the Editorial
staff*

© Voskressenski A.D., logo, 2021
© Voskressenski A.D., 2021
© Comparative Politics, 2021 ©
Publishing Group "Yurist", 2021

СОДЕРЖАНИЕ

CONTENTS

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ КОНЦЕПЦИЙ И ИНСТИТУТОВ

Igor B. Borisov. Transition to Digital Electoral Technologies

СРАВНИТЕЛЬНАЯ ПОЛИТИКА И ГЕОПОЛИТИКА

Ф.И. Долгих. Факторы, влияющие на уровень доверия общества политическим партиям в странах Европейского Союза

Л.В. Савинов, В.Е. Шорохов. Сравнительный анализ антикоррупционной политики России и зарубежных стран

В.Ю. Разумовский. Российская «партия власти» и региональная политическая элита — интересы, противоречия, перспективы

А.Г. Наронская. Сравнительный анализ региональной элиты КПРФ и «Справедливой России»: социальные характеристики и каналы рекрутирования

МАТЕРИАЛЫ ДЛЯ ДИСКУССИИ

М.Н. Моховикова. Зазеркалье или можно ли преодолеть революцию?
Обсуждаем книгу: Революция и ее преодоление: очерки истории российской ментальности: монография / Е.М. Кожокин. М.: МГИМО-Университет, 2020. 270 с.

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ЛОКАЛЬНОГО ОПЫТА

М.А. Александрова. Российская пенсионная реформа в контексте гендерного равенства

Р.С. Мухаметов. Высокое представительство женщин в парламенте и пропорциональная избирательная система: работает ли эта взаимосвязь в России?

С.А. Иванов, Е.М. Савичева, В.П. Титов. Столкновение интересов и геополитическое соперничество в регионе Красного моря

COMPARATIVE ANALYSIS OF CONCEPTS AND INSTITUTIONS

5 Igor B. Borisov. Transition to Digital Electoral Technologies

COMPARATIVE POLITICS AND GEOPOLITICS

14 Fedor I. Dolgikh. Factors Affecting the Level of Public Confidence of Political Parties in the European Union

25 Leonid V. Savinov, Vyacheslav E. Shorokhov. Comparative Analysis of Anti-corruption Policy of Russia and Foreign Countries

38 Vladimir Yu. Razumovsky. Russian "Party of Power" and Regional Political Elite — Interests, Contradictions, Prospects

49 Anna G. Naronskaya. Comparative Analysis of Regional Elite of the Communist Party and «Just Russia»: Social Characteristics and Channels of Recruitment

DISCUSSION

65 Maria N. Mokhovikova. Through the Looking Glass or Can the Revolution Be Overcome?
Discussing the book: Revolution and Its Overcoming: Essays on the History of the Russian Mentality: monograph by E.M. Kozhokin. Moscow: MGIMO-University, 2020. 270 p. (in Russian)

COMPARATIVE ANALYSIS OF LOCAL CASES

70 Marianna A. Aleksandrova. Russian Pension Reform in the Context of Gender Equality

82 Ruslan S. Muhametov. High Representation of Women in Parliament and Proportional Electoral System: Does This Relationship Work in Russia?

94 Sergey A. Ivanov, Elena M. Savicheva, Valery P. Titov. Clash of Interests and Geopolitical Rivalry in the Red Sea Region

СОДЕРЖАНИЕ

CONTENTS

О.Г. Карпович, Л.А. Смагина. Россия – Республика Корея: итоги и перспективы (30 лет установления дипломатических отношений)

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Научная конференция «США: динамика и электоральное поведение»

Международная конференция «Новая администрация Байдена в США: международные перспективы»

Конференция «Подготовка специалистов в области международных исследований и зарубежного регионоведения в новых условиях»

Международная конференция «Регионоведение и подготовка специалистов в новых обстоятельствах»

Расширенное совещание Евразийской Экономической Комиссии

НА КНИЖНОЙ ПОЛКЕ

Исследования Центра комплексного китаеведения и региональных проектов МГИМО Университета

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

111 Oleg G. Karpovich, Luybov A. Smagina. Russia – Republic of Korea: Results and Prospects (30 Years of Diplomatic Relations)

ACADEME

121 Conference “The USA: Dynamics and Electoral Behavior”

121 International Conference “New Biden Administration in the USA: International Perspectives”

122 Conference “Training of Specialists in the Field of International Studies and World Regional Studies in New Conditions”

122 International Conference “Regional Studies and Training of Specialists in New Conditions”

122 Expanded Meeting of the Eurasian Economic Commission

ON THE BOOKSHELF

123 Research of the Center for Comprehensive Chinese Studies and Regional Projects of MGIMO University

127 GUIDE FOR AUTHORS

TRANSITION TO DIGITAL ELECTORAL TECHNOLOGIES

Igor B. Borisov

*Russian Public Institute of Electoral Law,
Moscow, Russia*

Article history: <i>Received:</i> 17.02.2021 <i>Accepted:</i> 16.04.2021	Abstract: The first decades of the XXI century were marked by the active development of information and communication technologies, including in electoral and political spheres. The COVID-19 pandemic has given a powerful additional impetus to these processes. The practice has become ahead of regulation, both nationally and internationally. The lack of unified legal enactments regulating the digitalization of socially significant procedures (primarily in the electoral sphere) is a constraining factor in the development of political processes of a new reality. The author is sure that it is necessary to unite the efforts of legislators, relevant public and international organizations to develop improved rules for political life of society in the digital environment, where the balance of guaranteed rights and freedoms of citizens will be maintained, on the one hand, and a high level of security, reliability and efficiency of new technologies, on the other hand.
About the author: PhD in Law, President of the Russian Public Institute of Electoral Law e-mail: roiiip@roiiip.ru	
Key words: automation of electoral procedures; digital democracy; digital political processes; elections; e-voting; e-elections; e-democracy; political processes; reproduction of power	<i>Acknowledgements: the research was funded by RFBR and EISR, project number No. 20-011-31624 «Transformation of social and political relations and public-power communication in the political process in modern Russia under the influence of the introduction of end-to-end digital technologies: forms, technologies, actors and digital actors».</i>

Today any citizen can easily learn the latest news, get access to documents in electronic format, as well as use electronic services of all public authorities and departments at different levels. Modern technologies have become accessible to any group of citizens.

Digital technologies that are transforming in real-time and deal with a great set of data have contributed to the process of shifting the centers of power, communication, and decision-making. The crisis caused by the pandemic encouraged society to mobilize its efforts to search for new models of not only management but also the lifestyle based on digital technologies.¹

Certainly, soon the process of digitalization, combined with the use of artificial intelligence and a big set of data, will enhance the development of society in all spheres, including electoral and political ones. At the same time, the system of social control in cooperation with the technology of «social credit» will be a key to a significant breakthrough² in development.

The democratic form of society enables us to exercise human rights and freedoms with the help of various tools and institutions, and e-democracy³ greatly facilitates this process.

the End of the Era of Digital Innocence) / RSMD. Mode of access: www.globalaffairs.ru/articles/konecz-epohi-czifrovoj-nevinnosti]

¹ Гомар Т. COVID-19, или конец эпохи цифровой невинности // РСМД. Режим доступа: www.globalaffairs.ru/articles/konecz-epohi-czifrovoj-nevinnosti [Gomar, T. COVID-19, ili konec epohi cifrovoj nevinnosti (COVID-19, or

² Strittmatter, K. Dictature 2.0. Quand la Chine surveille son peuple (et demain le monde). Paris: Tallandier, 2020. P. 18.

³ Electronic democracy (e-democracy) is generally understood as one of the forms of democracy characterized by the use of information and

The pandemic gave a powerful impetus to digitalization and further highlighted the importance of the communication sphere. During the period of quarantines and lockdowns, the world became physically fragmented but remained informationally integral.⁴ This integrity has become even more solid and global, but at the same time, it attempts to get out of legal control based on law.

The global reformatting of society is already under way. According to think tanks, digital authoritarianism is growing stronger. Digital companies use methods of censorship, suppression through fear and punishment, restricting access to information through Internet outages and brandmauer, as well as offer discounts and impose fines in digital platforms that provide access to services and payments⁵. In this regard, the sphere of public political processes is no exception as it is gradually but steadily being immersed in digital technologies of the global information and communication environment of the Internet. In addition to a higher speed and volume of information, which

is received by every stakeholder of public legal relations, digital technologies also directly penetrate political processes, ranging from holding public events remotely (meetings, sessions, conferences, congresses, and even rallies) to universal suffrage without traditional polling stations and paper ballots.

Cutting-edge technologies, including information and telecommunications, have already become the locomotive of the social and economic development of many countries while ensuring guaranteed free access of citizens to information is one of the most important tasks of states⁶. Digital technologies actively penetrate traditional procedures and new areas of lifestyle, bringing changes in their capacities and broadening the horizons of their use⁷.

The pandemic, which has hit hard all countries across the world, provided a virtually unlimited opportunity to establish national technological standards of regulation under new conditions, which began to influence the global information environment and contribute to the development of international civilized rules for the so-called “digitalization”.

As political and electoral processes involve the entire spectrum of parties and political forces, specialized civil society institutions, and human rights activists, they are at the forefront of legal digitalization that aims to establish a clear and straightforward regulation of new conditions and rules of public legal relations in the digital environment.

No doubt, the digitalization of political processes makes certain procedures less complicated. The use of digital technologies related to the people’s participation in governance does offer some advantages. These

communication technologies as the main tool for collective, cognitive and administrative processes (information-sharing, joint decision-making, e-voting, monitoring of the implementation of decisions, etc.) at all levels, local and international ones. (see, for example: Абрамова Д.С. Электронная демократия в России: проблемы политической коммуникации // Гуманитарные научные исследования. 2013. № 1. Режим доступа: www.human.snauka.ru/2013/01/2145 [Abramova, D.S. Elektronnaya demokratiya v Rossii: problemy politicheskoi kommunikacii (Electronic democracy in Russia: Problems of Political Communication) // *Gumanitarnye nauchnye issledovaniya*, 2013, No. 1. Mode of access: www.human.snauka.ru/2013/01/2145]

⁴ Лукьянов Ф. Дело Трампа продолжает его враги // Коммерсант. Режим доступа: www.kommersant.ru/doc/4639577 [Luk’yanov, F. Delo Trampa prodolzhat ego vragi (Trump’s Enemies Will Continue His Case). Mode of access: www.kommersant.ru/doc/4639577]

⁵ Лосев А. Изменились ли горожане внутренне? Цифровые итоги – 2020. Режим доступа: www.globalaffairs.ru/articles/izmenilis-li-gorozhane-cifra-2020 [Losev, A. Izmenilis’ li gorozhane vnutrenne? Cifrovye itogi – 2020 (Have the City Folk Changed Inwardly? Digital Results – 2020). Mode of access: www.globalaffairs.ru/articles/izmenilis-li-gorozhane-cifra-2020]

⁶ Strategy for Information Society Development until 2030 in the Russian Federation approved by the President of the Russian Federation (2008) / Rossijskaya gazeta (34). (in Russian)

⁷ Курячая М.М. Электронное правосудие как необходимый элемент электронной демократии в современной России // Конституционное и муниципальное право. 2013. № 7. С. 52. [Kuryachaya, M.M. Elektronnoe pravosudie kak neobhodimyj element elektronnoj demokratii v sovremennoj Rossii (Electronic Justice as a Necessary Element of Electronic Democracy in Modern Russia). *Konstitucionnoe i municipal’noe pravo*, 2013, No. 7, p. 52.]

include greater opportunities for people to play a more active role in politics, including management, affordable, accountable, and inclusive citizenship, for voters with disabilities as well, smooth implementation, timely decision-making and follow-up, cost reduction, mitigating the impact of “human factor” and others that have not manifested yet⁸.

However, digitalization bears some risks that should not be dismissed, especially in political relations. It is essential to investigate and analyze these risks and take measures to reduce or eliminate them.

For example, in our case, these are the risks associated with the peculiarity of data storage and information spreading on the Internet, possible unauthorized interference, the problem of “digital inequality”, etc. There is a technical solution to all these issues, but some of them require a thorough, holistic and collective solution achieved by all stakeholders in the era of global digitalization.

Back in the 1990s, the Internet was treated as a threat to state sovereignty (at least in a way it is understood since the Peace of Westphalia)⁹. As the World Wide Web has a cross-border and global nature it lies beyond the jurisdiction of the state¹⁰, nevertheless, it should exist

in conformity with the legal foundations of statehood and the principles of building a modern society.

Some external forces can use the Internet as a means to intervene in the domestic affairs of sovereign states, which must be taken into account during the digitalization of political procedures.

Even today, when solving the problems of digitalization, it is necessary to consider the possibility of civilized regulation of relations that occur on the World Wide Web beyond national jurisdiction and affect the internal politics of the state.

There is a strong need to establish legal forms of implementation of digital democracy: draft relevant laws, regulations, and develop concepts that will enable the government to exercise its power over the processes that take place de facto within and beyond its territory. Undoubtedly, at the same time, it is essential to carry out work, which aims at adopting international acts that will regulate digital processes beyond the jurisdiction of sovereign states. Legal science does not stand aloof from the analysis and the understanding of the current digitalization of electoral processes¹¹, but it has not yet developed universal methods to control digitalization in politics. Some scholars are wary of direct public participation in all issues that require a political solution¹².

⁸ See, for example: Борисов И.Б. На пути к электронной демократии. Цифровые технологии в системе демократического воспроизводства властных институтов // Избирательное законодательство и практика. 2019. № 3. С. 9. [Borisov, I.B. Na puti k elektronnoy demokratii. Cifrovyetekhnologii v sistemedemokraticeskogo vosproizvodstva vlastnyh institutov (On the Way to Electronic Democracy. Digital Technologies in the System of Democratic Reproduction of Public Institutions) // *Izбирatel'noe zakonodatel'stvo i praktika*, 2019, No. 3, p. 9.]

⁹ State sovereignty is seen not as isolationism and detachment from global processes, but as autonomy, which is sought and formed by the state in the interest of the development and preservation of the nation and peoples.

¹⁰ Колозариди П., Муравьев Д. Интернет после глобальности // Россия в глобальной политике. Режим доступа: www.globalaffairs.ru/articles/internet-posle-globalnosti [Kolozaridi, P.; Murav'ev, D. Internet posle global'nosti (The Internet after Globality) // *Rossia v globalnoy politike*. Mode of access: www.globalaffairs.ru/articles/internet-posle-globalnosti]

¹¹ See, for example: Борисов И.Б., Головин А.Г., Игнатов А.В. Выборы в мире: электронное голосование / под общ. ред. И.Б. Борисова. М.: Российский общественный институт избирательного права, 2020. 218 с. [Borisov, I.B.; Golovin, A.G.; Ignatov, A.V. Vyборы v mire: elektronnoe golosovanie (Elections in the World: Electronic Voting), ed. by Borisov I.B. Moscow: Russian Public Institute of Electoral Law. 218 p.]; Головин А.Г., Головина А.А. Язык и стиль избирательного законодательства в современную информационную эпоху: горизонты развития // Гражданин. Выборы. Власть. 2019. № 3. С. 44-58 [Golovin, A.G.; Golovina, A.A. Yazyk i stil' izbiratel'nogo zakonodatel'stva v sovremennuyu informacionnuyu epohu: gorizonty razvitiya (Language and Style of Electoral Legislation in the Modern Information Age: Horizons of Development) // *Grazhdanin. Vyборы. Vlast'*, 2019, No. 3, pp. 44-58].

¹² See, for example: Эбзеев Б.С. Конституция, власть и свобода в России: Опыт синтетического исследования. М.: Проспект, 2014. С. 190-191

Arguing about the direct participation of the population in governance, Ebzeev B.S. put it best when he wrote that “proclaiming the referendum and free elections as the highest and direct expression of the power of the people and guaranteeing in Article 32 (chapter 2) the right of citizens of the Russian Federation to participate in free elections and referendums, the Constitution of the Russian Federation proceeds from the fact that the above-mentioned higher forms of direct democracy, with each of them having its own purpose in the process of people’s rule, are equivalent, interconnected, and thus complementary; (...) a referendum cannot be used as an institution to replace other institutions of direct democracy, on the one hand, or as a counterweight to the institutions of representative democracy, including in violation of the exclusive prerogatives of the Federal Assembly or other federal bodies of public power, which must be carried out in other constitutionally established forms of lawmaking as the way to make decisions at a state level, on the other hand. Therefore, the “autocracy of popular sovereignty” has its boundaries marked by the exclusive powers of the parliament, the head of state, the judiciary, etc.”¹³

At the same time, it should not be disregarded that the Internet is considered not only as a complex technology but also as part

of inalienable human rights¹⁴. In particular, today human rights activists are wary of the leakage of personal data stored in digital form, especially if it concerns electoral and political processes.

The life of society encourages us to research to study the essence, forms, and the pace of development of socio-political organization under the influence of digital technologies. It is of high importance to identify features, causal links, and systemic effects of the introduction of digitalization in electoral procedures and public-power communication in general.

In academic literature, they already talk about such a notion as “electronic state”, which appeared in response to the challenges of the new digital world.¹⁵

The ongoing processes of digitalization fundamentally change many mechanisms of public-power communication, including both lawmaking and law enforcement.¹⁶

¹⁴ The connection between the Internet and human rights is not a figure of speech, as evidenced by the activities of the Internet Research Task Force. One of their departments is trying to understand the way human rights, for example, the right to freedom of expression can be “sewn” into the Internet protocols themselves, for example: Human Rights Protocol Considerations Research Group HRPC (www.irtf.org/hrpc).

¹⁵ Головина А.А. (в соавт. с Н.Н. Черногором, Ю.Н. Кашеваровой, А.А. Стратюк). Правоприменение в фокусе становления электронного государства: вызовы «новой реальности» // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2016. № 4. С. 191-194. [Golovina, A.A. (in collaboration with Chernogor N.N. & Kashevarova Yu. N. & Stratiuk A.A.). *Pravoprimerenie v fokuse stanovleniya elektronnoho gosudarstva: vyzovy “novoj real’nosti”* (Law Enforcement in the Focus of the Formation of the Electronic State: Challenges of the “New Reality”) // *Zhurnal zarubezhnogo zakonodatel'stva i sravnitel'nogo pravovedeniya*, 2016, No. 4, pp. 191-194]; Головина А.А. Электронное голосование и трансформация права в современную цифровую эпоху // Избирательное законодательство и практика. 2019. № 2. С. 19-22. [Golovina, A.A. *Elektronnoe golosovanie i transformatsiya prava v sovremennuyu tsifrovuyu epokhu* (Electronic Voting and the Transformation of Law in the Modern Digital Era) // *Izbitatel'noe zakonodatel'stvo i praktika*, 2019, No. 2, pp. 19-22.]

¹⁶ See also: Головин А.Г., Головина А.А. Язык и стиль избирательного законодательства в со-

[Ebzeev, B.S. *Konstituciya, vlast' i svoboda v Rossii: opyt sinteticheskogo issledovaniya* (Constitution, Power and Freedom in Russia: Experience of Synthetic Research). Moscow: Prospect publ., 2014.]; Борисов И.Б., Головин А.Г., Игнатов А.В. Выборы в мире: особенности референдумного процесса. Практика и электоральные технологии / под общ. ред. И.Б. Борисова. М.: РОИИП, 2018. 278 с. [Borisov, I.B.; Golovin, A.G.; Ignatov, A.V. *Vybory v mire: osobennosti referendumnogo processa. Praktika i elektoral'nye tekhnologii* [Elections in the World: Features of the Referendum Process. Practice and Electoral Technologies], ed. by Borisov I.B. Moscow: ROIP publ., 2018. 278 p.]

¹³ Эбзеев Б.С. Конституция, власть и свобода в России: Опыт синтетического исследования. М.: Проспект, 2014. С. 190-191 [Ebzeev, B.S. *Konstituciya, vlast' i svoboda v Rossii: opyt sinteticheskogo issledovaniya* (Constitution, Power and Freedom in Russia: Experience of Synthetic Research). Moscow: Prospect publ., 2014.]

The processes of digitalization in law not only affect the form of interaction between the government and society, but they also change the very essence of political and legal phenomena. As a result, the cooperation of various actors of political communication becomes easier; political and legal decision-making and the participation of citizens in governance become more accessible, and consequently more democratic. Finally, Russia is witnessing the establishment of electronic democracy.¹⁷

Taking into consideration its essential criteria (global and cross-border nature), the model of Internet regulation assumes that business and civil society are among its basic regulators, besides the state. The process of regulating the Internet often sees the emergence of new actors, namely the media, individual ethnic groups, state corporations, and others, that should be not dismissed, but offered a right place in the system of legal relations in the digital environment.

The reality is that with our society going through profound changes in the models of social organization and cooperation, centralized hierarchic structures are replaced by flexible network types, a more active people's self-organization to solve a specific problem, and higher individual standing. Information and

knowledge in modern society have not only become a crucial factor of production and given impetus to the economy but have also gained a different social and political significance. In the information society, successful public social policy increasingly depends on available and effective innovation systems at national, regional, and local levels.¹⁸

In the context of our reflections on establishing a new balance of power and sustainable development of society, it is of particular importance to adopt positions, draft road maps, and set goals for the development of the nation along with reducing risks.

Not only has the pandemic deepened and advanced the general trends that emerged before its outbreak, but in the short run, it may also result in a change in the political organization of the entire society.

It is common nowadays to gather and use personal and collective digital data beyond the proper regulation of digitalization. However, digital platforms sometimes tend to claim public powers. A situation that followed the US presidential elections on November 3 is a compelling example.

Given the lack of national jurisdiction over the Internet, no state can regulate the behavior of digital platforms alone. An extremely rapid spread of information and communication technologies in all spheres of human activity has caused a greater interdependence of countries, and thus requires relentless work in this direction.

Meanwhile, digital platforms are one of the elements of a sovereign state. It is necessary to define their legal framework. For instance, in the United States, such platforms enjoy considerable autonomy concerning the federal government, being a part of the emerging military-digital complex. As for the Chinese authorities, they have total control over digital platforms.

временную информационную эпоху: горизонты развития // Гражданин. Выборы. Власть. 2019. № 3. С. 44-58. [Golovin, A.G.; Golovina, A.A. *Yazyk i stil' izbiratel'nogo zakonodatel'stva v sovremennuyu informatsionnuyu epokhu: gorizonty razvitiya* (The Language and Style of Electoral Legislation in the Modern Information Age: Horizons of Development) // *Grazhdanin. Vybory. Vlast'*, 2019, No. 3, pp. 44-58.]

¹⁷ See: Antonov, Ya.V.; Ovchinnikov, V.A. *Nekotorye aspekty obespecheniya konstitucionnogo sootvetstviya elektronnoho gosovaniya kak chasti elektronnoy demokratii* (Some Aspects of Ensuring the Constitutional Conformity of Electronic Voting as a Part of Electronic Democracy) // *Gosudarstvennaya vlast' i mestnoe samoupravlenie*, 2014, No. (1), pp. 40-44.; Kalashnikova, V.B. (2014) *Elektronnaya demokratiya v Rossii: utopiya ili progressivnaya real'nost'* (Electronic Democracy in Russia: Utopia or Progressive Reality) // *Problemy organizatsii organov gosudarstvennoy vlasti i mestnogo samoupravleniya: istoriya, teoriya, praktika i perspektivy: sbornik nauchnykh trudov*. Irkutsk, pp. 150-157.], etc.

¹⁸ Курячая М.М. Электронное голосование как этап развития непосредственной демократии // Конституционное и муниципальное право. 2017. № 11. С. 31-35. [Kuryachaya, M.M. *Elektronnnoye gosovovanie kak etap razvitiya neposredstvennoy demokratii* (Electronic Voting as a Step towards Direct Democracy) // *Konstitucionnoe i municipal'noe pravo*, 2017, No. 11, pp. 31-35.]

In today's globalized information environment, voters, as never before, are exposed to external influence, that occurs at an unprecedented speed and a large scale. The population is particularly exposed to political influence during elections.

Previously, electoral interference required physical efforts. State laws stood guard against illegal activities; there were specific provisions concerning votes counting, authorized and unauthorized activities near polling stations. Today, it is much easier to influence and manipulate voters without crossing borders and leaving office, at any time and no matter where.

COVID-19 marks the end of the pre-digital era of political processes. Further development of digital democracy elements is expected, along with a more active introduction of information and communication technologies in the political process.

The lack of clear criteria and rules of conduct for "digital" electoral procedures at the international level, on the one hand, gives a margin of maneuver to national lawmakers and enables them to create various models for organizing national elections¹⁹; on the other hand, they hamper the development of digital technologies. For example, during remote e-voting with the use of the Internet, there is an unresolved contradiction between two generally recognized principles of elections, namely, the secrecy of ballot and accountability of the registered votes counting, which is necessary to put into practice the principle of fair elections.

The digital industry that stormed into the voting processes mitigated the consequences of the pandemic; online services saved more than one thousand lives while citizens were exercising their electoral rights. A high turnout at the remote electronic voting has proved its relevance, as people were highly interested in expressing their will online.

National lawmakers are challenged to find a timely and adequate legal response

to the emerging trends driven by the evolution and complication of the digital and information environment, general scientific and technological progress. As it was already noted, "digitalization and the development of information technologies do not only give impetus to further social and economic development, scientific and technological progress, but also bear some risks for quite conservative public institutions, the state, and law. Even today, the level of technology development is higher than the relative "degree of elasticity" of a legal framework and the ability to conform to it".²⁰

It is noteworthy that there is a compelling feature in the development of modern technologies, devices, and software – their customer-oriented nature. New mechanisms of people's participation in politics at the local and state level should be understandable and affordable, which will lead to a more active engagement in relevant political processes.

At the same time, it is of particular importance to raise public trust towards these technologies. To this end, it is necessary to assure people that their electoral rights will be fully respected while using digital technologies, including remote e-voting, and that legal and practical mechanisms are reliably integrated into the complex viable system to provide electoral rights.

The analysis of international documents in the sphere of international state obligations of states concerning the organization of e-voting shows that a solid regulatory framework in this area has been developing, although with a major delay from practice.

Electronic voting is an international practice used in decision-making, including elections, in different countries of the world (the United States, France (at primaries),

¹⁹ Борисов И., Журавлев В. Модернизация избирательного процесса в мире. М.: АНО ЦСПИ «Аспект», 2011. С. 20. [Borisov, I.; Zhuravlev, V. Modernizaciya izbiratel'nogo processa v mire (Modernization of the Electoral Process in the World). Moscow: "Aspect" Publ. P. 20.]

²⁰ Головин А.Г., Головина А.А. Язык и стиль избирательного законодательства в современную информационную эпоху: горизонты развития // Гражданин. Выборы. Власть. 2019. № 3. С. 44-58. [Golovina, A.A.; Golovin, A.G. Yazyk i stil' izbiratel'nogo zakonodatel'stva v sovremennuyu informacionnuyu epohu: gorizonty razvitiya (The Language and Style of Electoral Legislation in the Modern Information Age: Horizons of Development) // *Grazhdanin. Vyборы. Vlast'*, 2019, No. 3, p. 46.]

Switzerland, Australia, Canada, etc.). For instance, in Estonia, more than 43% of citizens vote online. According to polls, more than 70% of the Swiss favor the prospect of the introduction of e-voting at all levels, even though 2019 saw the rise of a movement against online voting for security reasons.²¹ There existed two electronic voting systems in Switzerland as of 2019. The so-called CHVote system from Geneva is used in the cantons of Vaud, Berne, Lucerne, Basel, St. Gallen, and Aargau. The cantons of Neuchatel, Fribourg, and Thurgau have already switched to the Poste E-Voting system, proposed by the Swiss Post.

On the whole, the establishment of a system of specialized international electoral standards in e-voting and ensuring people's active participation in political processes will require some time, and it will seriously lag behind the development of national legislation and practice across the world.

At the first stage, international organizations and their specialized agencies will take a rather "soft" approach towards establishing international standards in e-voting, as the development of such forms of voting and their enshrining in law in several countries of the world, will proceed at different speeds. In addition, public legislators will have different approaches towards electronic voting regulation and the prospect of its use during general elections.

A large-scale introduction of remote e-voting may challenge the state and its people to find new ways to understand some principles of democratic elections that seemed to be unshakeable. They include, first and foremost, the secrecy of the ballot, fair vote counting, and transparency.

In this regard, it is essential to prioritize these principles and their implementation during e-voting, as well as to determine possible deviations from traditional approaches

that might occur when implementing these priorities, at least at the first stage.

Best practices and visible interest of voters in the development of digital voting technologies prove that remote e-voting and other forms of digital political participation undoubtedly have a future. Taking into account the analysis of existing practices, rapid development of digital technologies, and further improvement of the regulatory framework reinforced by international documents are anticipated in the long run.

Having affected everyone, the 2020 pandemic gave a strong impetus to remote procedures, including electoral and political ones. Humankind has mobilized enormous resources to minimize the risks of infection and to make our lifestyle digital and automatic. That is why the world will never be the same, as digital technologies have become part of our society, and the pre-digital era of political processes is coming to an end.

Development is itself inevitable. The only question is how we adapt to it. If society fails to do that expeditiously, it will face a collapse. A premature adaptation may turn into a regression, as society is starting to lose all the good that it had gained before the changes began. Legal relations in society met new challenges when digital giants embarked on various methods of censorship, suppression through fear, and punishment in the form of restricting access to information and digital services.²²

At the current stage of the end of the pre-digital era in politics, an overarching mission of lawmakers and relevant international organizations is to get involved in the development of rules for the political life of society in the digital environment and ensure not only the preservation of full scope of rights and freedoms of citizens but also the safety of new technologies.

²¹ Малькевич А.А. Опыт общественного наблюдения за дистанционным электронным голосованием // Вестник ЦИК России. 2020. № 8. [Mal'kevich, A.A. Opyt obshchestvennogo nablyudeniya za distancionnym elektronnyim golosovaniem (Experience of public monitoring of remote electronic voting) // *Vestnik CIK Rossii*, 2020, No. 8.]

²² Such "sanctions" were imposed on the US President Donald Trump, who lost the election on November 3, 2020, beyond the established norms and rules: the incumbent president was denied access to his accounts in most social networks (Twitter, etc.). PayPal refused Trump supporters to make transfers; in addition, Amazon, Apple and Google, blocked other services on their platforms and data centers where they could support Trump.

Литература:

Абрамова Д.С. Электронная демократия в России: проблемы политической коммуникации // Гуманитарные научные исследования. 2013. № 1. Режим доступа: www.human.snauka.ru/2013/01/2145

Борисов И., Журавлев В. Модернизация избирательного процесса в мире. М.: АНО ЦСПИ «Аспект», 2011.

Борисов И.Б. На пути к электронной демократии. Цифровые технологии в системе демократического воспроизводства властных институтов // Избирательное законодательство и практика. 2019. № 3.

Борисов И.Б., Головин А.Г., Игнатов А.В. Выборы в мире: особенности референдумного процесса. Практика и электоральные технологии / под общ. ред. И.Б. Борисова. М.: РОИИП, 2018. 278 с.

Борисов И.Б., Головин А.Г., Игнатов А.В. Выборы в мире: электронное голосование / под общ. ред. И.Б. Борисова. М.: Российский общественный институт избирательного права, 2020. 218 с.

Головин А.Г., Головина А.А. Язык и стиль избирательного законодательства в современную информационную эпоху: горизонты развития // Гражданин. Выборы. Власть. 2019. № 3. С. 44-58.

Головина А.А. (в соавт. с Н.Н. Черногором, Ю.Н. Кашеваровой, А.А. Стратюк). Правоприменение в фокусе становления электронного государства: вызовы «новой реальности» // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2016. № 4. С. 191-194.

Головина А.А. Электронное голосование и трансформация права в современную цифровую эпоху // Избирательное законодательство и практика. 2019. № 2. С. 19-22.

Гомар Т. COVID-19, или конец эпохи цифровой невинности // РСМД. Режим доступа: www.globalaffairs.ru/articles/konecz-epohi-czifrovoj-nevinnosti

Колозариди П., Муравьев Д. Интернет после глобальности // Россия в глобальной политике. Режим доступа: www.globalaffairs.ru/articles/internet-posle-globalnosti

Курячая М.М. Электронное голосование как этап развития непосредственной демократии // Конституционное и муниципальное право. 2017. № 11. С. 31-35.

Курячая М.М. Электронное правосудие как необходимый элемент электронной демократии в современной России // Конституционное и муниципальное право. 2013. № 7.

Лосев А. Изменились ли горожане внутренне? Цифровые итоги – 2020. Режим доступа: www.globalaffairs.ru/articles/izmenilis-li-gorozhane-czifra-2020

Малькевич А.А. Опыт общественного наблюдения за дистанционным электронным голосованием // Вестник ЦИК России. 2020. № 8.

Эбзеев Б.С. Конституция, власть и свобода в России: Опыт синтетического исследования. М.: Проспект, 2014. С. 190-191.

Strittmatter, K. Dictature 2.0. Quand la Chine surveille son peuple (et demain le monde). Paris: Tallandier, 2020.

References:

Abramova, D.S. Elektronnaya demokratiya v Rossii: problemy politicheskoi kommunikacii (Electronic democracy in Russia: Problems of Political

Communication) // Gumanitarnye nauchnye issledovaniya, 2013, No. 1. Mode of access: www.human.snauka.ru/2013/01/2145

Borisov, I.; Zhuravlev, V. Modernizaciya izbiratel'nogo processa v mire (Modernization of the Electoral Process in the World). Moscow: "Aspect" Publ.

Borisov, I.B. Na puti k elektronnoj demokratii. Cifrovye tekhnologii v sisteme demokraticeskogo vosproizvodstva vlastnyh institutov (On the Way to Electronic Democracy. Digital Technologies in the System of Democratic Reproduction of Public Institutions) // Izbiratel'noe zakonodatel'stvo i praktika, 2019, No. 3.

Borisov, I.B.; Golovin, A.G.; Ignatov, A.V. Vyборы в мире: elektronnoe golosovanie (Elections in the World: Electronic Voting), ed. by Borisov I.B. Moscow: Russian Public Institute of Electoral Law. 218 p.

Borisov, I.B.; Golovin, A.G.; Ignatov, A.V. Vyборы в мире: osobennosti referendumnogo processa. Praktika i elektoral'nye tekhnologii [Elections in the World: Features of the Referendum Process. Practice and Electoral Technologies], ed. by Borisov I.B. Moscow: ROIP publ., 2018. 278 p.

Ebzeev, B.S. Konstituciya, vlast' i svoboda v Rossii: opyt sinteticheskogo issledovaniya (Constitution, Power and Freedom in Russia: Experience of Synthetic Research). Moscow: Prospect publ., 2014.

Golovin, A.G.; Golovina, A.A. Yazyk i stil' izbiratel'nogo zakonodatel'stva v sovremennuyu informacionnuyu epohu: gorizonty razvitiya (Language and Style of Electoral Legislation in the Modern Information Age: Horizons of Development) // Grazhdanin. Vyборы. Vlast', 2019, No. 3, pp. 44-58.

Golovina, A.A. (in collaboration with Chernogor N.N. & Kashevarova Yu. N. & Stratiuk A.A.). Pravoprimenenie v fokuse stanovleniya elektronno gosudarstva: vyzovy "novoj real'nosti" (Law Enforcement in the Focus of the Formation of the Electronic State: Challenges of the "New Reality") // Zhurnal zarubezhnogo zakonodatel'stva i sravnitel'nogo pravovedeniya, 2016, No. 4, pp. 191-194.

Golovina, A.A. Elektronnoe golosovanie I transformatsiya prava v sovremennuyu tsifrovuyu epohu (Electronic Voting and the Transformation of Law in the Modern Digital Era) // Izbiratel'noe zakonodatel'stvo i praktika, 2019, No. 2, pp. 19-22.

Gomar, T. COVID-19, ili konec epohi cifrovoj nevinnosti (COVID-19, or the End of the Era of Digital Innocence) / RSMD. Mode of access: www.globalaffairs.ru/articles/konecz-epohi-czifrovoj-nevinnosti

Kolozaridi, P.; Murav'ev, D. Internet posle global'nosti (The Internet after Globality) // Rossia v global'noy politike. Mode of access: www.globalaffairs.ru/articles/internet-posle-globalnosti

Kuryachaya, M.M. Elektronnoe golosovanie kak etap razvitiya neposredstvennoj demokratii (Electronic Voting as a Step towards Direct Democracy) // Konstitucionnoe i municipal'noe pravo, 2017, No. 11, pp. 31-35.

Kuryachaya, M.M. Elektronnoe pravosudie kak neobhodimy element elektronnoj demokratii v sovremennoj Rossii (Electronic Justice as a Necessary Element of Electronic Democracy in Modern Russia). Konstitucionnoe i municipal'noe pravo, 2013, No. 7.

Losev, A. Izmenilis' li gorozhane vnutrenne? Cifrovye itogi – 2020 (Have the City Folk Changed Inwardly? Digital

Results – 2020). Mode of access: www.globalaffairs.ru/articles/izmenilis-li-gorozhane-czifra-2020.

Mal'kevich, A.A. Opytobshchestvennogonablyudeniya za distancionnym elektronnyim golosovaniem (Experience

of public monitoring of remote electronic voting) // *Vestnik CIK Rossii*, 2020, No. 8.

Strittmatter, K. Dictature 2.0. Quand la Chine surveille son peuple (et demain le monde). Paris: Tallandier, 2020. P. 18.

DOI: 10.24411/2221-3279-2021-10014

ПЕРЕХОД НА ЦИФРОВЫЕ ЭЛЕКТОРАЛЬНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ

Игорь Борисович Борисов

*Российский общественный институт избирательного права,
Москва, Россия*

Информация о статье: <i>Поступила в редакцию:</i> 17 февраля 2021 <i>Принята к печати:</i> 16 апреля 2021	Аннотация: Первые десятилетия XXI века ознаменовались активным развитием информационно-коммуникационных технологий, в том числе в электорально-политической сфере. Пандемия COVID-19 придала мощный дополнительный импульс этим процессам. Практика стала опережать нормативное регулирование, как на национальном уровне, так и на международном уровне. Отсутствие унифицированных нормативно-правовых актов, регламентирующих цифровизацию общественно-значимых процедур (в первую очередь, в электоральной сфере), является сдерживающим фактором развития политических процессов новой реальности. Автор уверен, что требуется объединение усилий законодателей, профильных общественных и международных организаций для выработки усовершенствованных правил политической жизни общества в цифровой среде, где будет сохранен баланс гарантированных прав и свобод граждан, с одной стороны, и высокий уровень безопасности, достоверности и эффективности новых технологий, с другой.
Об авторе: к.ю.н., Заслуженный юрист России, Председатель Совета Российского общественного института избирательного права (РОИИП) e-mail: iroiip@roiip.ru	
Ключевые слова: автоматизация избирательных процедур; воспроизводство власти; выборы, политические процессы; цифровая демократия; цифровые политические процессы; электронное голосование; электронные выборы; электронная демократия	

Для цитирования: Borisov, Igor B. Transition to Digital Electoral Technologies // *Сравнительная политика*. 2021. № 2. С. 5-13.

DOI: 10.24411/2221-3279-2021-10014

For citation: Borisov, Igor B. Transition to Digital Electoral Technologies // *Comparative Politics Russia*, 2021, No. 2, pp. 5-13.

DOI: 10.24411/2221-3279-2021-10014

DOI: 10.24411/2221-3279-2021-10015

ФАКТОРЫ, ВЛИЯЮЩИЕ НА УРОВЕНЬ ДОВЕРИЯ ОБЩЕСТВА ПОЛИТИЧЕСКИМ ПАРТИЯМ В СТРАНАХ ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА

Федор Игоревич Долгих

*Негосударственное образовательное частное учреждение высшего образования
Московский финансово-промышленный университет «Синергия»,
Москва, Россия*

Информация о статье: <i>Поступила в редакцию:</i> 16 октября 2020 <i>Принята к печати:</i> 1 марта 2021	Аннотация: Со второй половины XX в. политические партии как социально-политический институт оказались в состоянии глобального кризиса, проявлениями которого стали снижение численности их членов и падение уровня доверия им. Целью исследования является анализ факторов, влияющих на уровень доверия политическим партиям в странах Европейского Союза, задачами – выявление данных факторов и определение наличия корреляции между ними и уровнем доверия политическим партиям. В рамках настоящего исследования в качестве показателей, коррелирующих с уровнем доверия партиям в общеевропейском масштабе, рассматриваются уровень доверия национальному правительству, национальному парламенту, а также уровень экономического развития. Исследование опирается на сравнительный и статистический методы. Источником анализа являются данные социологических опросов о доверии политическим партиям, публикуемые на официальном сайте Европейской комиссии по итогам опросов населения в рамках исследования «Евробарометр» за период с 2000 г. по настоящее время. В качестве зависимой переменной выступает уровень доверия политическим партиям, определяемый в процентах от числа респондентов, доверяющих данному социальному институту. Проведенный анализ позволяет утверждать, что наиболее низкий уровень доверия политическим партиям характерен для стран, которые имеют низкий уровень доверия национальным правительству и парламенту, а также для государств, где длительное время существовали недемократические режимы. Также уровень доверия политическим партиям коррелирует с уровнем экономического развития, но степень его корреляции ниже по сравнению с другими рассмотренными показателями. Уровень доверия политическим партиям ниже средневропейского характерен главным образом для стран, сравнительно недавно ставших на путь демократии – Прибалтики, Восточной и Южной Европы.
Об авторе: к.и.н., доцент, заведующий кафедрой фундаментальных юридических и социально-гуманитарных дисциплин, Московский финансово-промышленный университет «Синергия» e-mail: fdolgih@synergy.ru	
Ключевые слова: политические партии; доверие; Европейский союз; правительство; парламент; уровень экономического развития	

Политические партии являются одним из ключевых институтов политической системы общества и одним из основных связующих элементов между гражданским обществом и государством. Собирая воедино множество взглядов, позиций и точек зрения отдельных граждан, политические партии, опираясь на определенный теоретический фундамент, созданный политической мыслью, вырабатывают идеологию, которую затем стремятся реализовать на практике. Партии формируют и выражают интересы определенных социальных групп,

а в некоторых случаях и всего общества, участвуют в формировании органов государственной власти и местного самоуправления посредством выборов.

Со второй половины XX в. политические партии как социально-политический институт оказались в состоянии глобального кризиса, первым проявлением которого стала тенденция к снижению численности их членов¹. Ярким примером стали

¹ van Biezen, I.; Mair, P.; Poguntke, T. Going, Going... Gone? The Decline of Party Membership

партии европейских стран. В ФРГ численность ХДС сократилась с 750 тысяч в 1992 г. до 405,8 тысяч в конце 2019 г.², СДПГ – с 1,02 млн в 1976 г. до 827,6 тысяч в 1994 г., до 529 тысяч в 2008 г.³ и до 419,3 тысяч – в конце 2019 г.⁴. Численность членов Консервативной партии Великобритании в 1950-х гг. доходила до 2,8 млн, но затем стала неуклонно сокращаться⁵. Так, за период 1992–2001 годов среднее число членов местных организаций консерваторов сократилось более чем вдвое⁶. В 2018 г. численность членов Консервативной партии составила 124 тысячи⁷, сократившись за 60 лет более чем в 22,5 раза. Еще более выраженным оказалось сокращение численности политических партий в посткоммунистических

странах Центральной и Восточной Европы⁸. Так, в Словакии всего за 7 лет численность членов политических партий сократилась почти вдвое⁹.

По данным С.П. Перегудова, с 1960 по 2000 годы доля членов политических партий в их электорате в странах Европы сократилась с 15% до 5%, при этом данная тенденция сохранилась и в последующий период¹⁰. В 2018 г. доля членов наиболее влиятельных партий Великобритании – Консервативной, Лейбористской и Либерально-демократической партий – составила 1,6% электората, а в 2013 г. этот показатель опустился до исторического минимума в 0,8%¹¹.

Также одним из значимых проявлений глобального кризиса политических партий стала утрата доверия им как социально-политическому институту. Данное обстоятельство отмечается в ряде исследований¹². В качестве причин падения уровня общественного доверия политическим партиям в европейских странах и мире в целом рассматриваются:

1) Невыполнение партиями своих функций, роли связующего звена между го-

in Contemporary Europe // *European Journal of Political Research*, 2012, Vol. 51, No. 1, p. 31.

2 Number of Political Party Members in Germany as of December 31, 2019. URL: <https://www.statista.com/statistics/955444/political-party-members-numbers-germany/>

3 Каширских О.Н. Политические партии Германии в контексте модернизации политической коммуникации // *Полис. Политические исследования*. 2009. № 2. С. 108–109 [Kashirskih, O.N. Politicheskie partii Germanii v kontekste modernizacii politicheskoy kommunikacii (German Political Parties in the Context of the Modernization of Political Communication) // *Polis. Politicheskie issledovaniya*, 2009, No. 2, pp. 108–109.]

4 Number of Political Party Members in Germany as of December 31, 2019. URL: <https://www.statista.com/statistics/955444/political-party-members-numbers-germany/>

5 Ledgerwood, E. Conservative Party Members: Speaking of Membership. MA Dissertation. Institute for Historical Research, University of London, 2014. P. 12. Mode of access: [https://sas-space.sas.ac.uk/5837/1/Emmeline%20Ledgerwood%20-%20Conservative%20Party%20members%20-%20speaking%20of%20membership%20\(online%20version\).pdf](https://sas-space.sas.ac.uk/5837/1/Emmeline%20Ledgerwood%20-%20Conservative%20Party%20members%20-%20speaking%20of%20membership%20(online%20version).pdf)

6 Fisher, J.; Denver, D.; Hands, G. Party Membership and Campaign Activity in Britain: The Impact of Electoral Performance // *Party Politics*, 2006, Vol. 12, No. 4, p. 507.

7 Audickas, L.; Dempsey, N.; Keen, R. Membership of UK Political Parties. House of Commons Library. London, 2018. P. 5. Mode of access: <https://researchbriefings.parliament.uk/ResearchBriefing/Summary/SN05125.pdf>.

⁸ Ibid. P. 5.

⁹ Ibid.

¹⁰ Перегудов С.П. Партии и группы интересов: к новой модели взаимодействия // *Полис. Политические исследования*. 2014. № 1. С. 46. [Peregudov, S.P. Partii i gruppy interesov: k novoy modeli vzaimodejstviya (Parties and Interest Groups: towards a New Interaction Model) // *Polis. Politicheskie issledovaniya*, 2014, No. 1, p. 46.]

¹¹ Audickas, L.; Dempsey, N.; Keen, R. Membership of UK Political Parties. House of Commons Library. London, 2018. P. 5. Mode of access: <https://researchbriefings.parliament.uk/ResearchBriefing/Summary/SN05125.pdf>.

¹² Carlin, R.E. What's not to Trust? Rubrics of Political Party Trustworthiness in Chile and Argentina // *Party Politics*, 2011, Vol. 20, No. 1, p. 63; Stojárová, V.; Šedo, J.; Kopeček, L.; Chytilík, R. Political Parties in Central and Eastern Europe. In Search of Consolidation Central and Eastern Europe. Regional Report. Based on Research and Dialogue with Political Parties. International Institute for Democracy and Electoral Assistance. 2007. P. 4. Mode of access: <https://www.yumpu.com/en/document/read/22488626/political-parties-in-central-and-eastern-europepdf/3>

сударством и гражданским обществом – отдаление от гражданского общества¹³, утрата представительной функции и способности выражать и защищать интересы граждан¹⁴, разочарование в национальной политической элите¹⁵.

4) Причины, связанные с изменениями в структуре общества, его психологии, с утратой социальной базы¹⁶, с низким уровнем горизонтального доверия в обществе¹⁷, повышением уровня образования¹⁸, измене-

нием уровня дохода¹⁹, исчезновении в обществе условий, способствовавших существованию массовых партий²⁰.

3) Идеологические причины – ослабление роли идеологии, размывание идеологических границ между партиями, рост недоверия к политикам и партиям вне зависимости от идеологии²¹, приверженность многих партий «устаревшим подходам к решению общественным проблем, не соответствующих современной реальности»²²,

¹³ Маркова Е.Н. Свод рекомендуемых норм в сфере политических партий: аналитический обзор стандарта Венецианской комиссии Совета Европы // Конституционное и муниципальное право. 2009. № 19. С. 16. [Markova, E.N. Svod rekomenduemyh norm v sfere politicheskikh partij: analiticheskij obzor standarta Venecianskoj komissii Soveta Evropy (Code of Recommended Norms in the Field of Political Parties: an Analytical Review of the Standard of the Venice Commission of the Council of Europe) // *Konstitucionnoe i municipal'noe pravo*, 2009, No. 19, p. 16.]

¹⁴ Козырева П.М., Смирнов А.И. Кризис многопартийности в России // Полис. Политические исследования. 2014. № 4. С. 83-84. [Kozyreva, P.M.; Smirnov, A.I. Krizis mnogopartijnosti v Rossii (The Crisis of a Multiparty System in Russia) // *Polis. Politicheskie issledovanija*, 2014, No. 4, pp. 83-84.]

¹⁵ Шибкова М.О. Идеологический и стратегический евроскептицизм в политической жизни Евросоюза // Сравнительная политика. 2016. № 4. С. 16. [Shibkova, M.O. Ideologicheskij i strategicheskij evroskepticizm v politicheskoy zhizni Evrosojuza (*Ideological and Strategic Euroskepticism in the Political Life of the European Union*) // *Comparative Politics Russia*, 2016, No. 4, p. 16.]

¹⁶ Перегудов С.П. Партии и группы интересов: к новой модели взаимодействия // Полис. Политические исследования. 2014. № 1. С. 46. [Peregudov, S.P. Partii i gruppy interesov: k novoj modeli vzaimodejstviya (Parties and Interest Groups: towards a New Interaction Model) // *Polis. Politicheskie issledovanija*, 2014, No. 1, p. 46.]

¹⁷ Козырева П.М., Смирнов А.И. Кризис многопартийности в России // Полис. Политические исследования. 2014. № 4. С. 83-84. [Kozyreva, P.M.; Smirnov, A.I. Krizis mnogopartijnosti v Rossii (The Crisis of a Multiparty System in Russia) // *Polis. Politicheskie issledovanija*, 2014, No. 4, pp. 83-84.]

¹⁸ Козырева П.М., Смирнов А.И. Кризис многопартийности в России // Полис. По-

литические исследования. 2014. № 4. С. 83-84. [Kozyreva, P.M.; Smirnov, A.I. Krizis mnogopartijnosti v Rossii (The Crisis of a Multiparty System in Russia) // *Polis. Politicheskie issledovanija*, 2014, No. 4, pp. 83-84.]; Демидова О.А. Моделирование доверия населения к основным социальным и политическим институтам: сравнительный эконометрический анализ // Прикладная эконометрика. 2011. № 1. С. 126-127. [Demidova, O.A. Modelirovanie doverija naselenija k osnovnym social'nym i politicheskim institutam: sravnitel'nyj jekonometricheskij analiz (Modeling Public Confidence in Major Social and Political Institutions: a Comparative Econometric Analysis) // *Prikladnaja jekonometrika*, 2011, No. 1, pp. 126-127.]

¹⁹ Демидова О.А. Моделирование доверия населения к основным социальным и политическим институтам: сравнительный эконометрический анализ // Прикладная эконометрика. 2011. № 1. С. 126-127. [Demidova, O.A. Modelirovanie doverija naselenija k osnovnym social'nym i politicheskim institutam: sravnitel'nyj jekonometricheskij analiz (Modeling Public Confidence in Major Social and Political Institutions: a Comparative Econometric Analysis) // *Prikladnaja jekonometrika*, 2011, No. 1, pp. 126-127.]

²⁰ van Biezen, I.; Mair, P.; Poguntke, T. Going, Going... Gone? The Decline of Party Membership in Contemporary Europe // *European Journal of Political Research*, 2012, Vol. 51, No. 1, pp. 42-43.

²¹ Scarrow, S. Beyond Party Members. Changing Approaches to Partisan Mobilization. Oxford, 2015. P. 90.

²² Козырева П.М., Смирнов А.И. Кризис многопартийности в России // Полис. Политические исследования. 2014. № 4. С. 83-84. [Kozyreva, P.M.; Smirnov, A.I. Krizis mnogopartijnosti v Rossii (The Crisis of a Multiparty System in Russia) // *Polis. Politicheskie issledovanija*, 2014, No. 4, pp. 83-84.]

5) Коррупционные скандалы²³,

6) Причины, связанные с закрытым от общественности стилем руководства, игнорированием общественного мнения, озлобленностью партийного руководства собственными интересами, неучетом интересов простых людей²⁴,

7) Причины, обусловленные системой государственного финансирования, приводящей к снижению зависимости партий от членских взносов и пожертвований граждан и снижению заинтересованности в сохранении и увеличении численности своих членов²⁵, а также с отсутствием независимого аудита финансовой деятельности²⁶,

8) Причины, связанные с недостатками избирательной системы, диспропорцией между набранными голосами и полученными мандатами, системой закрытых списков,

при которой большинство кандидатов не известны избирателям²⁷.

Целью настоящего исследования является анализ ключевых факторов, влияющих на уровень доверия политическим партиям как социально-политическому институту в странах Европейского Союза (ЕС), задачами – выявление данных факторов и определение наличия корреляции между ними и уровнем доверия политическим партиям.

Под политическим доверием в литературе обычно понимается общая оценка функционирования политической системы и норм, регулирующих поведение политических акторов, отличная от удовлетворенности отдельными должностными лицами²⁸. Исходя из этого, под доверием политическим партиям в настоящем исследовании понимается общая оценка их функционирования, отличная от удовлетворенности отдельными политическими партиями. Под уровнем доверия понимается количественный показатель оценки функционирования политических партий.

В зависимости от государства, от конкретных исторических, политических, экономических и иных условий, причины, приводящие к снижению доверия политическим партиям в странах ЕС, и соответственно факторы, обусловившие данное обстоятельство, могут различаться. Ввиду ограниченного объема статьи представляется невозможным в рамках настоящего исследования проанализировать все факто-

²³ Сгро Ф., Никитина В.М. Финансирование выборов и политических партий в Италии // Конституционное и муниципальное право. 2017. № 6. С. 65. [Sgro, F.; Nikitina, V.M. Finansirovanie vyborov i politicheskikh partij v Italii (Financing Elections and Political Parties in Italy) // *Konstitucionnoe i municipal'noe pravo*, 2017, No. 6, pp. 65.]

²⁴ Хенкин С.М. Партийно-политическая система Испании на перепутье // Мировая экономика и международные отношения. 2017. Т. 61. № 4. С. 72-73. [Henkin, S.M. Partijno-politicheskaja sistema Ispanii na pereput'e (Spain's Party-Political System at a Crossroads) // *Mirovaja jekonomika i mezhdunarodnye otnoshenija*, Vol. 61, No. 4, pp. 72-73.]

²⁵ Kölln, A.-K. Party Decline and Response: the Effects of Membership Decline on Party Organisations in Western Europe, 1960-2010. Enschede: University of Twente, 2014. 237 p. P. 208-209.; Repousis, S. Politicians, Political Parties' Funding in Greece and Anti-money Laundering Regulatory Framework // *Journal of Money Laundering Control*, 2014, Vol. 17, № 1, pp. 110-120. Mode of access: https://www.researchgate.net/publication/263210348_Politicians_political_parties_funding_in_Greece_and_anti-money_laundering_regulatory_framework

²⁶ Хенкин С.М. Партийно-политическая система Испании на перепутье // Мировая экономика и международные отношения. 2017. Т. 61. № 4. С. 72-73. [Henkin, S.M. Partijno-politicheskaja sistema Ispanii na pereput'e (Spain's Party-political System at a Crossroads) // *Mirovaja jekonomika i mezhdunarodnye otnoshenija*, 2017, Vol. 61, No. 4, pp. 72-73.]

²⁷ Хенкин С.М. Проблемы консолидированной демократии в сравнительно-историческом контексте // Сравнительная политика. 2018. Т. 9. № 1. С. 126. [Henkin, S.M. Problemy konsolidirovannoj demokratii v sravnitel'no-istoricheskom kontekste (Problems of Consolidated Democracy in a Comparative Historical Context) // *Comparative Politics Russia*, 2018, Vol. 9, No. 1, p. 126.]

²⁸ Easton, D. A Systems Analysis of Political Life. Chicago/London 1965. 507 p.; Hooghe, M. Why There is Basically Only One Form of Political Trust // *The British Journal of Politics and International Relations*, 2011, No. 13(2), pp. 269-275; Hooghe, M.; Oser, J. Partisan Strength, Political Trust and Generalized Trust in the United States: An Analysis of the General Social Survey, 1972-2014 // *Social Science Research*, 2017, Iss. 68, pp. 132-146.

ры, но при этом можно выделить ряд показателей, которые могут коррелировать с уровнем доверия партиям в общеевропейском масштабе. В качестве таких показателей рассматриваются уровень доверия национальному правительству, национальному парламенту, а также уровень экономического развития. Наличие корреляции между приведенными выше показателями и уровнем доверия политическим партиям рассматривается в качестве гипотезы настоящего исследования. Выбор для анализа данных показателей обусловлен наличием находящейся в свободном доступе эмпирической базы исследования в виде данных регулярно проводимых социологических опросов за период с 2000 г. по настоящее время об уровне доверия политическим партиям, национальному правительству и национальному парламенту, публикуемых на официальном сайте Европейской комиссии по итогам опросов населения стран Европы в рамках исследования «Евробарометр». Источниками данных об уровне экономического развития выступают данные, публикуемые на сайте Международного валютного фонда.

Исследование опирается на сравнительный и статистический методы. В качестве зависимой переменной выступает уровень доверия политическим партиям, определяемый в процентах от числа респондентов, доверяющих данному социальному институту.

Для оценки влияния уровня экономического развития на уровень доверия политическим партиям в качестве переменной брался размер валового внутреннего продукта на душу населения (ВВП).

Расчет коэффициента корреляции производится по методу Пирсона. Значение коэффициента 1 означает полную взаимосвязь, 0 – отсутствие корреляции. Корреляция считается высокой (сильной) при значении от 0,7 до 1, средней – от 0,3 до 0,69, слабой – от 0 до 0,29.

Данные социологического опроса, проведенного в странах ЕС осенью 2018 г., свидетельствуют о том, что среди различных институтов политические партии имеют самый низкий уровень доверия (см. *Таб. 1*), что, впрочем, носит общемировой харак-

тер²⁹. Обращение к данным по странам ЕС показывает, что подобная ситуация характерна для всех 28 его членов (часть показателей представлена в *Таб. 3*).

Таблица 1

**Уровень доверия в странах ЕС
политическим партиям и иным институтам³⁰**

	Доверяют	Не доверяют	Затруднились ответить
Армия	73	21	6
Полиция	72	25	3
Региональная и местная власть	54	41	5
Юстиция/ национальная правовая система	51	45	4
Публичная власть	50	44	6
ООН	47	39	14
ЕС	42	48	10
Национальный парламент	35	58	7
Национальное правительство	35	59	6
Политические партии	18	77	5

Table 1. The level of trust in the EU countries
to political parties and other institutions

В ноябре 2019 г. из 28 стран ЕС в 12 доля не доверяющих политическим партиям превышала 80%, доходя в Греции до 92%³¹. В странах-членах Европейского союза в среднем 76% не доверяли политическим партиям. Во Испании не доверяли политическим партиям 91%, во Франции 86%, в Германии – 63%. По Евросоюзу в

²⁹ Демидова О.А. Моделирование доверия населения к основным социальным и политическим институтам: сравнительный эконометрический анализ // Прикладная эконометрика. 2011. № 1. С. 118. [Demidova, O.A. Modelirovanie doverija naselenija k osnovnym social'nyim i politicheskim institutam: sravnitel'nyj jekonometricheskij analiz (Modeling Public Confidence in Major Social and Political Institutions: a Comparative Econometric Analysis) // *Prikladnaja jekonometrika*, 2011, No. 1, p. 118.]

³⁰ Standard Eurobarometer 90. Autumn 2018. Report. Public opinion in the European Union. Fieldwork November 2018. P. 40.

³¹ European commission. Public opinion. URL: <http://ec.europa.eu/commfrontoffice/publicopinion/index.cfm/Chart/getChart/themeKy/18/groupKy/85#p=1&search=parties>

целом доля лиц, не доверяющих политическим партиям, с 2000 по 2019 гг. колебалась в пределах 71-82%, демонстрируя в целом тенденцию к незначительному росту. По сравнению с 2000 г. недоверие к партиям существенно возросло во Франции, Испании, в Греции, на Кипре, в некоторых других странах. Противоположную тенденцию – роста доверия – демонстрировали, в частности, Швеция, Германия, Австрия. Доля лиц, доверяющих партиям, в 2019 г. составила – в Латвии – 6%, в Греции и Испании – 7%, во Франции – 8%, в Литве – 9%. Самые высокие показатели продемонстрировали Нидерланды и Дания, но даже в них политическим партиям доверяли менее половины граждан – 41% в каждой из этих стран³².

Таблица 2 демонстрирует, что среди стран ЕС изменения уровня доверия политическим партиям в период с 2001 по 2019 гг. были связаны с изменениями уровня доверия правительству и парламенту. На общеевропейский масштаб данной связи указывает то обстоятельство, что за указанный период количество членов ЕС изменялось, а взаимосвязь показателей сохранялась. Так, например, имевшее место за период с октября 2001 г. по октябрь 2003 г. снижение доверия политическим партиям в странах ЕС сопровождалось снижением доверия национальным правительствам и парламентам (см. Таб. 2). А за период с 2001 по 2019 гг. коэффициент корреляции Пирсона между уровнем доверия политическим партиям и национальному правительству составил 0,61, между уровнем доверия политическим партиям и национальному парламенту – 0,57 (Таб. 2).

Таблица 2

Динамика доверия политическим партиям, правительству и парламенту в странах ЕС в 2001-2019 гг.³³

Дата опроса	Политические партии	Национальные правительства	Национальные парламенты
Октябрь 2001 г.	18,27%	47,62%	51,27%
Март 2002 г.	18,16%	38,56%	41,54%
Октябрь 2003 г.	14,97%	30,82%	35,30%
Октябрь 2004 г.	16,96%	33,64%	37,56%
Май 2005 г.	19,33%	30,51%	34,85%
Октябрь 2005 г.	17,43%	31,41%	35,33%
Март 2006 г.	22,46%	35,35%	39,18%
Сентябрь 2006 г.	17,88%	31,28%	34,01%
Сентябрь 2007 г.	19,31%	36,01%	36,67%
Март 2008 г.	19,19%	32,45%	35,46%
Октябрь 2008 г.	19,68%	34,02%	33,73%
Июнь 2009 г.	19,25%	31,83%	31,61%
Октябрь 2009 г.	16,00%	29,30%	30,48%
Май 2010 г.	18,49%	28,48%	30,52%
Май 2011 г.	14,68%	31,70%	32,84%
Ноябрь 2011 г.	13,89%	24,21%	27,47%
Май 2012 г.	18,04%	27,65%	27,84%
Ноябрь 2012 г.	14,87%	27,22%	27,46%
Май 2013 г.	15,42%	24,84%	25,86%
Ноябрь 2013 г.	13,60%	22,91%	24,48%
Май 2014 г.	16,80%	27,18%	27,99%
Ноябрь 2014 г.	13,90%	28,92%	29,67%

³³ European commission. Public opinion. URL: <https://ec.europa.eu/commfrontoffice/publicopinion/index.cfm/Chart/getChart/chartType/gridChart/themeKy/18/groupKy/85/savFile/927>; <https://ec.europa.eu/commfrontoffice/publicopinion/index.cfm/Chart/getChart/chartType/gridChart/themeKy/18/groupKy/89/savFile/927>; <https://ec.europa.eu/commfrontoffice/publicopinion/index.cfm/Chart/getChart/chartType/gridChart/themeKy/18/groupKy/98/savFile/927>.

³² European commission. Public opinion. URL: <http://ec.europa.eu/commfrontoffice/publicopinion/index.cfm/Chart/getChart/themeKy/18/groupKy/85>

Дата опроса	Политические партии	Национальные правительства	Национальные парламенты
Май 2015 г.	15,53%	30,52%	30,75%
Ноябрь 2015 г.	14,91%	26,94%	27,69%
Май 2016 г.	14,57%	26,69%	27,70%
Ноябрь 2016 г.	16,17%	31,25%	31,84%
Май 2017 г.	19,21%	36,71%	35,63%
Ноябрь 2017 г.	17,82%	35,47%	34,88%
Март 2018 г.	18,53%	33,69%	34,22%
Ноябрь 2018 г.	17,90%	35,56%	35,64%
Июнь 2019 г.	19,16%	34,00%	33,90%
Ноябрь 2019 г.	18,69%	33,65%	34,26%
Коэффициент корреляции Пирсона		0,61	0,57

Table 2. Dynamics of trust in political parties, government and parliament in the EU countries in 2001-2019

Результаты анализа данных о доверии выше перечисленным институтам в 28 странах ЕС по итогам проведенного в ноябре 2019 г. опроса (Таб. 3) свидетельствуют о наличии в настоящее время высокой корреляции между уровнем доверия политическим партиям и национальному парламенту (коэффициент корреляции Пирсона составил 0,87), партиям и национальному правительству (0,84). Во всех странах, где уровень доверия партиям фиксировался выше среднего по ЕС, уровень доверия парламенту и правительству также был выше среднего.

Таблица 3

Показатели, влияющие на уровень доверия политическим партиям в странах ЕС в 2019 г.³⁴

Страны	Уровень доверия			ВВП на душу населения, долл. США
	Политическим партиям	Национальному правительству	Парламенту	
Дания	41%	63%	65%	59770
Нидерланды	41%	59%	63%	52646
Австрия	33%	50%	54%	50380
ФРГ	31%	50%	54%	46473
Швеция	30%	56%	66%	51404
Венгрия	30%	48%	45%	16470
Мальта	29%	51%	44%	30374
Люксембург	27%	68%	56%	115839
Ирландия	27%	42%	41%	80504
Финляндия	26%	57%	62%	48810
Румыния	26%	30%	31%	12887
Португалия	22%	46%	39%	23132
Польша	22%	34%	29%	15601

³⁴ European commission. Public opinion. URL: <http://ec.europa.eu/commfrontoffice/publicopinion/index.cfm/Chart/getChart/themeKy/18/groupKy/85>; <http://ec.europa.eu/commfrontoffice/publicopinion/index.cfm/Chart/getChart/themeKy/18/groupKy/89>; <http://ec.europa.eu/commfrontoffice/publicopinion/index.cfm/Chart/getChart/themeKy/18/groupKy/98>; International Monetary Fund. GDP per capita, current prices. URL: <https://www.imf.org/external/datamapper/NGDPDPC@WEO/OEMDC/ADVEC/WEOWORLD/AUT?year=2019>

Страны	Уровень доверия			ВВП на душу населения, долл. США
	Политическим партиям	Национальному правительству	Парламенту	
Бельгия	21%	35%	41%	46237
Чехия	17%	40%	25%	23539
Италия	15%	25%	27%	33159
Словения	14%	31%	26%	25992
Словакия	14%	25%	23%	19344
Эстония	13%	43%	40%	23758
Болгария	13%	28%	19%	9772
Хорватия	12%	15%	16%	14853
Великобритания	10%	21%	21%	42379
Кипр	10%	29%	33%	28049
Литва	9%	32%	13%	19482
Франция	8%	24%	27%	41897
Испания	7%	21%	19%	29993
Греция	7%	26%	23%	19570
Латвия	6%	28%	19%	17772
Средний показатель по ЕС	19%	34%	34%	35163
Коэффициент корреляции Пирсона		0,84	0,87	0,48

Наиболее высокий уровень доверия политическим партиям – 41% оказался в Дании и Нидерландах – в двух странах, где правительство пользовалось более высоким по сравнению с другими европейскими странами уровнем доверия (Таб. 3).

Корреляция уровня доверия политическим партиям с размером ВВП составила 0,48, что свидетельствует о наличии средней корреляции в среднем по ЕС. Но при этом размер ВВП на душу населения первых пяти стран с самыми высокими в Европе показателями доверия политическим партиям (Дания, Нидерланды, Австрия, Германия, Швеция), был выше среднего по ЕС – 52 134 долларов против 35 163 (Таб. 3). Среди стран Европы с низким уровнем доверия партиям большую часть составили страны с уровнем ВВП существенно ниже среднего по ЕС – Болгария, Хорватия, Латвия, Литва, Греция (Таб. 3).

Влияние экономических факторов на уровень доверия партиям прослеживается

на примере Греции. С 2008 г. в Греции стал наблюдаться спад ВВП, с 2009 г. – рост безработицы. За период с сентября 2007 г. по июнь 2009 г. уровень доверия партиям снизился с 20,5% до 14,91%. После кратковременного увеличения по данным опросов осени 2009 г. падение доверия партиям продолжилось еще более стремительными темпами, и в ноябре 2010 г. партиям доверили всего 5,10%. В это период происходило дальнейшее сокращение ВВП, сохранялся рост безработицы, возникла угроза дефолта, в стране прошли массовые забастовки против мер жесткой экономии, на которые собиралось пойти правительство по требованию Евросоюза. После увеличения уровня доверия партиям, зафиксированного в мае 2012 г. – в период проведения парламентских выборов – устойчивый тренд на снижение доверия сохранился до ноября 2013 г. Двукратный рост уровня доверия с произошел в 2014 г., и совпал с ростом ВВП и сокращением безработицы, начавшимися

в том же году. С последствиями финансового кризиса 2008 г. связывается и снижение уровня доверия политическим партиям в Словении, Испании и Италии³⁵.

Таким образом, среди исследуемых факторов уровень экономического развития в среднем по ЕС оказался наименее значимым, но при этом для европейских стран с наиболее высоким и наиболее низким уровнем экономического развития степень корреляции данного показателя и доверия политическим партиям оказалась более выражена.

Приведенные данные демонстрируют, что более высокий уровень доверия политическим партиям характерен для стран, где имеется высокий уровень доверия парламенту, правительству и высокий уровень экономического развития. В то же время, выделяются несколько стран, для которых рассматриваемые показатели не коррелируют с уровнем доверия партиям. Таковыми являются Франция и Великобритания³⁶, для которых низкий уровень доверия политическим партиям сочетается с размером ВВП на душу населения выше среднеевропейского.

На уровень доверия политическим партиям в Великобритании и Франции влияют причины, связанные с недостатками избирательной системы, диспропорцией между набранными голосами и полученными мандатами, приводящие к существенным искажениям воздействия исследуемых показателей. В обеих странах на парламентских выборах используется мажоритарная избирательная система. В Великобритании действует мажоритарная система относительного большинства. Во Франции выборы в национальное Собрание проводятся в два тура. Для победы в первом туре необходимо получение абсолютного большинства, что на практике имеет место крайне редко. Во второй тур выходят кандидаты, получившие не менее 12,5% голосов от числа избирателей, внесенных в списки. Для победы достаточно получение относительного большинства.

³⁵ Government at a Glance 2013, OECD Publishing. OECD. 2013. P. 29. URL: https://www.oecd-ilibrary.org/governance/government-at-a-glance-2013_gov_glance-2013-en

³⁶ На 2019 г. Великобритания являлась членом ЕС.

В Великобритании на выборах 2010 г. либеральные демократы получили 23% голосов избирателей, но лишь 9% мест в Палате общин. На выборах 2015 г. Шотландская национальная партия, за кандидатов от которой проголосовало от общего числа 4,7% избирателей, получила 56 мандатов, тогда как Партия независимости Соединенного Королевства, получившая 12,6% голосов – только один мандат³⁷. На выборах 2017 г. за Консервативную партию было подано 42,4% голосов, и она получила 318 мандатов, за Лейбористскую – 40% (262 мандата), за Шотландскую национальную партию – 3% (35 мандатов), за Либеральных демократов – 7,4% голосов, и только 12 мандатов, за Демократическую юнионистскую партию – 0,9% голосов, но при этом она получила 10 мандатов³⁸. На парламентских выборах во Франции 2017 г. в первом туре за Национальный фронт было подано 13,2% голосов избирателей, и по итогам выборов партия получила 8 мест, тогда как за коалицию, возглавляемую Французской коммунистической партией – 2,72% (10 мест), за Мятежную Францию – 11,03% (17 мест), за Социалистическую партию – 9,51% (44 места), за Республиканцев – 21,56% (137 мест), за партию «Вперед, Республика!» – 32,33% (350 мест)³⁹. Налицо явная диспропорция между количеством голосов избирателей, поданных за партии, и числом полученных ими мест.

Большинство стран с уровнем доверия политическим партиям выше среднеевро-

³⁷ Кененова И.П. Реформы избирательных систем как вестники обновления политических тенденций // Конституционное и муниципальное право. 2018. № 2. С. 75 [Kenenova, I.P. Reformy izbiratel'nyh sistem kak vestniki obnovenija politicheskikh tendencij (Electoral System Reforms as Messengers of Renewed Political Trends) // *Konstitucionnoe i municipal'noe pravo*, 2018, No. 2, p. 75.]

³⁸ UK election 2017: full results // The Guardian. 9 Jun 2017. Mode of access: <https://www.theguardian.com/politics/ng-interactive/2017/jun/08/live-uk-election-results-in-full-2017>

³⁹ Ministère de l'Intérieur. Résultats des élections législatives 2017. Mode of access: [https://www.interieur.gouv.fr/Elections/Les-resultats/Legislatives/elecresult_legislatives-2017/\(path\)/legislatives-2017/FE.html](https://www.interieur.gouv.fr/Elections/Les-resultats/Legislatives/elecresult_legislatives-2017/(path)/legislatives-2017/FE.html)

пейского относятся к странам с длительными демократическими традициями. В числе стран с наименьшим уровнем доверия партиям преобладают сравнительно недавно вставшие на путь демократического развития, где прежде длительное время существовали авторитарные или тоталитарные режимы. Примером являются Греция, Испания, Хорватия, государства постсоветского пространства. Ситуацию в этих странах усугубил экономический кризис, где его последствия наложились на политические и социальные противоречия трансформирующегося гражданского общества с еще недостаточно укоренившимися демократическими традициями и сохраняющимися патерналистскими проявлениями.

Проведенный анализ позволяет сделать вывод, что наиболее низкий уровень доверия политическим партиям характерен для стран, которые имеют низкий уровень доверия национальным правительству и парламенту. Также уровень доверия политическим партиям коррелирует с уровнем экономического развития, но степень их корреляции ниже по сравнению с другими рассмотренными показателями. Таким образом, уровень доверия политическим партиям ниже среднеевропейского характерен главным образом для стран Прибалтики, Восточной и Южной Европы.

Литература:

Демидова О.А. Моделирование доверия населения к основным социальным и политическим институтам: сравнительный эконометрический анализ // Прикладная эконометрика. 2011. № 1.

Каширских О.Н. Политические партии Германии в контексте модернизации политической коммуникации // Полис. Политические исследования. 2009. № 2.

Кененова И.П. Реформы избирательных систем как вестники обновления политических тенденций // Конституционное и муниципальное право. 2018. № 2.

Козырева П.М., Смирнов А.И. Кризис многопартийности в России // Полис. Политические исследования. 2014. № 4.

Маркова Е.Н. Свод рекомендуемых норм в сфере политических партий: аналитический обзор стандарта Венецианской комиссии Совета Европы // Конституционное и муниципальное право. 2009. № 19.

Перегудов С.П. Партии и группы интересов: к новой модели взаимодействия // Полис. Политические исследования. 2014. № 1.

Сгро Ф., Никитина В.М. Финансирование выборов и политических партий в Италии // Конституционное и муниципальное право. 2017. № 6.

Хенкин С.М. Партийно-политическая система Испании на перепутье // Мировая экономика и международные отношения. 2017. Т. 61. № 4.

Хенкин С.М. Проблемы консолидированной демократии в сравнительно-историческом контексте // Сравнительная политика. 2018. Т. 9. № 1.

Шибкова М.О. Идеологический и стратегический евроскептицизм в политической жизни Евросоюза // Сравнительная политика. 2016. № 4.

Audickas, L.; Dempsey, N.; Keen, R. Membership of UK Political Parties. House of Commons Library. London, 2018. Mode of access: <https://researchbriefings.parliament.uk/ResearchBriefing/Summary/SN05125.pdf>.

Carlin, R.E. What's not to Trust? Rubrics of Political Party Trustworthiness in Chile and Argentina // *Party Politics*, 2011, Vol. 20, No. 1.

Easton, D. A Systems Analysis of Political Life. Chicago/London 1965. 507 p.; Hooghe, M. Why There is Basically Only One Form of Political Trust // *The British Journal of Politics and International Relations*, 2011, No. 13(2), pp. 269-275.

Fisher, J.; Denver, D.; Hands, G. Party Membership and Campaign Activity in Britain: The Impact of Electoral Performance // *Party Politics*, 2006, Vol. 12, No. 4.

Hooghe, M.; Oser, J. Partisan Strength, Political Trust and Generalized Trust in the United States: An Analysis of the General Social Survey, 1972-2014 // *Social Science Research*, 2017, Iss. 68, pp. 132-146.

Kölln, A-K. Party Decline and Response: the Effects of Membership Decline on Party Organisations in Western Europe, 1960-2010. Enschede: University of Twente, 2014. 237 p.

Ledgerwood, E. Conservative Party Members: Speaking of Membership. MA Dissertation. Institute for Historical Research, University of London, 2014. Mode of access: [https://sas-space.sas.ac.uk/5837/1/Emmeline%20Ledgerwood%20-%20Conservative%20Party%20members%20-%20speaking%20of%20membership%20\(online%20version\).pdf](https://sas-space.sas.ac.uk/5837/1/Emmeline%20Ledgerwood%20-%20Conservative%20Party%20members%20-%20speaking%20of%20membership%20(online%20version).pdf)

Repousis, S. Politicians, Political Parties' Funding in Greece and Anti-money Laundering Regulatory Framework // *Journal of Money Laundering Control*, 2014, Vol. 17, № 1, pp. 110-120. Mode of access: https://www.researchgate.net/publication/263210348_Politicians_political_parties_funding_in_Greece_and_anti-money_laundering_regulatory_framework

Scarrow, S. Beyond Party Members. Changing Approaches to Partisan Mobilization. Oxford, 2015.

Stojarová, V.; Šedo, J.; Kopeček, L.; Chytilík, R. Political Parties in Central and Eastern Europe. In Search of Consolidation Central and Eastern Europe. Regional Report. Based on Research and Dialogue with Political Parties. International Institute for Democracy and Electoral Assistance. 2007. Mode of access: <https://www.yumpu.com/en/document/read/22488626/political-parties-in-central-and-eastern-europepdf/3>

van Biezen, I.; Mair, P.; Poguntke, T. Going, Going... Gone? The Decline of Party Membership in Contemporary Europe // *European Journal of Political Research*, 2012, Vol. 51, No. 1.

References:

Audickas, L.; Dempsey, N.; Keen, R. Membership of UK Political Parties. House of Commons Library. London, 2018. Mode of access: <https://researchbriefings.parliament.uk/ResearchBriefing/Summary/SN05125.pdf>.

Carlin, R.E. What's not to Trust? Rubrics of Political Party Trustworthiness in Chile and Argentina // *Party Politics*, 2011, Vol. 20, No. 1.

Demidova, O.A. Modelirovanie doverija naselenija k osnovnym social'nym i politicheskim institutam: sravnitel'nyj jekonometricheskij analiz (Modeling Public Confidence in Major Social and Political Institutions: a Comparative Econometric Analysis) // *Prikladnaja jekonometrika*, 2011, No. 1.

Easton, D. A Systems Analysis of Political Life. Chicago/London 1965. 507 p.; Hooghe, M. Why There is Basically Only One Form of Political Trust // *The British Journal of Politics and International Relations*, 2011, No. 13(2), pp. 269-275.

Fisher, J.; Denver, D.; Hands, G. Party Membership and Campaign Activity in Britain: The Impact of Electoral Performance // *Party Politics*, 2006, Vol.12, No. 4.

Henkin, S.M. Partijno-politicheskaja sistema Ispanii na pereput'e (Spain's Party-political System at a Crossroads) // *Mirovaja jekonomika i mezhdunarodnye otnoshenija*, 2017, Vol. 61, No. 4.

Henkin, S.M. Problemy konsolidirovannoj demokratii v sravnitel'no-istoricheskom kontekste (Problems of Consolidated Democracy in a Comparative Historical Context) // *Comparative Politics Russia*, 2018, Vol. 9, No. 1.

Hooghe, M.; Oser, J. Partisan Strength, Political Trust and Generalized Trust in the United States: An Analysis of the General Social Survey, 1972-2014 // *Social Science Research*, 2017, Iss. 68, pp. 132-146.

Kashirskih, O.N. Politicheskie partii Germanii v kontekste modernizacii politicheskoy kommunikacii (German Political Parties in the Context of the Modernization of Political Communication) // *Polis. Politicheskie issledovanija*, 2009, No. 2.

Kenenova, I.P. Reformy izbiratel'nyh sistem kak vestniki obnovlenija politicheskikh tendencij (Electoral System Reforms as Messengers of Renewed Political Trends) // *Konstitucionnoe i municipal'noe pravo*, 2018, No. 2.

Kölln, A-K. Party Decline and Response: the Effects of Membership Decline on Party Organisations in Western Europe, 1960-2010. Enschede: University of Twente, 2014. 237 p.

Kozyreva, P.M.; Smirnov, A.I. Krizis mnogopartijnosti v Rossii (The Crisis of a Multiparty System in Russia) // *Polis. Politicheskie issledovanija*, 2014, No. 4.

Ledgerwood, E. Conservative Party Members: Speaking of Membership. MA Dissertation. Institute for Historical Research, University of London, 2014. Mode of access: [https://sas-space.sas.ac.uk/5837/1/Emmeline%20Ledgerwood%20-%20Conservative%20Party%20members%20-%20speaking%20of%20membership%20\(online%20version\).pdf](https://sas-space.sas.ac.uk/5837/1/Emmeline%20Ledgerwood%20-%20Conservative%20Party%20members%20-%20speaking%20of%20membership%20(online%20version).pdf)

Markova, E.N. Svod rekomenduemyh norm v sfere politicheskikh partij: analiticheskij obzor standarta Venecianskoj komissii Soveta Evropy (Code of Recommended Norms in the Field of Political Parties: an Analytical Review of the Standard of the Venice Commission of the Council of Europe) // *Konstitucionnoe i municipal'noe pravo*, 2009, No. 19.

Peregudov, S.P. Partii i gruppy interesov: k novoj modeli vzaimodejstvija (Parties and Interest Groups: towards a New Interaction Model) // *Polis. Politicheskie issledovanija*, 2014, No. 1.

Repousis, S. Politicians, Political Parties' Funding in Greece and Anti-money Laundering Regulatory Framework // *Journal of Money Laundering Control*, 2014, Vol. 17, № 1, pp. 110-120. Mode of access: https://www.researchgate.net/publication/263210348_Politicians_political_parties_funding_in_greece_and_anti-money_laundering_regulatory_framework

Scarrow, S. Beyond Party Members. Changing Approaches to Partisan Mobilization. Oxford, 2015.

Sgro, F.; Nikitina, V.M. Finansirovanie vyborov i politicheskikh partij v Italii (Financing Elections and Political Parties in Italy) // *Konstitucionnoe i municipal'noe pravo*, 2017, No. 6.

Shibkova, M.O. Ideologicheskij i strategicheskij evroskepticizm v politicheskoy zhizni Evrosojuza (Ideological and Strategic Euroskepticism in the Political Life of the European Union) // *Comparative Politics Russia*, 2016, No. 4.

Stojarová, V.; Šedo, J.; Kopeček, L.; Chytilík, R. Political Parties in Central and Eastern Europe. In Search of Consolidation Central and Eastern Europe. Regional Report. Based on Research and Dialogue with Political Parties. International Institute for Democracy and Electoral Assistance. 2007. Mode of access: <https://www.yumpu.com/en/document/read/22488626/political-parties-in-central-and-eastern-europepdf/3>

van Biezen, I.; Mair, P.; Poguntke, T. Going, Going... Gone? The Decline of Party Membership in Contemporary Europe // *European Journal of Political Research*, 2012, Vol. 51, No. 1.

FACTORS AFFECTING THE LEVEL OF PUBLIC CONFIDENCE OF POLITICAL PARTIES IN THE EUROPEAN UNION

Fefor I. Dolgikh

Moscow financial and industrial University “Synergy”, Moscow, Russia

Article history: <i>Received:</i> 16.10.2020 <i>Accepted:</i> 01.03.2021	Abstract: Since the second half of the XX century, political parties as a socio-political institution were in a state of global crisis, the manifestations of which were the decline in the number of their members and the fall in the level of trust in them. The study aims to analyze the factors affecting the level of trust in political parties in the European Union; the objective – to identify these factors and determine the correlation between them and the level of trust in political parties. In this study, the level of confidence in the national government, the national Parliament, regional and local authorities, as well as levels of economic development and corruption, are considered as indicators correlating with the level of confidence in parties on a pan-European scale. The study is based on comparative and statistical methods. The source of the analysis is the data of sociological surveys on trust in political parties published on the official website of the European Commission on the results of population surveys in the framework of the “Eurobarometer” study for the period from 2000 to the present. The dependent variable is the level of trust in political parties, determined as a percentage of the number of respondents who trust this social institution. The analysis suggests that the lowest level of trust in political parties is typical for countries that have a low level of trust in the national government and Parliament, regional and local authorities, as well as for states where non-democratic regimes have existed for a long time. In addition, the level of trust in political parties correlates with the level of corruption in General and corruption of political parties in particular, and with the level of economic development, but the degree of their correlation is lower compared to other indicators considered. The level of trust in political parties below the Central European level is typical mainly for countries that have recently embarked on the path of democracy – the Baltic States, Eastern and Southern Europe.
About the author: Candidate of History, Associate Professor, Head of the Department of Fundamental Legal and Social-humanitarian Disciplines, Moscow University for Industry and Finance “Synergy” e-mail: fdolgih@synergy.ru	
Key words: political parties; trust; European Union; government; Parliament; corruption; regional and local authorities; level of economic development	

Для цитирования: Долгих Ф.И. Факторы, влияющие на уровень доверия общества политическим партиям в странах Европейского союза // *Сравнительная политика*. 2021. № 2. С. 14-25.

DOI: 10.24411/2221-3279-2021-10015

For citation: Dolgikh, Fedor I. Faktory, vliyayushchiye na uroven' doveriya obshchestva politicheskimi partijami v stranakh Yevropeyskogo soyuza (Factors Affecting the Level of Public Confidence of Political Parties in the European Union) // *Comparative Politics Russia*, 2021, No. 2, pp. 14-25.

DOI: 10.24411/2221-3279-2021-10015

DOI: 10.24411/2221-3279-2021-10016

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ АНТИКОРРУПЦИОННОЙ ПОЛИТИКИ РОССИИ И ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН

Леонид Вячеславович Савинов

*Сибирский институт управления – филиал РАНХиГС при Президенте РФ,
Новосибирск, Россия*

Вячеслав Евгеньевич Шорохов

*Сибирский институт управления – филиал РАНХиГС при Президенте РФ,
Новосибирск, Россия*

Информация о статье: <i>Поступила в редакцию:</i> 18 февраля 2021 <i>Отправлена на редактирование:</i> 16 апреля 2021 <i>Принята к печати:</i> 26 апреля 2021	Аннотация: Многокритериальное содержание коррупции заставляет учитывать многочисленность факторов, оказывающих влияние на ее формирование, а потому, безусловно, необходимых к принятию при разработке эффективных механизмов противодействия этому явлению. В Российской Федерации, на сегодняшний день, созданы достаточно проработанные нормативно-правовые рамки антикоррупционной деятельности, присутствуют уголовно-правовые средства борьбы с коррупцией, однако, исходя из практики правоприменения, все они имеют низкую эффективность, что заставляет обращаться к поиску средств противодействия коррупции, отличных от нормативного закрепления специфики противоправного поведения и его последствий. Поиск эффективных средств противодействия коррупции обоснованно осуществляется в социально-политической сфере, поскольку решить социальные проблемы общества исключительно посредством уголовно-правовых и нормативных средств не представляется возможным. Кроме того, отсутствие должного внимания к социально-политическим средствам противодействия коррупции может напротив, снизить эффективность превентивного воздействия запретов и приведет к увеличению сферы уголовно-правового регулирования, исключая необходимую результативность и действенность таких мер. Нормы, которые принимаются для защиты современного общества (в сфере экономической деятельности, уголовно-правовой среде и т.д.), часто не учитывают возможности более мягких и устойчивых видов воздействия антикоррупционного характера, одним из которых является формирование национальной системы антикоррупционного обучения и воспитания. Представляется, что сложившийся общественный менталитет, противоречащий существующим мерам противодействия коррупции, нуждается во внедрении новых образовательных стандартов, как на уровне общеобразовательных организаций, так и на уровне формирования соответствующих навыков и компетенций у определенных категорий обучающихся в рамках реализации программ высшего образования и дополнительной подготовки. Проблемный характер выбранной для исследования тематики сконцентрирован не только на теоретико-методических аспектах, но и практических, что обуславливает значимость и важность изучения данных вопросов в контексте подходов зарубежных стран.
Об авторах: <i>Савинов Л.В.</i>, д.полит.н., декан факультета государственного и муниципального управления Сибирского института управления – филиала РАНХиГС при Президенте РФ e-mail: savinov@siu.ranepa.ru <i>Шорохов В.Е.</i>, аспирант кафедры государственного и муниципального управления Сибирского института управления – филиала РАНХиГС при Президенте РФ e-mail: v-shorohov@list.ru	
Ключевые слова: национальная безопасность; коррупция; противодействие коррупции; государственная антикоррупционная политика; государственные и муниципальные служащие; антикоррупционное образование	

Проблема коррупции на сегодняшний день является актуальной для многих стран, в том числе и для современной России. Так, по данным Центра ТИ-Р (Российское представительство Transparency International, неправительственной международной организации, проводящей исследования уровня восприятия коррупции на основе собственной методики), указанным в представленном ежегодном аналитическом отчете в январе 2019 года, Россия набрала 28 баллов из 100 возможных (Индекс восприятия коррупции, CPI) и заняла 137 место из 180 исследованных государств, разделив его с такими странами, как Папуа-Новая Гвинея, Парагвай и Уганда. Вместе с тем, в развитых государствах и некоторых активно развивающихся странах, в том числе на постсоветском пространстве, этот показатель выше 50 баллов¹.

Одним из важнейших направлений Стратегии национальной безопасности Российской Федерации в исследуемом аспекте признается «искоренение причин и условий, порождающих коррупцию, в том числе, посредством создания атмосферы неприемлемости данного явления в обществе»². В соответствии с указанной Стратегией, Президентом России утвержден действующий Национальный план противодействия коррупции на период 2018-2020 гг., в рамках которого одной из основных задач антикоррупционной деятельности обозначено повышение эффективности просветительских, образовательных и иных мероприятий, на-

правленных на формирование антикоррупционного поведения государственных и муниципальных служащих, популяризацию в обществе антикоррупционных стандартов и развитие общественного правосознания³. Положения данного документа демонстрируют основные установки относительно формирования антикоррупционного сознания государственных и муниципальных служащих в современной отечественной практике. Мероприятия Национального плана предполагают:

- совершенствование законодательства Российской Федерации в целях внесения изменений, предусматривающих утверждение типовых дополнительных профессиональных программ по вопросам противодействия коррупции;

- развитие практики ежегодного повышения квалификации федеральных государственных служащих, в должностные обязанности которых входит участие в противодействии коррупции;

- включение в федеральные государственные образовательные стандарты общего образования, среднего профессионального и высшего образования положений, предусматривающих формирование у обучающихся компетенции, позволяющей выработать нетерпимое отношение к коррупционному поведению, а в профессиональной деятельности. содействовать пресечению такого поведения;

- совершенствование деятельности пресс-служб федеральных государственных органов, органов государственной власти субъектов Российской Федерации и органов местного самоуправления по информированию общественности о результатах антикоррупционной работы;

- использование современных технологий в работе по противодействию коррупции.

¹ Россия в Индексе восприятия коррупции-2019: 28 баллов и 137 место / Официальный сайт Центра антикоррупционных исследований и инициатив «Трансперенси Интернешнл-Р» (Russia in the Corruption Perceptions Index-2019: 28 points and 137th place / Official website of the Center for Anti-Corruption Research and Initiatives “Transparency International-R”). Режим доступа: <https://transparency.org.ru/research/indeks-vospriyatiya-korrupsii/rossiya-v-indekse-vospriyatiya-korrupsii-2019-28-ballovo-i-137-mesto.html>

² Указ Президента РФ от 31.12.2015 г. № 683 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» (Decree of the President of the Russian Federation of December 31, 2015 No. 683 “On the National Security Strategy of the Russian Federation”) / Собрание законодательства РФ. 2016. № 1 (часть II). Ст. 212.

³ Указ Президента РФ от 29.06.2018 г. № 378 «О Национальном плане противодействия коррупции на 2018-2020 годы» (Decree of the President of the Russian Federation of June 29, 2018 No. 378 “On the National Anti-Corruption Plan for 2018-2020”) / Официальный интернет-портал правовой информации. Режим доступа: <http://publication.pravo.gov.ru/DOCUMENT/VIEW/0001201806300002>

В целях развития антикоррупционного сознания государственных и муниципальных служащих, и, прежде всего, разработки актуальных организационно-методических средств, в России сформирован и активно используется формат проведения семинаров-совещаний, конференций и открытых столов с участием представителей органов власти, посвященных проблеме коррупции. На таких мероприятиях обсуждаются вопросы практического применения антикоррупционного законодательства, допускаемых нарушений в этой сфере, в том числе по причинам недостаточного знания законодательных норм, либо из-за их ошибочного толкования, что подчеркивает и обуславливает актуальность развития системы профессионального антикоррупционного образования.

Как отмечают отдельные исследователи, сегодня, государственная политика в сфере противодействия коррупции в России предполагает меры формирования общественного антикоррупционного сознания, а также осуществление контроля за деятельностью органов государственной власти, и если положения, связанные с осуществлением контроля проработаны в нормативно-правовой базе достаточно подробно, то вопросы формирования антикоррупционного сознания, механизмы реализации основных принципов и культуры антикоррупционной политики во многом остаются за рамками действующей нормативной базы⁴.

⁴ Коляденкова В.С., Перенджиев А.Н. Проблема отсутствия правовых механизмов формирования антикоррупционного сознания в российском обществе: контент-анализ нормативно-правовой базы / Электронный научный журнал «ГосРег». 2018. № 2. Режим доступа: <http://gosreg.amchs.ru/pdf/files/24number/articles/Perendzhiev-Kolyadenkova-24.pdf> [Kolyadenkova, V.S.; Perendzhiev, A.N. Problema otsutstviya pravovykh mekhanizmov formirovaniya antikorrupsionnogo soznaniya v rossiyskom obshchestve: kontent-analiz normativno-pravovoy bazy (The Problem of the Lack of Legal Mechanisms for the Formation of Anti-corruption Consciousness in Russian Society: Content Analysis of the Regulatory Framework) / Elektronnyy nauchnyy zhurnal «GosReg», 2018, No. 2. Mode of access: <http://gosreg.amchs.ru/pdf/files/24number/articles/Perendzhiev-Kolyadenkova-24.pdf>]

С таким мнением стоит согласиться, так как, безусловно, проблеме противодействия коррупции необходимо рассматривать, в том числе, с позиций ментальности и культурных традиций⁵.

В отечественной практике формирования антикоррупционного сознания все большее распространение получают антикоррупционные стандарты. Согласно действующему законодательству антикоррупционные стандарты. Это единая система запретов и ограничений, обязанностей и дозволений, которые направлены на предупреждение коррупции. В большинстве случаев коррупционные правонарушения. Это конфликт интересов, и в основе любого правового регулирования подобных конфликтов лежит обязанность служащего принимать меры по недопущению возможности их возникновения. Соответственно средства и способы установления конфликта интересов, его предотвращения и устранение негативных последствий должны быть доступны для понимания, как государственными и муниципальными служащими, так и рядовыми гражданами. Антикоррупционные стандарты принимаются не в форме самостоятельного документа, а являются составной частью одного или нескольких правовых актов, содержащих нормы служебного поведения и нормы морали⁶.

Формирование нетерпимости к коррупции в обществе, а у государственных и муниципальных служащих – антикорруп-

⁵ Савинов Л.В. Коррупция как ментальность нации и этноса / Государственная власть и местное самоуправление. 2011. № 3. С. 37-39. [Savinov, L.V. Korruptsiia kak mental'nost' natsii i etnosa (Corruption as a mentality of a nation and ethnic group) / *Gosudarstvennaia vlast' i mestnoe samoupravlenie*, 2011, No. 3, pp. 37-39.]

⁶ Трунцевский Ю.В. О содержании антикоррупционного стандарта поведения государственных и муниципальных служащих / Вестник Томского государственного университета. 2019. № 32. С. 107-121. [Truntsevskii, Yu.V. O soderzhanii antikorrupsionnogo standarta povedeniia gosudarstvennykh i munitsipal'nykh sluzhashchikh (On the Content of the Anti-corruption Standard of Behavior of State and Municipal Employees) / *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2019, No. 32, pp. 107-121.]

ционного правосознания, и преодоление сложившихся стереотипов в сфере противодействия коррупции можно назвать приоритетными направлениями содержания антикоррупционных стандартов.

В настоящее время система декларирования доходов государственных и муниципальных служащих в России опирается на нормы базового Федерального закона от 25 декабря 2008 года № 273-ФЗ «О противодействии коррупции», предусматривающего обязанность государственных и муниципальных служащих декларировать собственные доходы, имущество и обязательства имущественного характера, а также доходы и имущество членов своих семей⁷. Списки лиц, которые обязаны декларировать доходы, устанавливаются соответствующими нормативными правовыми актами по каждому ведомству (круг родственников служащих, которым надлежит предоставлять сведения о доходах и имуществе опирается на принципы ведения совместного хозяйства). Стоит отметить, что из всех подаваемых служащими данных публичный доступ обеспечивается относительно данных о доходах и имуществе без указания адресов мест его нахождения.

Федеральный закон от 3 апреля 2017 года № 64-ФЗ внес существенные поправки в антикоррупционное законодательство, которые в основном направлены на формирование единой антикоррупционной вертикали во всех органах и ветвях власти⁸. Так, обязанность проверки сведений о доходах, об имуществе и обязательствах имущественно-

го характера теперь лежит на руководителе высшего исполнительного органа государственной власти субъекта Российской Федерации. Безусловно, это немаловажный показатель эффективности данного направления антикоррупционной работы.

Вместе с тем, российская система декларирования доходов государственных и муниципальных служащих, характеристики которой оказывают непосредственное влияние на формирование их антикоррупционного сознания, не лишена недостатков.

Основываясь на фундаментальных исследованиях по типологии феномена коррупции⁹ и влиянию политического режима на это явление¹⁰, можно сделать однозначный вывод о недостаточной эффективности реализованных мер, нацеленных на повышение информационной открытости органов публичной власти для сограждан. На фоне отработанного механизма предоставления и проверки таких данных, контролирующими органами продолжают выявляться нарушения, связанные, например, как с небрежностью в заполнении формализованных документов, так и с прямым нарушением законодательных требований о предоставлении соответствующих сведений. Проблемным на данный момент следует считать и круг декларируемых доходов и имущества: подобные факты могут свидетельствовать о низком уровне антикоррупционного сознания служащих, допускающих, например, со-

⁷ Федеральный закон от 25.12.2008 г. № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» (Federal Law of December 25, 2008 No. 273-FZ "On Combating Corruption") / Собрание законодательства РФ. 2008. № 52 (часть I). Ст. 6228.

⁸ Федеральный закон от 03.04.2017 г. № 64-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в целях совершенствования государственной политики в области противодействия коррупции» (Federal Law of 03.04.2017 No. 64-FZ "On Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation in order to improve the state policy in the field of combating corruption") / Собрание законодательства РФ. 2017. № 15 (часть I). Ст. 2139.

⁹ Мартянов В.С. Противодействие коррупции в ситуации новой российской сословности / Вестник Российской академии наук. 2017. Т. 87. № 6. С. 511-519. [Mart'ianov, V.S. Protivodeistvie korruptsii v situatsii novoi rossiiskoi soslovnosti (Anti-Corruption in the Situation of the New Russian Class) // *Vestnik Rossiiskoi akademii nauk*, 2017, Iss. 87, No. 6, pp. 511-519.]

¹⁰ Руденкин В.Н. Демократическая и авторитарная модели антикоррупционной политики: общее и особенное / Вестник Уральского института экономики, управления и права. 2018. № 4 (45). С. 4-10. [Rudenkin, V.N. Demokraticeskaja i avtoritarnaia modeli antikorrupsionnoi politiki: obshchee i osobennoe (Democratic and Authoritarian Models of Anti-corruption Policy: General and Special) // *Vestnik Ural'skogo instituta ekonomiki, upravleniia i prava*, 2018, No. 4 (45), pp. 4-10.]

крытие реальных доходов и имущества путем привлечения совершеннолетних детей к этим процессам.

Бесспорно, сдерживающий характер на развитие необходимого уровня антикоррупционного сознания оказывает влияние и таких особенностей отечественной системы декларирования доходов служащими, как предусмотрение исключительно дисциплинарной ответственности за предоставление ложных сведений в декларациях о доходах, их непредоставление, вследствие чего эффект наказания за подобные проступки изначально поставлен под сомнение.

Рассматривая вопросы информационной поддержки антикоррупционного воздействия и влияния информационных процессов на формирование антикоррупционного сознания, необходимо отметить такую особенность российского гражданского общества как терпимость к проявлениям коррупции в ситуации выбора принятия их или информирования о подобных явлениях соответствующих уполномоченных органов. Данный аспект общественного антикоррупционного сознания принципиально отличает Россию от многих развитых государств.

Для большей части сограждан показателем эффективности борьбы с коррупцией является количество возбужденных уголовных дел, аресты чиновников и последующие судебные процессы. В силу особенностей национального восприятия политических явлений и накопленного опыта ограниченного доверия к власти, населением в качестве эффективных механизмов противодействия коррупции иные направления деятельности практически не воспринимаются. Поэтому повышение уровня общего правового просвещения граждан по вопросам противодействия коррупции является первоочередной задачей проводимой государственной антикоррупционной политики.

Так, ряд субъектов Российской Федерации с 2017 года получают субсидии на популяризацию электронного способа предоставления государственных и муниципальных услуг гражданам, что не только значительно уменьшает время, затрачиваемое гражданином на получение той или иной государственной услуги и исключает адми-

нистративные барьеры, но и существенно сокращает коррупционные риски, а также способствует закреплению в общественном сознании (как граждан в целом, так и категории государственных и муниципальных служащих) «нормальности» ситуации получения услуг без использования коррупционных схем.

В России, также как и в зарубежных странах существует практика привлечения СМИ к решению вопросов антикоррупционного просвещения граждан, оказывающего положительное влияние на формирование общественного сознания представителей государственной и муниципальной службы как членов гражданского общества.

В качестве примера можно привести проведение всероссийского конкурса «СМИ против коррупции»¹¹ и международного конкурса «Вместе против коррупции!»¹². Основной целью подобных конкурсов является:

- формирование неприятия коррупции в обществе;
- активное привлечение к противодействию антикоррупционным проявлениям СМИ, общественных организаций, объединений и самих граждан, в особенности молодежи;
- эффективное информационное сопровождение проводимых антикоррупционных мероприятий;
- информационное противостояние коррупции (СМИ как действенный инструмент мониторинга и анализа);
- возможность использования результатов мониторинга и анализа по противодействию коррупции, как одного из основных средств для развития конструктивного диалога между бизнесом, властью и обществом.

Особое внимание в работе СМИ, безусловно, должно уделяться пропаганде по-

¹¹ СМИ против коррупции в регионах / Официальный сайт ГТРК ОКА. Рязань. Режим доступа: <http://www.gtrkoka.ru/festival.html>

¹² Новости Генеральной прокуратуры Российской Федерации (News of the Prosecutor General's Office of the Russian Federation) / Официальный сайт Генеральной прокуратуры Российской Федерации. Режим доступа: <https://genproc.gov.ru/smi/news/genproc/news-1750708/>

ложительных примеров честности и порядочности, а также проявления гражданской ответственности служащих перед обществом.

Практика показывает, что часто нарушения в сфере антикоррупционного законодательства совершаются по причине нехватки определенных знаний, как у рядовых граждан, так и у государственных и муниципальных служащих. Между тем, как было отмечено ранее, правовое просвещение гражданского общества и антикоррупционное обучение служащих достаточно эффективный способ развития антикоррупционного сознания. Именно поэтому сегодня существует острая необходимость в формировании доктринальных подходов последовательного развития антикоррупционного сознания в образовательной системе.

Как подчеркивают специалисты, на сегодняшний день в России рассматриваются возможности внесения изменений в федеральный государственный образовательный стандарт начального общего образования «в части требований к личностным результатам освоения основной образовательной программы начального общего образования, в том числе программы духовно-нравственного развития, воспитания обучающихся при получении начального общего образования, с учётом необходимости соблюдения гражданами антикоррупционных стандартов поведения, формирования антикоррупционного мировоззрения и повышения общего уровня правосознания и правовой культуры граждан. Аналогичные изменения вносятся в федеральный государственный образовательный стандарт среднего общего образования, в новый проект которого включены нормы, детализирующие требования к личностным результатам освоения основной образовательной программы среднего общего образования, в том числе программы воспитания и социализации обучающихся при получении среднего общего образования»¹³.

¹³ Михайлова Е.А. Основные направления формирования антикоррупционного мировоззрения обучающихся на современном этапе / Вестник ГОУ ДПО ТО «ИПК и ППРО ТО». Тульское образовательное пространство. 2017.

Тем не менее, в вопросах противодействия коррупции в контексте формирования повестки национальной стратегии и системообразующих нормативных правовых актов стоит опираться на положительный опыт зарубежных стран.

Так, практика внедрения механизмов верификации деклараций о доходах и имуществе государственных и муниципальных служащих в целях включения их в качестве элемента в комплексные национальные стратегии противодействия коррупции и стимулирования развития антикоррупционного сознания не является новшеством российской антикоррупционной политики. Из числа стран-клиентов Всемирного банка только 34% не требуют от государственных служащих ежегодного предоставления деклараций о доходах и имуществе, причем большая их часть находится в Африке, а из числа европейских государств требование о декларировании доходов чиновниками отсутствует только в Эстонии¹⁴. Следует также подчеркнуть, что в отличие от российской практики, в зарубежных государствах за уклонение государственными служащими от предоставления сведений о доходах и имуществе или предоставление неверных сведений, предусмотрены более серьезные последствия, чем дисциплинарная ответственность, в частности, штрафные санкции и тюремные сроки. В сопоставлении с зарубежной практикой, выявленные несовершенства системы декларирования доходов российских служащих, как стимульного фактора развития антикоррупционного сознания, не выдерживают критики и нуждаются в совершенствовании.

№ 4. С. 123-125. [Mikhailova, E.A. Osnovnye napravleniia formirovaniia antikorrupsionnogo mirovozzreniia obuchaiushchikhsia na sovremennom etape (The Main Directions of the Formation of the Anti-corruption Worldview of Students at the Present Stage) / *Vestnik GOU DPO TO «IPK I PPRO TO»*. *Tul'skoe obrazovatel'noe prostranstvo*, 2017, No. 4, pp. 123-125.]

¹⁴ Income and Asset Declarations: Tools and Trade-offs. Stolen Asset Recovery (StAR) Initiative. Washington: The World Bank, 2009. Mode of access: <https://www.un.org/ruleoflaw/files/Income%20and%20Asset%20Declarations%20Tools%20and%20Trade%20-offs.pdf>

Возвращаясь к вопросу и концентрируя внимание на традиционности выбора соотечественников при необходимости принятия решения об информировании уполномоченных органов власти о фактах коррупционного поведения или сокрытии таких фактов, стоит отметить, что существующая практика характерна не только для представителей общественности, но и актуальна во внутрислужебных взаимоотношениях в органах публичной власти. Этим российская действительность отличается от гражданской формы ответственности и подходов, принятых в большинстве западных стран.

Так, например, отличительной чертой антикоррупционной концепции скандинавских стран, лидеров антикоррупционных рейтингов, является управление, построенное на концепции так называемого «надлежащего управления», которое выражается в обеспечении участия граждан в процессе принятия решений, свободы объединения, свободы слова, а также единства и беспристрастности структур контроля, прозрачности доходов государственных служащих и доступа граждан к этой информации. Реализация данного принципа на практике с опорой на приемы стратегического видения, своевременное реагирование на потребности граждан, соблюдение баланса интересов, справедливости, обеспечивает эффективность и результативность государственных решений и соответствующее нетерпимое отношение граждан к коррупции¹⁵.

В европейской практике также существуют успешные примеры информационного воздействия, имеющие целью формирования гражданского антикоррупционного сознания. Например, в Литве Европейским

исследовательским центром по борьбе с коррупцией при поддержке национального правительства осуществлен масштабный антикоррупционный проект, который был направлен на повышение осведомленности о борьбе с коррупцией посредством просвещения молодежи, распространения антикоррупционной информации, расширения социологической базы и повышения осведомленности о финансировании политических партий и кампаний. Проект включал четыре направления:

- подготовка антикоррупционного образовательного курса для вузов;
- проведение долгосрочной программы по борьбе с коррупцией в органах власти и освещение ее реализации центральным телевидением;
- использование опросов общественного мнения для улучшения антикоррупционных мер;
- круглый стол по проблемам финансирования политических партий и политических кампаний¹⁶.

В результате реализации проекта были достигнуты следующие результаты:

- антикоррупционное образование как категория включена в учебную программу высшей школы;
- создан тематический пул антикоррупционной информации, распространяемой по телевидению на долгосрочной и регулярной основе;
- проведены опросы общественного мнения, на основании которых установлены значимые характеристики антикоррупционного сознания граждан и особенности коррупционных рисков финансирования деятельности политических партий.

Совершенствование информационного взаимодействия и влияния на общественность в целях улучшения проводимой антикоррупционной политики свойственно не только развитым государствам, но и иным странам, в том числе на постсоветском пространстве. Например, в Казахстане одним из важнейших направлений антикорруп-

¹⁵ Шорохов В.Е. Мировые практики формирования системы антикоррупционного образования и подготовки в контексте развития гражданского общества / Гражданское общество в России и за рубежом. 2019. № 3. С. 11-14. [Shorokhov, V.E. Mirovye praktiki formirovaniia sistemy antikorrupsionnogo obrazovaniia i podgotovki v kontekste razvitiia grazhdanskogo obshchestva (World Practices in the Formation of a System of Anti-corruption Education and Training in the Context of the Development of Civil Society) / *Grazhdanskoe obshchestvo v Rossii i za rubezhom*, 2019, No. 3, pp. 11-14.]

¹⁶ European Research Centre for Anti-corruption and State-building. Mode of access: <https://www.againstcorruption.eu/projects/preventing-corruption-through-education-information/>

ционной политики признается изменение общественного сознания под влиянием антикоррупционной пропаганды, формирование антикоррупционного поведения и негативного отношения к проявлениям коррупции, стремление к созданию обстановки нетерпимости к любым проявлениям коррупции. В Антикоррупционной стратегии Республики Казахстан на 2015-2025 гг., утвержденной Указом Президента РК № 986 от 26 декабря 2014 года, понятие коррупции рассматривается как явление «угрожающее национальной безопасности»¹⁷. В соответствии с содержанием данной стратегии, идеологические установки государства были смещены с вопросов борьбы с коррупцией в ракурс противодействия коррупции: ранее антикоррупционная политика ограничивалась выявлением и привлечением к ответственности виновных, сейчас же акцент в противодействии коррупции смещен на предупреждение и профилактику этого явления.

В Республике Казахстан претерпело изменение и само название закона. Если ранее это был закон «О борьбе с коррупцией», то теперь это закон «О противодействии коррупции» (вступил в силу с 1 января 2016 года)¹⁸. Как уполномоченный орган, который отвечает за реализацию указанного закона, создано Агентство Республики Казахстан по делам государственной службы и противодействию коррупции, то есть в стратегическом и нормативно-правовом плане в стране действительно созданы условия для

реализации современной государственной антикоррупционной политики. На высшем уровне признается необходимость тесного сотрудничества государства с институтами гражданского общества, а это, в свою очередь, обосновывает правильность постановки актуальных для республики взаимосвязанных задач и ценностных установок в этой сфере.

Агентство по противодействию коррупции Республики Казахстан в сотрудничестве с неправительственными организациями и другими государственными органами проводит активную профилактическую работу, в результате которой до граждан доводится информация о том, как вести себя в случае коррупционных ситуаций, а также разъясняются основные направления антикоррупционной политики страны. В Казахстане был реализован Комплексный план формирования антикоррупционной культуры в обществе. План включает 15 проектов и ряд календарных мероприятий в 11 тематических областях, которые затрагивают различные сферы общественной жизни: около миллиона школьников стали активными участниками антикоррупционного движения, присоединившись к клубам честности «*Adal Urpak*», в течение года было проведено 23 770 мероприятий. Укрепление принципов честности, порядочности и неподкупности среди школьников реализуется в форме театральных выступлений, проведения тематических конкурсов. Также была запланирована разработка межведомственной программы «Казахстан страна, свободная от коррупции», рассчитанной на 2018-2020 годы. В СМИ было опубликовано 6 425 статей антикоррупционной тематики, 12 544 публикации были размещены в сети «Интернет». Антикоррупционные видео- и аудио-клипы транслировались по 28 телеканалам, а также в радиоформате. На территории республики были установлены баннеры и плакаты с антикоррупционным содержанием (размещены в общественно значимых местах). По итоговым оценкам, такая профилактическая работа нашла поддержку среди населения¹⁹.

¹⁷ Указ Президента РК от 26.12.2014 г. № 986 «Об Антикоррупционной стратегии Республики Казахстан на 2015-2025 гг.» (Decree of the President of the Republic of Kazakhstan dated December 26, 2014 No. 986 “On the Anti-Corruption Strategy of the Republic of Kazakhstan for 2015-2025.”) / Информационно-правовая система нормативных правовых актов Республики Казахстан Adilet. Режим доступа: <http://adilet.zan.kz/rus/docs/U1400000986>

¹⁸ Закон Республики Казахстан от 18.11.2015 г. № 410-V ЗРК «О противодействии коррупции» (Law of the Republic of Kazakhstan dated November 18, 2015 No. 410-V ZRK “On Combating Corruption”) / Информационно-правовая система нормативных правовых актов Республики Казахстан Adilet. Режим доступа: <http://adilet.zan.kz/rus/docs/Z1500000410>

¹⁹ Level of Anti-corruption Consciousness Increased among Kazakhstanis / Kt.kz. Mode

Таким образом, в Республике Казахстан, равно как и в России, органы государственной власти на сегодняшний день пришли к пониманию, что без перестройки общественного сознания и корректировки мер проводимой антикоррупционной политики невозможно бороться с коррупцией, явлением, системным и системообразующим, а также многофакторным по своей сущности.

В контексте превентивных мер противодействия коррупции зарубежных стран, как отмечают исследователи, также важны обучающие антикоррупционные программы, которые нацелены на распространение в среде служащих строгих знаний алгоритмов поведения в случае возникновения той или иной коррупционной ситуации, что России только предстоит освоить, опираясь на свой уникальный опыт и опыт других стран²⁰.

Так, отдельные государства Азии демонстрируют оригинальные подходы в формировании эффективного антикоррупционного правосознания, развиваемого в системе подготовки государственных и муниципальных служащих. Например, в Китае в целях формирования в среде служащих антикоррупционной идеологии организуются регулярные занятия, основанные на сочетании психологических приемов и упражнений²¹.

of access: https://www.kt.kz/eng/society/level_of_anticorruption_consciousness_increased_among_kazakhstanis_1153651130.html

²⁰ Хашаева А.Б. Формирование антикоррупционного сознания у молодежи / Вестник Института комплексных исследований аридных территорий. 2014. № 2 (29). С. 106-110. [Khashaeva, A.B. Formirovanie antikorrupsionnogo soznaniia u molodezhi (The formation of anti-corruption consciousness among young people) / *Vestnik Instituta kompleksnykh issledovaniy aridnykh territorii*, 2014, No. 2 (29), pp. 106-110.]

²¹ Панзабекова А.Ж. Зарубежный опыт противодействия коррупции и возможности его применения в странах ЕАЭС Коррупция: основные тенденции противодействия : коллективная монография / под ред. Л.А. Андреевой. Новосибирск: НП СибАК, 2015. 196 с. [Panzabekova, A.Zh. Zarubezhnyi opyt protivodeistviia korrupsii i vozmozhnosti ego primeneniia v stranakh EAES (Foreign Experience in Combating Corruption and the Possibility of its Application in the EAEU Countries) *Korrupsia: osnovnye tendentsii*

Правительством Сингапура реализуются серьезные усилия по популяризации профессии государственного служащего, опирающиеся на сложную систему профессионального отбора и подготовки специалистов, начиная со школьного возраста. В таких условиях элементы антикоррупционного сознания глубоко закладываются в личностные и профессиональные характеристики будущих служащих.

Привлечение систем национального образования, в том числе на уровне школьного обучения, для достижения целей антикоррупционной политики также свойственно многим государствам ближнего зарубежья. Литвы, Армении, Грузии и др.

Многолетняя практика специального антикоррупционного образования государственных служащих, цель которого состоит в донесении до обучающихся важности гражданского долга в информировании уполномоченных органов власти по фактам коррупции как наиболее эффективного способа противодействия ей реализуется в США и Великобритании, что также подчеркивает эффективность такого формата в стратегическом контексте на уровне обязательных мер государственной антикоррупционной политики.

Таким образом, авторами отмечается, что на сегодняшний день в мире сложился ряд моделей противодействия коррупции, на которые оказывают влияние различные факторы: состояние коррупции в конкретном государстве, имеющиеся механизмы предупреждения коррупционных деяний, уровень развитости законодательной базы и образовательных технологий и т.д. По этим признакам можно определить следующие основные модели государственной антикоррупционной политики:

- модель стран ЕС;
- модель США и Канады;
- модель Азиатских стран;
- модель стран Латинской Америки;
- модель стран Африки.

Дополнительно следует отметить Индийскую модель и модель стран Ближнего

protivodeistviia: kollektivnaia monografiia Ed. by L.A. Andreeva. Novosibirsk: NP SibAK, 2015. 196 p.]

Востока, отличающихся своим уникальным опытом и подходом к противодействию коррупции, а также специфическими региональными и религиозными аспектами²².

В свою очередь, это позволяет классифицировать страны по наиболее значимым успехам в этой области и рассматривать возможность восприятия положительного опыта данных стран и его реализацию в российском формате.

Так, сравнительный анализ российского и зарубежного антикоррупционного опыта показывает, что в России сегодня наиболее востребованы отдельные меры антикоррупционного влияния, активно использующие опосредованные, деликатные средства вмешательства в традиционные педагогические процессы в рамках подготовки государственных и муниципальных служащих, одновременно воздействующие на национально-культурные стереотипы и общественные антикоррупционные ценности. Такие направления на современном этапе государственного развития нашей страны во многом имеют определяющее значение в контексте общей эффективности национальной стратегии противодействия коррупции и могут способствовать качественно новому уровню российской «траектории» государственной антикоррупционной политики²³.

Литература:

Коляденкова В.С., Перенджиев А.Н. Проблема отсутствия правовых механизмов формирования антикоррупционного сознания в российском обществе: контент-анализ нормативно-правовой базы / Электронный научный журнал «ГосРег». 2018. № 2. Режим доступа: <http://gosreg.amchs.ru/pdf/files/24number/articles/Perendzhiev-Kolyadenkova-24.pdf>

Мартыанов В.С. Противодействие коррупции в ситуации новой российской сбалансированности / Вестник Российской академии наук. 2017. Т. 87. № 6. С. 511-519.

Михайлова Е.А. Основные направления формирования антикоррупционного мировоззрения обучающихся на современном этапе / Вестник ГОУ ДПО ТО «ИПК И ППРО ТО». Тульское образовательное пространство. 2017. № 4. С. 123-125.

Панзабекова А.Ж. Зарубежный опыт противодействия коррупции и возможности его применения в странах ЕАЭС. Коррупция: основные тенденции противодействия: коллективная монография под ред. Л.А. Андреевой. Новосибирск: ИП СибАК, 2015. 196 с.

Руденкин В.Н. Демократическая и авторитарная модели антикоррупционной политики: общее и особенное / Вестник Уральского института экономики, управления и права. 2018. № 4 (45). С. 4-10.

Савинов Л.В. Коррупция как ментальность нации и этноса / Государственная власть и местное самоуправление. 2011. № 3. С. 37-39.

Трунцевский Ю.В. О содержании антикоррупционного стандарта поведения государственных и муниципальных служащих / Вестник Томского государственного университета. 2019. № 32. С. 107-121.

Хашаева А.Б. Формирование антикоррупционного сознания у молодежи / Вестник Института комплексных исследований аридных территорий. 2014. № 2 (29). С. 106-110.

Шорохов В.Е. Мировые практики формирования системы антикоррупционного образования и подготовки в контексте развития гражданского общества / Гражданское общество в России и за рубежом. 2019. № 3. С. 11-14.

Шорохов В.Е. Понятие и основные модели современной государственной антикоррупционной политики / Российская юстиция. 2020. № 6. С. 2-4.

Шорохов В.Е. Современная модель государственной антикоррупционной политики в России / Российская юстиция. 2020. № 9. С. 2-4.

References:

Khshaeva, A.B. Formirovanie antikorrupsionnogo soznaniia u molodezhi (The formation of anti-corruption consciousness among young people) / *Vestnik Instituta kompleksnykh issledovaniy aridnykh territorii*, 2014, No. 2 (29), pp. 106-110.

Kolyadenkova, V.S.; Perendzhiev, A.N. Problema otsutstviya pravovykh mekhanizmov formirovaniya antikorrupsionnogo soznaniya v rossiyskom obshchestve: kontent-analiz normativno-pravovoy bazy (The Problem of the Lack of Legal Mechanisms for the Formation of Anti-corruption Consciousness in Russian Society: Content Analysis of the Regulatory Framework) / *Elektronnyy nauchnyy zhurnal «GosReg»*, 2018, No. 2. Mode of access: <http://gosreg.amchs.ru/pdf/files/24number/articles/Perendzhiev-Kolyadenkova-24.pdf>

²² Шорохов В.Е. Понятие и основные модели современной государственной антикоррупционной политики / Российская юстиция. 2020. № 6. С. 2-4. [Shorokhov, V.E. Ponyatiye i osnovnyye modeli sovremennoy gosudarstvennoy antikorrupsionnoy politiki (Concept and basic models of modern state anti-corruption policy) / *Rossiyskaya yustitsiya*, 2020, No. 6, pp. 2-4.]

²³ Шорохов В.Е. Современная модель государственной антикоррупционной политики в России / Российская юстиция. 2020. № 9. С. 2-4. [Shorokhov, V.E. Sovremennaya model' gosudarstvennoy antikorrupsionnoy politiki v Rossii (Modern model of state anti-corruption policy in Russia) / *Rossiyskaya yustitsiya*, 2020, No. 9, pp. 2-4.]

Mart'ianov, V.S. Protivodeistvie korruptsii v situatsii novoi rossiiskoi soslovnosti (Anti-Corruption in the Situation of the New Russian Class) / *Vestnik Rossiiskoi akademii nauk*, 2017, Iss. 87, No. 6, pp. 511-519.

Mikhailova, E.A. Osnovnye napravleniia formirovaniia antikorrupcionnogo mirovozzreniia obuchaiushchikhsia na sovremennom etape (The Main Directions of the Formation of the Anti-corruption Worldview of Students at the Present Stage) / *Vestnik GOU DPO TO «IPK I PRO TO»*. Tul'skoe obrazovatel'noe prostranstvo, 2017, No. 4, pp. 123-125.

Panzabekova, A.Zh. Zarubezhnyi opyt protivodeistviia korruptsii i vozmozhnosti ego primeneniia v stranakh EAES (Foreign Experience in Combating Corruption and the Possibility of its Application in the EAEU Countries) *Korrupsiiia: osnovnye tendentsii protivodeistviia: kollektivnaia monografiia* Ed. by L.A. Andreeva. Novosibirsk: NP SibAK, 2015. 196 p.

Rudenkin, V.N. Demokraticheskaia i avtoritarnaia modeli antikorrupcionnoi politiki: obshchee i osobennoe (Democratic and Authoritarian Models of Anti-corruption Policy: General and Special) / *Vestnik Ural'skogo instituta ekonomiki, upravleniia i prava*, 2018, No. 4 (45), pp. 4-10.

Savinov, L.V. Korrupsiiia kak mental'nost' natsii i etnosa (Corruption as a mentality of a nation and ethnic

group) / *Gosudarstvennaia vlast' i mestnoe samoupravlenie*, 2011, No. 3, pp. 37-39.

Shorokhov, V.E. Mirovye praktiki formirovaniia sistemy antikorrupcionnogo obrazovaniia i podgotovki v kontekste razvitiia grazhdanskogo obshchestva (World Practices in the Formation of a System of Anti-corruption Education and Training in the Context of the Development of Civil Society) / *Grazhdanskoe obshchestvo v Rossii i za rubezhom*, 2019, No. 3, pp. 11-14.

Shorokhov, V.E. Ponyatiye i osnovnyye modeli sovremennoy gosudarstvennoy antikorrupcionnoy politiki (Concept and basic models of modern state anti-corruption policy) / *Rossiyskaya yustitsiya*, 2020, No. 6, pp. 2-4.

Shorokhov, V.E. Sovremennaya model' gosudarstvennoy antikorrupcionnoy politiki v Rossii (Modern model of state anti-corruption policy in Russia) / *Rossiyskaya yustitsiya*, 2020, No. 9, pp. 2-4.

Truntsevskii, Iu.V. O sodержanii antikorrupcionnogo standarta povedeniia gosudarstvennykh i munitsipal'nykh sluzhashchikh (On the Content of the Anti-corruption Standard of Behavior of State and Municipal Employees) / *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2019, No. 32, pp. 107-121.

DOI: 10.24411/2221-3279-2021-10016

COMPARATIVE ANALYSIS OF ANTI-CORRUPTION POLICY OF RUSSIA AND FOREIGN COUNTRIES

Leonid V. Savinov

Siberian Institute of Management – Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Novosibirsk, Russia

Vyacheslav E. Shorokhov

Siberian Institute of Management – Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Novosibirsk, Russia

Article history: <i>Received:</i> 18.02.2021 <i>Sent for editing:</i> 16.04.2021 <i>Accepted:</i> 26.04.2021	Abstract: The multi-criteria content of corruption makes it necessary to take into account the multitude of factors that influence its formation, and therefore, of course, are necessary for adoption in the development of effective mechanisms to counter this phenomenon. In the Russian Federation, to date, a well-developed legal and regulatory framework for anti-corruption activities has been created, there are criminal legal means to combat corruption, however, based on the practice of law enforcement, they all have low efficiency, which makes us turn to the search for anti-corruption tools that are excellent from the normative fixing of the specifics of unlawful behavior and its consequences. The search for effective anti-corruption means is reasonably carried out in the socio-political sphere since it is not possible to solve the social problems of society solely through criminal law and regulatory means. In addition, the lack of proper attention to the socio-political means of combating corruption can, on the contrary, reduce the effectiveness of the preventive effect of prohibitions and lead to an increase in the scope of criminal law regulation, excluding the necessary effectiveness and efficiency of such measures. The norms that are adopted to protect modern society (in the field of economic activity, the criminal law environment, etc.) often do not take into account the possibility of milder and more stable anti-corruption impacts, one of which is the formation of a national system of anti-corruption education and upbringing. It seems that the existing social mentality, which contradicts the existing anti-corruption measures, needs to be introduced in new educational standards, both at the level of general educational organizations and at the level of formation of relevant skills and competencies for certain categories of students in the framework of higher education and additional training programs. The problematic nature of the subjects chosen for the study is concentrated not only on theoretical and methodological aspects, but also on practical ones, which determines the significance and importance of studying these issues in the context of approaches of foreign countries.
About the authors: <i>Savinov, Leonid V.</i>, Doctor of Political Sciences, Dean of the School of State and Municipal Administration, the Siberian Institute of Management – a Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration e-mail: savinov@siu.ranepa.ru <i>Shorokhov, Vyacheslav E.</i>, Postgraduate Student, the Department of State and Municipal Administration, the Siberian Institute of Management – a Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration e-mail: v-shorokhov@list.ru	
Key words: national security; corruption; anti-corruption; state anti-corruption policy; state and municipal employees; anti-corruption education	

Для цитирования: Савинов Л.В., Шорохов В.Е. Сравнительный анализ антикоррупционной политики России и зарубежных стран // Сравнительная политика. 2021. № 2. С. 26-37.

DOI: 10.24411/2221-3279-2021-10016

For citation: Savinov, Leonid V.; Shorokhov, Vyacheslav E. Sravnitel'nyy analiz antikorrupsionnoy politiki Rossii i zarubezhnykh stran (Comparative Analysis of Anti-corruption Policy of Russia and Foreign Countries) // Comparative Politics Russia, 2021, No. 2, pp. 26-37.

DOI: 10.24411/2221-3279-2021-10016

DOI: 10.24411/2221-3279-2021-10017

РОССИЙСКАЯ «ПАРТИЯ ВЛАСТИ» И РЕГИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭЛИТА – ИНТЕРЕСЫ, ПРОТИВОРЕЧИЯ, ПЕРСПЕКТИВЫ

Владимир Юрьевич Разумовский

*Белгородский университет кооперации, экономики и права,
Липецкий институт кооперации (филиал),
Россия*

Информация о статье: <i>Поступила в редакцию:</i> 11 августа 2020 <i>Принята к печати:</i> 16 апреля 2021	Аннотация: В данной статье речь идет о генезисе так называемой «партии власти» в России, её особенностях. Предметом исследования выступает политическая элита субъектов РФ как главная движущая сила её становления и развития (на примере регионов Центрального Черноземья). Её целью является исследование роли региональной правящей элиты в функционировании «партии власти» посредством институционального и функционального подходов, в рамках различных видов анализа. Здесь характеризуются основные тенденции, возникшие в партийном строительстве России в начале 90-х гг. прошлого века, их результаты. Автор анализирует состояние политической элиты, включая и правящую элиту субъектов РФ, причины их идейной, политической и экономической разобщённости. При этом делается акцент на эволюции воззрений властвующих элит в отношении политических партий и движений (на примере регионов Центрального Черноземья). В статье рассматриваются попытки возрождения «партии власти» в новых социально-политических отношениях, её различные модели на региональном и федеральном уровне (концепция так называемой «третьей силы»), их цели, задачи и противоречия. Автор характеризует причины возобновления интереса к вышеуказанной концепции в начале 2000-х гг. нового столетия и становления российской «партии власти» нового типа. Рассматривается также комплекс проблем, способствовавших консолидации российской властвующей элиты, в том числе на уровне регионов (на примере Центрального Черноземья), их результаты. В заключении даётся оценка возможных перспектив развития региональных организаций «партии власти», их роли в социально-политических процессах современной России.
Об авторе: к.полит.н., доцент, АНО ВО Белгородский университет кооперации, экономики и права, Липецкий институт кооперации (филиал) e-mail: vrazumovsky@yandex.ru	
Ключевые слова: политические партии; «партия власти»; выборы; президент; региональная правящая элита; партийная коалиция	

Введение

Актуальность данной статьи обусловлена состоянием так называемой «партии власти», её роли в политическом развитии современной России. Это условное наименование главенствующей политической организации в государстве, использующей его властно-распорядительный механизм для реализации своих интересов в социально-политической сфере. Она возникла в ходе становления новой российской государственности, и этот процесс сопровождался развитием в обществе политического плюрализма и многопартийности. Данные положения были юридически закреплены в Конституции РФ 1993 г.,

а новообразованные политические партии показали себя в качестве серьёзной политической силы. Это очень хорошо видно на примере парламентских и президентских кампаний, выборов в местные органы власти.

В то же время слабая связь политических партий с российским социумом обусловила активизацию «партии власти», идейным вдохновителем и организатором которой явилась политическая элита России. Данная организация, опираясь на административные, финансовые, информационные и иные ресурсы, быстро превратилась в главный инструмент борьбы за власть.

Среди различных элитных групп, способствовавших её становлению и развитию, следует отметить правящую элиту субъектов РФ. Если в российских мегаполисах – Москве, Санкт-Петербурге, Нижнем Новгороде, Екатеринбурге, Новосибирске – «партия власти» испытывает сильную конкуренцию со стороны других политических партий, то в российской провинции она выражена слабо. Партии участвуют в политической жизни регионов, включая и Центральное Черноземье, но их роль в принятии важных решений весьма незначительна. Это сопровождается снижением интереса населения к деятельности партий и движений, политической жизни страны в целом.

Генезис «партии власти» и комплекс проблем, обусловленных её внутренним развитием, конкуренцией с другими партиями, связям с общественностью довольно широко освещен в научной литературе. Этому посвящены труды видных российских учёных – В.Я. Гельмана, О.В. Гаман-Голутвиной, З.М. Зотовой, Ю.И. Коргунюк, Р.Ф. Туровского и др. Задачи партийного строительства в России раскрыты в трудах известных государственных деятелей – В.В. Володина, Г.А. Зюганова, В.В. Жириновского, Д.А. Медведева, В.В. Путина и др. Наконец, проблемы функционирования партийных систем и роли в них «партии власти» отражены в трудах зарубежных учёных – М. Бри, М. Дюверже, А. Лейпхарда, С. Липсета, и др.

Несмотря на достаточно большой спектр исследований проблем партийного строительства и роли в нём «партии власти», ряд вопросов остается слабоосвещенным.

Не до конца выяснена связь возникших в субъектах РФ политических режимов с «партией власти», их особенностей. Слабо прослеживается эволюция воззрений регионального политического истеблишмента на деятельность партий – от сдержанного отношения до активного восприятия и использования в политической борьбе. Недостаточно исследованы модели «партий власти», возникшие в 1990-е гг. прошлого века на региональном и федеральном уровнях, их противоречия. Нет четкой оценки новой модели «партии власти», возникшей

в начале 2000-х гг., и её связей с региональной властвующей элитой, а также целей её деятельности, противоречий и дальнейших перспектив.

Именно этим вопросам посвящается данная статья.

Становление партийной системы современной России, её особенности

Конкуренция политических лидеров и элит, их борьба за симпатии и голоса избирателей происходит не сама по себе. Эти задачи решают политические партии, которые выражают интересы определённой части населения и служат главным инструментом в борьбе за власть. Так происходит во многих демократических странах мира, где политические партии выступают в качестве посредника между обществом и властью.

Иную картину можно наблюдать в обществах, длительное время находившихся в стагнации. В рамках их государственности быстро складывались политические режимы тоталитарного или авторитарного типа, а роль координатора их властвующей элиты выполняла, как правило, только одна политическая партия. Она быстро срасталась с государством и фактически становилась его частью. Для победы на выборах эта партия добивалась большинства голосов с помощью давления на избирателей посредством использования мощного административного аппарата. Кроме того, её отличала несравнимая с др. партиями (если таковые существовали и функционировали легально) финансовая поддержка, в том числе и со стороны крупных государственных компаний и средств массовой информации. Такая организация именуется «партией власти».

Эти партии в разные периоды XX в. функционировали в государствах Европы и Латинской Америки – Испании, Мексике, Боливии, Колумбии, Бразилии и др. Классической «партией власти» в нашей стране являлась единственная правящая партия – РКП(б)-ВКП(б)-КПСС, – возникшая в политической системе тоталитарного типа и быстро ставшая её ядром. Утвердившись у власти насильственным путем (в результате событий Октября 1917 г.), она быстро

срослась с государственными структурами, в дальнейшем занимала господствующее положение в обществе с начала 20-х до начала 90-х гг. прошлого века. Главным инструментом руководящей роли партии и проведения её кадровой политики являлся номенклатурный подход, фактически превративший партийную элиту в новый правящий класс и обеспечивший политическим лидерам СССР режим личной власти.

Именно всевластие партийно-государственной номенклатуры обернулось глубоким системным кризисом, который стал очевиден к середине 80-х гг. прошлого века.

Предпринятая попытка его преодоления в рамках перестройки СССР посредством частичной демократизации привела к подрыву идеологической монополии партии, а первые свободные выборы обусловили подъём мощного демократического движения. Данные процессы сильно напугали партийно-советскую элиту, способствовали расколу в её рядах, и это нашло выражение в массовом выходе из КПСС. Неспособность к позитивным переменам, фактическая утрата «партии власти» связи с массами обусловило её политическое и моральное поражение в ходе событий августа 1991 г.

Возникшие на рубеже 80-90-х гг. прошлого века неформальные организации составили основу будущих политических партий. Однако расцвет партийного строительства начался уже в современной России. Правовой основой их деятельности явилась Конституция РФ 1993 г., благодаря которой партии стали выполнять две важные функции – воздействие на органы государственной власти и формирование общественного мнения. В результате население страны получило реальную возможность участвовать в управлении государством. По свидетельству Н.И. Лапина, «...многопартийность играет роль своеобразного «эликсира», стимулирующего жизнеспособность общества»¹.

¹ Лапин Н.И. Атлас модернизации России и ее регионов: социоэкономические и социокультурные тенденции и проблемы. М.: Весь мир. 2016. [Lapin, N.I. Atlas modernizatsii Rossii i yeye regionov: sotsioekonomicheskiye i sotsiokul'turnyye tendentsii i problem (Atlas

Именно партии способствовали формированию двух концепций развития страны – либерально-демократической и национально-государственной. Сторонниками первой из них являлись «Демократический выбор России», «Демократическая партия России», «ЯБЛоко», «Союз правых сил», «Партия российского единства и согласия» и др. Они утверждали, что дальнейшее развитие страны должно проходить на основе воспринятых обществом либеральных политико-экономических ценностей и институтов, хотя и с учетом национальной специфики. Последователями второй концепции выступали «Компартия России», «Либерально-демократическая партия России», «Аграрная партия», «Российский общенародный союз» и др. Взгляды лидеров и актива этих партий сводились к тому, что среди всех социальных мотивов и ценностей главным является мотив национальный, а ведущей силой развития страны может быть только государство.

Сложившуюся к середине 90-х гг. прошлого века партийную систему России можно характеризовать, как незавершенную. По утверждению Ю.Г. Конгонюк «...партии, даже будучи представлены в парламенте, не имеют решающего слова при определении государственного курса и ... в связи с этим отсутствует правящая партия (коалиция)»². Среди её различных модификаций наиболее близким по значению является флуктуационный тип, ибо недавний крах политического режима тоталитарного типа в СССР и неразрывно связанной с ним «партии власти», способствовал появлению множества мелких партий и движений.

Данная система характеризовалась средствами массовой информации, как «бесформенный плюрализм». По утверждению В.Я. Гельмана, новообразованные

of Modernization of Russia and Its Regions: Socioeconomic and Sociocultural Trends and Problems). Moscow: Ves' mir, 2016.]

² Конгонюк Р.Ф. Псевдопартийная система и предпочтения российских избирателей // Политика. 2009. № 4. С. 155-188. [Kongonyuk, R.F. Psevdopartiynaya sistema i predpochteniya rossiyskikh izbirateley (Pseudo-party System and Preferences of Russian Voters) // Politika, 2009, No. 4, pp. 155-188.]

партии «...не смогли сформировать устойчивую связь политической элиты с массами, не обеспечивали подотчётность структур исполнительной власти российскому парламенту, обществу в целом»³. Это обусловлено целым комплексом причин. Во-первых, большинство политических партий создавались накануне очередных парламентских выборов, под конкретного, нередко харизматического лидера. Например, «Крестьянская партия», которую возглавлял Ю.Н. Черниченко, имела слабое влияние на селе. Их актив и лидеры оказались погружёнными в решение своих проблем, не продемонстрировав желание «идти в народ» и выражать его, а не свои, зачастую узкопартийные интересы. Заслуживает внимания точка зрения Л.М. Волкова о том, что «столица была полна лидерами всевозможных партий, организаций и движений, о которых никто и никогда не слышал ни в одном другом городе России»⁴.

Во-вторых, активизация партийного строительства в России не сопровождалась его качественным содержанием. По свидетельству З.М. Зотовой «...эффективно влиять на развитие общества партии могут лишь в случае, если они в состоянии самостоятельно разрабатывать стратегию социального развития, предлагать привлекательные для общественного мнения решения проблем, представлены в органах власти, имеют рычаги влияния на своих представителей в них»⁵. Политические партии России

в 1990-е гг. были вынуждены конкурировать между собой в ограниченном социальном пространстве. Их программы отличались декларативностью, зачастую не дававшие четких и ясных ответов на поставленные жизнью вопросы. Так, интересы быстро нарождающегося отечественного бизнеса собирались отстаивать «Партия экономической свободы» К.Н. Борового, «Партия самоуправления трудящихся» С.Н. Федорова, общественно-политическое движение «Вперед, Россия!» Б.Г. Федорова и др. На своеобразном политическом «рынке» оказалось множество «продавцов», но было очень мало «покупателей».

В-третьих, социальная структура и интересы российского общества ещё окончательно не оформились, и большинство граждан испытывали затруднения в отношении четкого политического выбора. Можно согласиться с точкой зрения С. Липсета о том, что «...важным условием существования...демократии является наличие... политических партий с крупными и действительно постоянными базами поддержки в среде избирателей»⁶. Дальнейшее политико-экономическое развитие России, включая и радикальную экономическую реформу, сделало социальную базу новоиспечённых партий и движений весьма аморфной.

Политический скептицизм, апатия и равнодушие, охватившие российское общество, не способствовали расцвету партий даже в условиях идейно-политического плюрализма. Они оказались рыхлыми и малочисленными объединениями, а их реальный вес в политике уменьшился.

³ Гельман В.Я. От «бесформенного плюрализма» к «доминирующей власти»? Трансформация российской партийной системы // *Общественные науки и современность*. 2006. № 1. С. 46-58. [Gelman, V.Ya. Ot «besformennogo plyuralizma» k «dominiruyushchey vlasti»? Transformatsiya rossiyskoy partynoy sistemy (From “Formless Pluralism” to “Dominant Power”? Transformation of the Russian Party System) // *Obshchestvennyye nauki i sovremennost'*, 2006, No. 1, pp. 46-58.]

⁴ Волков Л.М. Облачная демократия / Л.М. Волков, Ф.Г. Крашенинников. Екатеринбург: Кабинетный учёный, 2013. [Volkov, L.M.; Krashenninikov, F.G. Oblachnaya demokratiya (Cloud Democracy). Yekaterinburg: Cabinet scientist, 2013.]

⁵ Зотова З.М. Политические партии России: организация и деятельность. М.: Российский

центр обучения избирательным технологиям, 2001. [Zotova, Z.M. Politicheskiye partii Rossii: organizatsiya i deyatel'nost' (Political Parties of Russia: Organization and Activity). Moscow: Russian Center for Training in Electoral Technologies, 2001.]

⁶ Липсет С. Размышление о капитализме, социализме и демократии // *Пределы власти*. 1994. № 1. С. 24-28. [Lipset, S. Razmyshleniye o kapitalizme, sotsializme i demokratii (Reflection on Capitalism, Socialism and Democracy) // *Predely vlasti*, 1994, No. 1, pp. 24-28.]

Модели российской «партии власти», их генезис

Беловежское соглашение 1991 г., решившее судьбу Советского Союза, определило характер геополитического развития его территории. Большинство бывших союзных республик выбрали президентскую форму правления, а их политические режимы начали быстро эволюционировать в сторону персонализма. Они олицетворялись с демократически избранными, нередко харизматическими лидерами, которые вскоре осознали необходимость опоры на группы во властвующей элите, политические партии и движения.

Не являлась исключением и Россия. В начале 90-х гг. прошлого века она представляла собой расколотое политическое пространство, следствием которого стала децентрализация власти и управления. В условиях неразвитости институтов гражданского общества, единственной силой, способной проводить реформы на местах, являлась политическая элита субъектов РФ. К ней, в соответствие с практикой государственного строительства многих стран мира, принято относить лиц, занимающих статусные позиции в структурах власти или непосредственно влияющих на эти структуры и процесс принятия политических решений (это депутаты и спикеры региональных парламентов, губернаторы и их заместители, мэры городов и др.). Главным критерием здесь является доступ к рычагам власти и управления, способность и возможность прямо или косвенно влиять на содержание, направленность и результат принимаемых решений.

Значительная часть прежней элиты сохранила свою власть и влияние в условиях постсоветской России. Быстро оправившись от шока и растерянности, вызванных событиями августа 1991 г. и октября 1993 г., она смогла консолидироваться, одержать убедительную победу на выборах в представительные и исполнительные органы власти своих территорий, вытеснив с занимаемых постов политиков так называемой «демократической волны».

Всё это способствовало появлению региональных политических режимов, раз-

вивавшихся в разных направлениях. И хотя данный термин можно использовать для характеристики политической власти в конкретном субъекте РФ с определённой долей условности, но совокупность реализующих её методов и процедур имели свои особенности. Так, В.Я. Гельман утверждал, что «региональный политический режим – это совокупность основных элементов: акторов политического процесса, институтов политической власти, ресурсов и стратегий борьбы за достижение и/или удержание власти»⁷. По свидетельству М. Бри, данный режим «...целесообразно рассматривать как территориальный уровень общенационального политического режима, для которого [...] характерны свои структуры и методы распределения и реализации власти, в той или иной (но всегда – разной) мере отвечающие общенациональным характеристикам»⁸. Наконец, Р.Ф. Туровский определил его «как существующую на определённой территории взаимосвязанную совокупность политических акторов (с их методами властвования, ресурсами, целями и стратегиями) и институтов (понимаемых и как организации, и как нормы, правила игры)»⁹. Наличие данных режимов в субъектах РФ сде-

⁷ Гельман В.Я. Из огня да в полымя (динамика постсоветских режимов в сравнительной перспективе) // *Полис: Политические исследования*. 2007. № 2. С. 133-147. [Gelman, V.Ya. *Iz ognya da v polymya (dinamika postsovetsskikh rezhimov v sravnitel'noy perspektive)* (From Fire to Polym (Dynamics of Post-Soviet Regimes in a Comparative Perspective)) // *Polis: Politicheskiye issledovaniya*. 2007, No. 2, pp. 133-147.]

⁸ Гельман В.Я. Россия регионов: трансформация политических режимов / В.Я. Гельман, С.И. Рыженкова, М. Бри. М. Вест мир. 2000. [Gelman, V.Y. *Rossiya regionov: transformatsiya politicheskikh rezhimov* (Russia of Regions: Transformation of Political Regimes) / V.Ya., Gelman, S.I., Ryzhenkova, M., Bri. Moscow. Ves mir, 2000.]

⁹ Туровский Р.Ф. Региональные политические режимы в России: к методологии анализа // *Полис: Политические исследования*. 2009. № 2. С. 77-95. [Turovsky, R.F. *Regional'nyye politicheskiye rezhimy v Rossii: k metodologii analiza* (Regional Political Regimes in Russia: to Methodology Analysis) // *Polis: Politicheskiye issledovaniya*, 2009, No. 2, pp. 77- 95.]

лало политический ландшафт чрезвычайно сложным. Например, в 90-е гг. прошлого века появились регионы с русским государственно образующим ядром (Московская, Ленинградская, Ростовская области) и национально-этнической составляющей (Северный Кавказ, Татарстан, Башкортостан). Политический режим некоторых регионов имел ярко выраженный моноцентрический (Красноярский край, Саратовская, Астраханская области) и полицентрический (Приморский край, Свердловская область) характер. Их идеологическая палитра также была весьма многообразной – от прокоммунистической риторики отдельных глав субъектов РФ (Брянская, Владимирская, Ульяновская области) до левоцентристских взглядов (Волгоградская, Ивановская, Рязанская области)¹⁰.

Однако данные режимы столкнулись с проблемой политического и идеологического обоснования своего функционирования. Поэтому им присущ организационно-политический признак, и его логическим завершением стали новые «партии власти» в некоторых субъектах РФ. Они оказались центрами консолидации групп правящей элиты вокруг главы региона, которой нередко выступал в роли её председателя. К таковым можно отнести партию «Преобразование Урала» Э. Росселя (Свердловская область), Балтийскую республиканскую партию Ю. Маточкина (Калининградская область) и др.¹¹

Перераспределение полномочий на уровень субъектов РФ заставило их поли-

тических лидеров выстраивать новые отношения с Кремлём. В этих условия партии стали играть роль своеобразного буфера для обеспечения более широкой автономии управленческих структур на местах, а также выполняли функции клиентелы, осуществляющей защиту населения от всевозможных рисков (непродуманной политики федерального Центра в отношении конкретного региона, попыток радикальных политических сил дестабилизировать обстановку др.). Наиболее образно такую позицию озвучил губернатор Новгородской области М. Прусак: «Мы не красные, не белые, мы новгородские»¹².

В то же время активно создаваемые политические структуры были призваны решить ряд внутренних проблем регионов. К ним можно отнести поддержку честлюбивых глав субъектов России, столкнувшихся с политической конкуренцией в лице наиболее авторитетных мэров региональных столиц. Так, конфликт между главой администрации Свердловской области Э.Э. Росселем и мэром Екатеринбурга А.М. Чернецким обернулся фактически конфронтацией разных уровней власти. Это обстоятельство способствовало появлению политической организации «Наш город – наш дом», который объединил сторонников главы местного самоуправления. Подобное противостояние, по свидетельству Н.В. Зиминой, «...отражает политические предпочтения региональных элит и, в тоже время, усиливает конфронтацию между их группами»¹³.

Несмотря на определённые противоречия, в условиях сохранявшейся угрозы политической нестабильности и перенесения центра управления на уровень регионов,

¹⁰ Голосов Г.В. Российская партийная система и региональная политика 1993-2003 / Г.В. Голосов. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге. 2006. [Golosov, G.V. Rossiyskaya partiynaya sistema i regional'naya politika 1993-2003 (Russian Party System and Regional Policy 1993-2003). St. Petersburg: Publishing House of the European University in St. Petersburg, 2006.]

¹¹ Зеленко Б.И. Политические партии и развитие гражданского общества: политико-правовые аспекты. М.: РЕП-СЭ, 2001. [Zelenko, B.I. Politicheskiye partii i razvitiye grazhdanskogo obshchestva: politiko-pravovyye aspekty (Political Parties and the Development of Civil Society: Legal Aspects). Moscow: RER-SE, 2001.]

¹² Михаил Прусак: Никакой диктатуры закона в демократическом государстве быть не может (There Can Be No Dictatorship of Law in a Democratic State). Режим доступа: <https://philologist.livejournal.com/10119352.html>

¹³ Зиминая Н.В. Анализ политических партий и общественных объединений в партийных системах // Власть. 2014. № 12. С. 62-68. [Zimina, N.V. Analiz politicheskikh partiy i obshchestvennykh ob'yedineniy v partiynykh sistemakh (Analysis of Political Parties and Public Associations in Party Systems) // Vlast, 2014, No. 12, pp. 62-68.]

деятельность подобных «партий власти», пусть и носившая ограниченный характер, становилась заметным фактором укрепления их позиций в политических процессах субъектов РФ.

Однако для продолжения реформ стала очевидной необходимость создания аналогичной организации общероссийского масштаба. С середины 1990-х гг. в партийном строительстве России начался поиск так называемой «третьей силы», способной преодолеть конфронтацию элит и подготовить необходимую социально-политическую базу для вывода страны из кризиса. На эту роль претендовали различные политические партии, среди которых можно выделить общественно-политическое движение «Наш дом – Россия» (НДР).

Образованная в мае 1995 г. по инициативе Президента РФ Б.Н. Ельцина, эта организация должна была, с одной стороны, положить начало классической двухпартийной системе, а с другой – опереться для продолжения реформ на самый мощный институт политической системы страны – государство (не случайно, что данное движение возглавил Председатель Правительства РФ В.С. Черномырдин). Именно государство, по замыслам основателей НДР, смогло бы консолидировать различные социальные группы, партии и движения с институтами власти на всех уровнях для участия в политической жизни общества. По утверждению Б.Н. Ельцина, «...была сделана ставка на центризм, на умеренно-либеральную идеологию, на приоритеты государства»¹⁴. Главным идеологическим постулатом новой партии стала стабильность.

Благодаря НДР отношения между федеральной властью и регионами приобрели договорной характер, основанный на принципе – высокая степень реальной самостоятельности в обмен на общую лояльность и участие в проводимых ей политических мобилизациях. Членство в её рядах многих представителей региональных элит – вице-губернаторов, ректоров вузов, крупных

предпринимателей, директоров предприятий – являлось свидетельством их общей солидарности с проводимым политическим курсом.

Идеи центризма, умеренного традиционализма, провозглашенные лидерами НДР, оказались во многом близки властвующей элите регионов Центрального Черноземья. Её основу в 1990-е гг. составили представители бывшей партийной, советской и комсомольской номенклатуры. Большинство из них – выходцы из сельской местности, что наложило определённый отпечаток на их психологию, качество и эффективность управления регионами. Сложившаяся к середине 90-х гг. прошлого века конструкция власти основывалась на демократических принципах, которые парадоксальным образом сочетались со знакомыми пороками прежней системы управления – бюрократизмом, некомпетентностью, волокитой, коррупцией и др. По утверждению А. Лейпхарта, новая власть представляла собой «гибридный» политический режим [...], стремящийся к легитимности в глазах населения с помощью [...] отдельных демократических процедур»¹⁵.

В этот период региональная правящая элита мало интересовалась партийным строительством. Она являлась носителем реальных властных прерогатив, которые продолжали возрастать. К тому же новые партии ассоциировались у части правящего истеблишмента с утратой прежних номенклатурных привилегий, политического господства и влияния. Она тайно жаждала реванша за политическое поражение в 1991-1993 гг. и, спекулируя на экономических трудностях, накаляла и без того сложную социальную обстановку на местах. Не случайно, в печатных изданиях появился новый термин – «красный пояс». Им именовались территории, в том числе и регионы Центрального Черноземья, с сильными прокоммунистическими настрое-

¹⁴ Ельцин Б.Н. Президентский марафон. М: ООО АСТ. 2000. [Yeltsin, B.N. Prezidentskiy marafon (Presidential Marathon). Moscow: AST LLC, 2000.]

¹⁵ Лейпхарт А. Конституционные альтернативы для новых демократий // Полис: Политические исследования. 1995. № 2. С. 14-18. [Leiphart, A. Konstitutsionnyye al'ternativy dlya novykh demokratii (Constitutional Alternatives for New Democracies) // Polis: Politicheskiye issledovaniya, 1995, No. 2, pp. 14-18.]

ниями жителей, умело подогреваемые местными элитами.

Победа на президентских выборах 1996 г. Б.Н. Ельцина подтвердила продолжение курса политико-экономических реформ, а угроза реставрации прежнего режима окончательно ушла. Это способствовало эволюции воззрений властвующей элиты субъектов РФ на роль политических партий. Удерживать власть сколь угодно долго в новых условиях становилось невозможным. Для победы на выборах необходимо сплочение политических единомышленников, выработка новых идей развития, эффективное использование избирательных технологии.

Всё это могла дать только политическая партия. Поэтому правящая элита начинает проявлять интерес к партийному строительству. Сложившаяся здесь конструкция власти не носила ярко выраженный полицентрический характер, и тем самым обусловила несостоятельность образования каких-либо региональных партий и движений. Проходившие в её рамках политические процессы были характерны для многих российских территорий. Так, политическая ситуация в Орловской области в 90-е гг. характеризовалась довольно жестким противостоянием главы администрации региона Е.К. Строева и мэра Орла А.Г. Кислякова¹⁶. Борьба за власть внутри правящей элиты регионов начала дополняться различными публичными акциями – предвыборными дебатами, войной компроматов и др. В политической жизни Липецкой области начала стремительно набирать авторитет так называемая «стальная партия», которая представляла интересы руководства АО НЛМК. Она обладала в областном и городском Совете весьма внушительным депутатским «лобби», что имело для Липецка неоднозначные, а в ряде случаев и противоречивые результаты¹⁷.

Особенность геополитического положения регионов Центрального Черноземья,

доминирование сельского населения способствовали сохранению элементов прежней политической культуры. Сознание правящей элиты традиционно отличалось консерватизмом, осторожностью и взвешенностью принимаемых решений также сохранилось.

В целом правящие элиты субъектов РФ смогли обозначить свои интересы и сформировать для их защиты политические организации. Однако деятельность различных моделей «партий власти» зачастую имела множество противоречий. Например, инициатива по созданию партий «снизу», со стороны российских регионов, основывалась на западноевропейском опыте, где успешно функционируют подобные организации (Квебекская партия в Канаде, Лига Севера в Италии и др.). Перенесение подобного опыта на российскую почву считали возможным некоторые представители правящих элит субъектов РФ, полагаясь в первую очередь на близость российским избирателям своих интересов. По утверждению Е.В. Морозовой «...при ослаблении центральной власти, чувство принадлежности к своему региональному сообществу приобретало своеобразный компенсационный характер»¹⁸.

Однако они не учитывали ни традиций парламентаризма стран Западной Европы, ни степень доверия электората к партиям. В условиях весьма хрупкой политической стабильности и невысокой политической культуры общества это могло обернуться трудно предсказуемыми последствиями. В этой связи заслуживает внимания точка зрения В.В. Жириновского: «[...] Мы, учитывая наш горький опыт 1917 г. и 1991 г., [...] должны это пресечь»¹⁹.

¹⁸ Морозова Е.В., Мирошниченко И.В. Гибридные политические институты в современных политиках // Вестн. Мос.ун-та. Сер. 21 (Государство и общество). 2015. № 3. С. 68-72. [Morozova, E.V.; Miroshnichenko, I.V. Gibridnyye politicheskiye instituty v sovremennykh politiyakh (Hybrid Political Institutions in Modern Politics) // *Vestn. Mos. un-ta. Ser. 21 (Gosudarstvo i obschestvo)*, 2015, No. 3, pp. 68-72.]

¹⁹ Жириновский В.В. Главный враг России – чиновник. М.: ЛДПР, 2010. [Zhirinovskiy, V.V. Glavnyy vrug Rossii – chinovnik (The Main Enemy of Russia Is a Government Official). Moscow: LDPR, 2010.]

¹⁶ Орловский кризис: компромисс невозможен (Oryol Crisis: Compromise Is Impossible). Режим доступа: <http://www.orelcity.ru>

¹⁷ Потапов К.С. «Стальная» партия в Липецке // Аргументы и факты. 1998. С. 7. [Potapov, K.S. «Stal'naya» partiya v Lipetske ("Steel" Party in Lipetsk) // *Argumenty i fakti*, 1998, p. 7.]

Более того, появившиеся в некоторых субъектах РФ тенденции к территориальной обособленности, национальной и языковой идентичности получили уже в начале 2000-х гг. жесткий отпор со стороны федерального Центра. Образование региональных политических партий стало расцениваться как деяние, ведущее к расколу страны. По оценке В.В. Путина, «... в нашей стране нельзя создавать региональные партии, в том числе в национальных республиках. Это тут же выльется в какой-нибудь сепаратизм и национализм, от которого пострадают жители этих регионов, страна в целом»²⁰.

Не нашла отклика у властвующей элиты регионов идея консолидации «сверху», в рамках общественно-политического движения «Наш дом – Россия». Её политическая разобщённость, фрагментация интересов быстро переросли в глубокие кланово-корпоративные конфликты, которые во второй половине 90-х гг. прошлого века стали лейтмотивом взаимоотношений между федеральным Центром и регионами. Они дополнялись наличием прежних земляческих, родственных, профессиональных отношений, сохранившихся в новых условиях и блокировавших доступ в органы власти новых поколений управленцев. По утверждению М. Дюверже, если «партия объединяет несколько сот членов, проблема власти в ней не стоит; когда она объединяет миллион, она... становится существенной»²¹. Ограниченность ресурсов федеральной власти заставило воздержаться от активного воздействия на процессы, проходящие в регионах. Это способствовало консолидации региональных групп интересов, обретению ими в тот период существенной автономии от федерального Центра.

При этом главы исполнительной вла-

сти субъектов РФ зачастую не рассматривали НДР как серьёзную структуру для представительства интересов местных властвующих элит. Это было обусловлено рядом причин. К сожалению, образование ячеек партии на местах изначально приняло формальный характер. Так, в июне 1996 г. глава администрации Липецкой области М.Т. Наролин объявил об учреждении региональной организации НДР, а присутствовавшие на собрании представители административного и хозяйственного актива автоматически стали её членами²². Кроме того, лоббировать свои интересы оказалось намного удобнее через Совет Федерации (в его состав в тот период входили первые лица законодательной и исполнительной власти регионов), или депутатов Госдумы, членов фракции НДР.

Наконец, усилению его позиций мешал глубокий раскол между сторонниками и противниками официальной власти и проводимой ей политики. Многочисленные декларации лидеров НДР о новой социально-экономической политике, на основе «принципов ответственности и опыта», надежды в сердца миллионов россиян, терпящих лишения от радикальной экономической реформы, не вселяли. По свидетельству С.М. Хенкина, «...НДР не стала успешной «партией власти», так как не смогла справиться со своим главным предназначением – обеспечить сближение общества и исполнительной власти, способствовать структурированию политического пространства»²³.

Авторитет правящих элит в глазах населения серьёзно пошатнулся также в результате роковых событий Августа 1998 г., которые привели не только к финансовому, экономическому и политическому кризису одновременно, но и способствовали утрате

²⁰ Путин В.В. Россия: национальный вопрос // Независимая газета. 2012. С. 3. [Putin V.V. Rossiya: natsional'ny vopros (Russia: an Issue of Nations) // *Nezavisimaya gazeta*, 2012, p. 3.]

²¹ Дюверже М. Политические партии. Пер. с франц. М.: Академический проект. 2000. [Duverger, M. *Politicheskiye partii* (Political Parties). Transl. from French. Moscow: Akademicheskiiy proyekt, 2000.]

²² Шатилов А.Н. Гримасы многопартийности в регионах // Российская газета. 1996. С. 4. [Shatilov, A.N. *Grimasy mnogopartiynosti v regionakh* (Grimaces of Multiparty in the Regions) // *Rossiyskaya gazeta*, 1996, p. 4.]

²³ Хенкин С.М. «Партия власти»: штрихи к портрету // Полития. 1997. № 1. С. 132-137. [Henkin, S. M. «Partiya vlasti»: shtrihi k portretu («Party of Power»: Touches to the Portrait) // *Politiya*, 1997, No. 1, pp. 132-137.]

доверия ко всем партиям и движениям.

«Партия власти» как фактор консолидации региональной правящей элиты и её последствия

В начале 2000-х гг. стало очевидным, что дальнейшая конфронтация политических элит может стать губительной для страны. Необходимость их консолидации на всех уровнях, а также внесение в курс политико-экономических реформ существенных корректив, основанных на разумном усилении позиций государства во всех сферах общественной жизни, стало возможным после избрания на пост Президента РФ В.В. Путина. Лидер страны столкнулся с необходимостью поиска иной модели отношений с различными элитными группами и, одновременно, формирования новой социальной базы действующей власти в России.

Своеобразным катализатором конструктивных идей развития страны могли бы стать политические партии. Однако состояние их идейного и политического багажа не вызывали оптимизма, а меры по активизации деятельности (изменения в избирательной процедуре, сокращение численности зарегистрированных членов партии до 500 человек, получение 5% голосов на избрание депутата и др.) имели лишь частичный успех.

Всё это способствовало реанимации концепции «третьей силы» в партийном строительстве, и на эту роль в начале нового тысячелетия начинала претендовать политическая партия «Единая Россия» (ЕР). Возникшая в качестве нового альянса в 2001 г. из политических организаций «Единство», «Отечество» и «Вся Россия» (лидеры — С.К. Шойгу, Ю.М. Лужков, М.Ш. Шаймиев), она представляла собой своеобразную альтернативу прежним тенденциям развития страны и роли в них политической элиты. В короткий срок ей удалось преодолеть почти десятилетнюю конфронтацию законодательной и исполнительной ветвями власти, наладить между ними диалог, и в результате выборов 2003 г. в Государственную Думу РФ данная партия получила парламентское большинство (оно сохраняется за фракцией ЕР и в настоящее время).

Одной из наиболее сложных проблем

современной системы административно-политического управления являлась разобщенность правящих элит. Именно партии «Единая Россия» удалось добиться политического доминирования на одном из самых сложных направлений — региональном. Значимым событием этого процесса стал фактический отказ от выборов губернаторов, которые в новых условиях могли быть утверждены законодательными органами власти своих территорий по представлению Президента РФ. С 2005 г. данная партия становится инструментом воздействия на регионы со стороны федерального Центра. И хотя в 2012 г. по инициативе Президента РФ Д.А. Медведева прямые выборы глав регионов были возвращены, год спустя в федеральный закон были внесены поправки, дающие право субъектам РФ избирать своих руководителей голосованием в местном парламенте по нескольким кандидатурам.

Наконец, новой «партии власти» удалось решить задачу, которая оказалась не под силу ни одной политической организации постсоветской России — создание реально действующих ячеек партии на местах. Их основу составила властвующая элита субъектов РФ. Она быстро осознала те политические преимущества, которые даёт членство в новой партии при формировании законодательных и исполнительных органов власти. Конечно, процесс её консолидации шёл не везде ровно. Но различные элитные группы интуитивно почувствовали возможные последствия отстаивания сложившейся управленческой автономии. Сохранение в России персоналистского политического режима, который начал быстро усиливаться, неизбежно привело бы к «чисткам» среди самой элиты (об этом свидетельствовали процессы в Белоруссии, Туркменистане и др. государствах «ближнего зарубежья»). Благодаря партии «Единая Россия» произошло сплочение федеральной и региональной бюрократии, до этого прибывавшей в состоянии идейной, политической и экономической разобщенности. Можно согласиться с точкой зрения В.Р. Соловьёва о том, что «...эта партия является стержнем современной по-

литической системы, со всеми её минусами и плюсами»²⁴.

Данные процессы нашли поддержку у властвующей элиты регионов Центрального Черноземья. Понятие «красный пояс» осталось в прошлом, и сравнение «Единой России» с КПСС в настоящее время также не имеют оснований. Если в политической системе СССР партия контролировало государство, то в новых условиях, наоборот, государство контролирует партию. Отсутствие четкой идеологии отличает её от иных партий, функционировавших в условиях тоталитарных и авторитарных режимов. По свидетельству Б.И. Макаренко, это доминантная партия, которая представляет собой прагматическую коалицию с заинтересованным участием региональных элит²⁵.

В настоящее время почти весь политический истеблишмент Центрального Черноземья (главы исполнительной власти регионов, их заместители, мэры административных центров и др.), являются членами партии «Единая Россия». Например, её региональную организацию возглавил глава администрации Липецкой области И.Г. Артамонов²⁶. Наличие у этих институтов мощных административных, финансовых, информационных и иных ресурсов превращает их в реальную политическую силу.

Политическая элита регионов включилась в разработку партийных программ, нацеленных на преобразование наиболее значимых сфер жизни населения своих территорий. Так, Липецкий областной Совет

депутатов выступил инициатором регионального проекта «Парки малых городов», а первым объектом реконструкции стал парк в г. Елец (он возник на рубеже XIX–XX вв. и связан с именами И.А. Бунина и М.М. Пришвина). По словам его председателя П.И. Путилина «...с помощью таких проектов произойдёт «перезагрузка» многих сфер жизни человека – от комфортной среды проживания до культурного и духовного развития»²⁷.

Именно партия «Единая Россия» обеспечила консенсус между отдельными элитными группами ради сохранения их власти и влияния, а также негласного разрешения возникающих противоречий. С одной стороны, ЕР взяла на себя функции модератора между руководителями регионов и Кремлем, особенно по вопросам проводимой налоговой и бюджетной политики. С другой – позволила более эшелонировано выстроить властно-распорядительный механизм внутри каждого субъекта РФ, укрепить систему сдержек и противовесов. Была четко определена сфера компетенции региональной и муниципальной элит, что позволило исключить тенденции сепаратизма, национализма в её рядах, необоснованное вмешательство в дела друг друга и др.

Можно утверждать, что региональная властвующая элита в начале нового тысячелетия выполнила функцию скреп, благодаря которым страна смогла сохранить свою территориальную целостность и национальный суверенитет, политическую стабильность и управляемость.

Однако данный процесс, наряду с серьёзными достижениями, породил и немало противоречий. Одно из них заключается в фактическом отсутствии в России реальной политической оппозиции. В 90-е гг. прошлого века структура правящих элит была сильно фрагментирована, и это порождало оппозиционные настроения, давало возможность различных политических манёвров. В настоящее время оппозиционное поле резко сузи-

²⁴ Не надо демонизировать «ЕДРО» (Do not Demonize “EdRo”). Режим доступа: <http://alexeykuzmin.ru/node/56>

²⁵ Макаренко Б.И. Постсоветская партия власти: Единая Россия в сравнительном контексте // Полис: Политические исследования. 2011. № 1. С. 42–65. [Makarenko, B.I. Postsovietskaya partiya vlasti: Yedinaya Rossiya v sravnitel'nom kontekste (Post-Soviet Party of Power: United Russia in Comparative Context) // *Polis: Politicheskiye issledovaniya*, 2011, No. 1, pp. 42–65.]

²⁶ Глава Липецкой области Игорь Артамонов избран секретарём регионального отделения партии «Единая Россия» (The head of the Lipetsk region Igor Artamonov was elected secretary of the regional branch of the United Russia party). Режим доступа: www.regnum.ru/

²⁷ Павел Путилин провел мониторинг реализации нацпроектов в Ельце и Елецком районе (Pavel Putilin monitored the implementation of national projects in Yelets and Yelets district). Режим доступа: <http://www.oblsovet.ru/news/22460/>

лось, так как влиятельных элитных групп и их лидеров, рассчитывающих улучшить свои политические позиции с помощью оппозиционных партий, не оказалось.

Данная ситуация свидетельствует о кризисном состоянии партийной системы России. В настоящее время ни одна из представленных Госдуме партий не в состоянии предложить иную стратегию развития страны, заручиться поддержкой различных политических сил, в том числе и в регионах, расширить свою электоральную базу (критика политического курса звучит лишь от Компартии России, но избранная ей тактика «врастания во власть» не имеет серьёзных шансов усиления влияния на массы).

На уровне субъектов РФ доминирующие позиции также занимает партия «Единая Россия». Так, в Липецком областном Совете депутатов, мандаты имеют 56 человек: 46 мандатов у партии «Единая Россия», 4 – у Компартии России, 4 – у ЛДПР и 2 – у партии «Справедливая Россия»²⁸. В Курской областной думе мандаты распределены следующим образом: ЕР – 33; Компартия России – 5; ЛДПР–4; Справедливая Россия – 1²⁹. Это обеспечивает ей парламентское большинство и способность принимать выгодные ей политические решения. Появление оппозиционных групп и лидеров, способных предложить иной путь развития своих регионов, весьма затруднено. В этой связи вызывает интерес точка зрения О.В. Гаман-Голутвиной о том, что «...обозначилась четкая тенденция к утверждению в России моноцентричного политического режима»³⁰.

Другое, не менее значимое, противоречие состоит в сложившейся в последнее

время, благоприятной для самой партии ситуации политического доминирования, и необходимостью исполнений планов модернизации страны. Серия национальных проектов 2018-2024 гг., активно продвигаемые Администрацией Президента РФ, представляют собой масштабные инвестиции в человеческий капитал, способные заложить основу для перехода общества в качественно иное состояние. По утверждению В.В. Путина «...на реализацию нацпроектов мы выделяем значительные ресурсы, и они должны работать с полной отдачей, как в интересах решения социальных проблем, так и [...] на стимулирования спроса в экономике»³¹.

Однако их проведение в жизнь возложена на правящую элиту субъектов РФ, которая в прошлом не раз использовала различные коррупционные схемы незаконного обогащения. Не случайно, секретарь Совета Безопасности РФ Н.П. Патрушев отметил, что «...поступает всё больше информации о многочисленных нарушениях при выполнении национальных проектов». Он констатировал, что нарушения закона наиболее часто допускаются при реализации национальных проектов «Жилье и городская среда», «Безопасные и качественные автомобильные дороги», «Демография», «Образование», «Культура», «Здравоохранение»³². Эта ситуация в регионах оказалась в поле зрения Прокуратуры РФ. Так, в Липецкой области с начала 2020 г. надзорным ведомством в сфере реализации национальных проектов выявлено 182 нарушения³³.

Данные национальные проекты должны принести пользу российскому обществу

²⁸ Липецкий областной Совет депутатов (Lipetsk Regional Council of Deputies). Режим доступа: <http://www.oblsovet.ru/about/>

²⁹ Курская областная Дума (Kursk Regional Duma). Режим доступа: <http://kurskduma.ru/index.php>

³⁰ Гаман-Голутвина О.В. Российские партии на выборах: картель «хватай-всех» // Полис: Политические исследования. 2004. № 1. С. 22-25. [Gaman-Golutvina, O.V. Rossiyskiye partii na vyborah: kartel' «khvatay-vsekh» (Russian Parties in the Elections: Cartel «Grab Everyone») // *Polis: Politicheskiye issledovaniya*, 2004, No. 1, pp. 22-25.]

³¹ Путин В.В. Речь на совещании Совета по реализации приоритетных национальных проектов (Putin, V.V. Speech at the meeting of the Council on the implementation of priority national projects). Режим доступа: <http://archive.government.ru/>

³² Егоров И. Посредников не допустят // Российская газета. 2020. С. 3. [Egorov, I. Posrednikov ne dopustyat (Mediators Will not Be Allowed) // *Rossiyskaya gazeta*, 2020, p. 3.]

³³ Прокуратура Липецкой области нашла 182 нарушения в сфере реализации нацпроектов (The prosecutor's office of the Lipetsk region found 182 violations in the implementation of national projects). Режим доступа: <https://www.lipprok.ru/>

и государству только в долгосрочной перспективе, в то время как «партии власти» необходимы краткосрочные дивиденды, обусловленные политической конъюнктурой. В этой связи очень велика вероятность того, что их может постигнуть судьба многих печально известных экономических «кампаний» и «починов» 50-80-х гг. прошлого века. И ответственность за это ляжет на Кремль и партию «Единая Россия».

Наконец, серьёзные противоречия несёт в себе социальный аспект деятельности «партии власти». Она неоднократно декларировала приверженность широкой социальной коалиции. По оценке Д.А. Медведева, «...в наших рядах почти вся управленческая элита: выдающиеся учёные и люди искусства, общественные деятели и предприниматели, представители всех национальностей, профессий и вероисповеданий, ветераны и молодёжь»³⁴. Данная партия проявляет интерес к решению самых разнообразных социальных проблем. Так, в Белгороде по инициативе местной партийной ячейки ЕР возникла новая общественная организация – Совет Отцов. В его составе лучшие представители мужской половины – рабочие, фермеры, предприниматели, военнослужащие, интеллигенция и др. По мнению омбудсмана по правам ребёнка в регионе Г.А. Пятых, работа данного органа «...будет направлена на формирование традиционных семейных ценностей, упрочение функции отцовства, укрепления института наставничества»³⁵. Это свидетельствует об определённой связи партии с гражданским обществом.

В целом социальный аспект деятельности партии «Единая Россия» способствовал позитивному структурированию социално-политического пространства. Несмотря на некоторые недемократические черты, она

смогла консолидировать избирателей нарождающегося среднего класса и соответствующих ему политических сил, приверженных идеям центризма, последовательного социального развития. По утверждению В.В. Володина, «наша цель – это накопление инноваций, ценностей, человеческого и семейного капитала, а в политике... доверие к политическим институтам, в первую очередь, к выборам»³⁶. Острое желание реальных перемен у значительной части населения страны обеспечило кредит доверия и поддержку ЕР в ходе избирательных кампаний в российский парламент, представительные органы субъектов РФ в 2003-2016 гг.

Несмотря на ряд позитивных изменений, партия «Единая Россия», к сожалению, не смогла превратиться в мощный кадровый лифт, способствующий выдвижению на ответственные посты наиболее активных и энергичных членов, в том числе и в субъектах РФ. Это больше напоминает ротацию внутри самой элиты, чем её кардинальное обновление. При отборе кандидатов ставка делалась преимущественно на выходцев из государственного аппарата и бизнеса. Например, из 49 членов фракции «Единая Россия» в составе Белгородской областной Думы 41 депутат (83%) ранее занимал статусные позиции в административных и хозяйственных структурах региона³⁷.

Сплочённость этих лиц (сказалось пребывание на государственной службе в сочетании с партийной дисциплиной) обеспечивает принятие зачастую весьма спорных законов, особенно в социально-экономической сфере. Можно согласиться с мнением С.А. Оськина о том, что, «... монополия на власть, независимо от степени проявления демократии, ведет [...] к уменьшению степени социальной гибкости и снижению [...] эффективности существующих

³⁴ Медведев Д.А. Выступление на XI съезде политической партии «Единая Россия» 21 ноября 2009 г. (Medvedev, D.A. Speech at the XI Congress of the political party “United Russia” on November 21, 2009). Режим доступа: https://ria.ru/er_congress_20112009/

³⁵ В Белгородской области появился Совет отцов (The Belgorod region now has a Council of Fathers). Режим доступа: <https://www.belduma.ru>

³⁶ Володин В. Два года Медведева: накопление демократии // Российская газета. 2010. С. 7. [Volodin, V. Dva goda Medvedeva: nakopleniye demokratii (Two Years of Medvedev: the Accumulation of Democracy) // Rossiyskaya gazeta, 2010, p. 7.]

³⁷ Белгородская областная Дума (Belgorod Regional Duma). Режим доступа: <https://www.belduma.ru>

ющей политической системы»³⁸. Примером тому является так называемая «пенсионная реформа» 2018 г. и другие шаги государства, вызвавшие негативную оценку у широких слоев населения. Многие идеи, положенные в основу официальных решений по развитию социально значимых сфер, содержат изрядную долю популизма.

Это обстоятельство способствовало снижению рейтинга доверия к партии «Единая Россия». Его демонстрируют некоторые электоральные группы (интеллигенция, мелкие и средние предприниматели, рабочие, молодёжь), особенно в крупных городах, склонные рассматривать ЕР исключительно как «партию начальников». Если в начале своей деятельности она позиционировала себя в качестве социальной площадки для артикуляции наиболее важных проблем и совместного поиска их решений, то в настоящее время её доводы в защиту своего политического курса по целому блоку социальных проблем малоубедительны. По свидетельству Г.А. Зюганова «...у «Единой России» нет ни программы на ближайшее время, ни каких-либо интересных решений, ни честной оценки того, что происходит в мире и у нас в стране»³⁹.

К данным процессам причастна правящая элита субъектов РФ. Её политическое доминирование, которое обеспечивается посредством административных, информационных, финансовых и иных ресурсов партии «Единая Россия», порождает объективную незаинтересованность ни в активизации деятельности других партий, ни в появлении энергичных и критически мыслящих групп

избирателей. Это обусловлено характером самой региональной власти, рассматриваемой партией как инструмент для реализации исключительно собственных властных амбиций. Сохранение такого положения при определённых обстоятельствах может обернуться политическим кризисом, последствия которого коснутся и самой элиты.

Заключение

Таким образом, крах «партии власти», бессменно правившей в нашей стране более семидесяти лет, способствовал рождению новых форм политической активности граждан, и это нашло выражение в образовании политических партий и движений. Однако за прошедший период они не смогли трансформироваться ни в массовые объединения, отстаивающие интересы конкретных социальных групп, ни организации избирателей, выражающих нужды и чаяния самых широких слоёв населения. Это обусловлено социально-экономическим фактором, который сдерживает генезис партийной системы нашей страны.

Изначально политические партии формировались различными элитными группами, в том числе и правящей элитой регионов Центрального Черноземья, в качестве инструмента борьбы за власть. Возникшие в 90-е гг. прошлого века они стали своеобразными «партиями власти», основной целью которых являлась консолидация политической элиты. Но её разобщённость, фрагментация политических интересов не позволили этого достичь.

Усиление позиций федеральной власти в начале 2000-х гг. создали серьёзные предпосылки для консолидации правящей элиты, в том числе на уровне субъектов РФ, в рамках новой политической партии – «Единая Россия». С её помощью удалось пресечь тенденции сепаратизма и национализма, конфронтации между различными элитными группами и, в первую очередь, в регионах страны. Политическая элита стала носителем идеи государственности, последовательного социально-экономического развития, направленного на качественное преобразование страны.

³⁸ Оськин С.А. Особенности партийного строительства в современной России // Управленческое консультирование. 2006. № 3. С. 201-210. [Oskin, S.A. Osobennosti partiynogo stroitel'stva v sovremennoy Rossii (Features of Party Construction in Modern Russia) // *Upravlencheskoye konsul'tirovaniye*, 2006, No. 3, pp. 201-210.]

³⁹ Зюганов Г. Съезд «Единой России» напомнил мне худшие образчики массовок КПСС // Новая газета. 2011. С. 3. [Zyuganov, G. S'yezd «Yedinoy Rossii napomnil mne khudshiye obrazchiki massovok KPSS (Congress of "United Russia" Reminded me of the Worst Examples of Masses of the CPSU) // *Novaya Gazeta*, 2011, p. 3.]

В то же время данный процесс уже привёл к фактической ликвидации политической оппозиции, и тем самым, существенно снизил ответственность партии перед обществом. В условиях политического доминирования велика вероятность того, что реализации программ социального развития будет иметь высокую степень популизма, а это, в свою очередь, способствуют утрате доверия общества к структурам официальной власти. На фоне экономических неурядиц, комплекса нерешённых социальных проблем, где главной остаётся бедность населения, это может привести к глубокому политическому кризису с трудно предсказуемыми последствиями.

Поэтому перспектива развития российской «партии власти» (как, впрочем, и других политических организаций) состоит в постепенной трансформации в партию парламентского типа. Они должны стать массовыми политическими организациями с фиксированным членством, прозрачным партийным бюджетом, собственной электронной базой, новыми формам пропаганды и агитации и др. Однако их результат зависит от состояния экономики и качества жизни общества в целом.

Опираясь на разветвлённую сеть своих региональных партийных ячеек, правящая элита субъектов РФ сможет укрепить свою легитимность в глазах населения, обретёт возможность демократическим путем отстаивать свою точку зрения на развитие регионов и нести реальную ответственность перед избирателями. Выступив на определённом этапе в роли политических скреп, благодаря которой республики, края и области страны остались в едином геополитическом пространстве, необходимо наполнить их содержательной политической жизнью. В противном случае скрепы превратятся в оковы...

Литература:

Волков Л.М. Облачная демократия / Л.М. Волков, Ф.Г. Крашенинников. Екатеринбург: Кабинетный учёный, 2013.

Гаман-Голутвина О.В. Российские партии на выборах: картель «хватает-всех» // Полис: Политические исследования. 2004. № 1. С. 22-25.

Гельман В.Я. Из огня да в полымя (динамика постсоветских режимов в сравнительной перспективе) // Полис: Политические исследования. 2007. № 2. С. 133-147.

Гельман В.Я. От «бесформенного плюрализма» к «доминирующей власти»? Трансформация российской партийной системы // Общественные науки и современность. 2006. № 1. С. 46-58.

Гельман В.Я. Россия регионов: трансформация политических режимов / В.Я. Гельман, С.И. Рыженкова, М. Бри. М. Весь мир. 2000.

Голосов Г.В. Российская партийная система и региональная политика 1993-2003 / Г.В. Голосов. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге. 2006.

Дюверже М. Политические партии. Пер. с франц. М.: Академический проект. 2000.

Ельцин Б.Н. Президентский марафон. М.: ООО АСТ. 2000.

Жириновский В.В. Главный враг России – чиновник. М.: ЛДПР, 2010.

Зеленко Б.И. Политические партии и развитие гражданского общества: политико-правовые аспекты. М.: РЕР-СЭ, 2001.

Зиминая Н.В. Анализ политических партий и общественных объединений в партийных системах // Власть. 2014. № 12. С. 62-68.

Зотова З.М. Политические партии России: организация и деятельность. М.: Российский центр обучения избирательным технологиям, 2001.

Конгонюк Р.Ф. Псевдопартийная система и предпочтения российских избирателей // Полития. 2009. № 4. С. 155-188.

Латин Н.И. Атлас модернизации России и ее регионов: социальноэкономические и социокультурные тенденции и проблемы. М.: Весь мир. 2016.

Лейнхарт А. Конституционные альтернативы для новых демократий // Полис: Политические исследования. 1995. № 2. С. 14-18.

Линдсет С. Размышление о капитализме, социализме и демократии // Пределы власти. 1994. № 1. С. 24-28.

Макаренко Б.И. Постсоветская партия власти: Единая Россия в сравнительном контексте // Полис: Политические исследования. 2011. № 1. С. 42-65.

Морозова Е.В., Мирошниченко И.В. Гибридные политические институты в современных политиях // Вестн. Мос.ун-та. Сер. 21 (Государство и общество). 2015. № 3. С. 68-72.

Оськин С.А. Особенности партийного строительства в современной России // Управленческое консультирование. 2006. № 3. С. 201-210.

Туровский Р.Ф. Региональные политические режимы в России: к методологии анализа // Полис: Политические исследования. 2009. № 2. С. 77-95.

Хенкин С.М. «Партия власти»: штрихи к портрету // Полития. 1997. № 1. С. 132-137.

References:

Duverger, M. Politicheskiye partii (Political Parties). Transl. from French. Moscow: Akademicheskii proyekt, 2000.

Gaman-Golutvina, O.V. Rossiyskiye partii na vyborah: kartel' «khvatay-vsekh» (Russian Parties in the Elections: Cartel "Grab Everyone") // Polis: Politicheskiye issledovaniya, 2004. No. 1, pp. 22-25.

Gelman, V.Y. Rossiya regionov: transformatsiya politicheskikh rezhimov (Russia of Regions: Transformation of Political Regimes) / V.Ya., Gelman, S.I., Ryzhenkova, M., Bri. Moscow. Ves mir, 2000.

Gelman, V.Ya. Iz ognya da v polymya (dinamika postsovetских rezhimov v sravnitel'noy perspektive) (From Fire to Polym (Dynamics of Post-Soviet Regimes in a Comparative Perspective)) // *Polis: Politicheskkiye issledovaniya*, 2007, No. 2, pp. 133-147.

Gelman, V.Ya. Ot «besformennogo plyuralizma» k «dominiruyushchey vlasti»? Transformatsiya rossiyskoy partiynoy sistemy (From “Formless Pluralism” to “Dominant Power”? Transformation of the Russian Party System) // *Obshchestvennyye nauki i sovremennost'*, 2006, No. 1, pp. 46-58.

Golosov, G.V. Rossiyskaya partiynaya sistema i regional'naya politika 1993-2003 (Russian Party System and Regional Policy 1993-2003). St. Petersburg: Publishing House of the European University in St. Petersburg, 2006.

Henkin, S.M. «Partiya vlasti»: shtrihi k portretu (“Party of Power”: Touches to the Portrait) // *Politiya*, 1997, No. 1, pp. 132-137.

Kongonyuk, R.F. Pseudopartiynaya sistema i predpochteniya rossiyskikh izbirateley (Pseudo-party System and Preferences of Russian Voters) // *Politiya*, 2009, No. 4, pp. 155-188.

Lapin, N.I. Atlas modernizatsii Rossii i yeye regionov: sotsioekonomicheskiye i sotsiokul'turnyye tendentsii i problem (Atlas of Modernization of Russia and Its Regions: Socioeconomic and Sociocultural Trends and Problems). Moscow: Ves' mir, 2016.

Leiphart, A. Konstitutsionnyye al'ternativy dlya novykh demokratii (Constitutional Alternatives for New Democracies) // *Polis: Politicheskkiye issledovaniya*, 1995, No. 2, pp. 14-18.

Lipset, S. Razmyshleniye o kapitalizme, sotsializme i demokratii (Reflection on Capitalism, Socialism and Democracy) // *Predely vlasti*, 1994, No. 1, pp. 24-28.

Makarenko, B.I. Postsovet'skaya partiya vlasti: Yedinaya Rossiya v sravnitel'nom kontekste (Post-Soviet Party of Power: United Russia in Comparative Context) // *Polis: Politicheskkiye issledovaniya*, 2011, No.1, pp. 42-65.

Morozova, E.V.; Miroshnichenko, I.V. Gibridnyye politicheskkiye instituty v sovremennykh politiyakh (Hybrid Political Institutions in Modern Politics) // *Vestn. Mos. un-ta. Ser. 21 (Gosudarstvo i obshchestvo)*, 2015, No. 3, pp. 68-72.

Oskin, S.A. Osobennosti partiynogo stroitel'stva v sovremennoy Rossii (Features of Party Construction in Modern Russia) // *Upravlencheskoye konsul'tirovaniye*, 2006, No. 3, pp. 201-210.

Turovsky, R.F. Regional'nyye politicheskkiye rezhimy v Rossii: k metodologii analiza (Regional Political Regimes in Russia: to Methodology Analysis) // *Polis: Politicheskkiye issledovaniya*, 2009, No. 2, pp. 77- 95.

Volkov, L.M.; Krashennnikov, F.G. Oblachnaya demokratiya (Cloud Democracy). Yekaterinburg: Cabinet scientist, 2013.

Yeltsin, B.N. Prezidentskiy marafon (Presidential Marathon). Moscow: ACT LLC, 2000.

Zelenko, B.I. Politicheskkiye partii i razvitiye grazhdanskogo obshchestva: politiko-pravovyye aspekty (Political Parties and the Development of Civil Society: Legal Aspects). Moscow: RER-SE, 2001.

Zhirinovskiy, V.V. Glavnyy vrag Rossii – chinovnik (The Main Enemy of Russia Is a Government Official). Moscow: LDPR, 2010.

Zimina, N.V. Analiz politicheskikh partiy i obshchestvennykh ob'yedineniy v partiynykh sistemakh (Analysis of Political Parties and Public Associations in Party Systems) // *Vlast*, 2014, No. 12, pp. 62-68.

Zotova, Z.M. Politicheskkiye partii Rossii: organizatsiya i deyatel'nost' (Political Parties of Russia: Organization and Activity). Moscow: Russian Center for Training in Electoral Technologies, 2001.a

DOI: 10.24411/2221-3279-2021-10017

RUSSIAN “PARTY OF POWER” AND REGIONAL POLITICAL ELITE – INTERESTS, CONTRADICTIONS, PROSPECTS

Vladimir Yu. Razumovsky

Belgorod University of Cooperation, Economics, and Law,
Lipetsk Institute of Cooperation (branch),
Russia

Article history: <i>Received:</i> 01.08.2020 <i>Accepted:</i> 16.04.2021	Abstract: The article deals with the genesis of the so-called «party of power» in Russia, its features. The subject of the study is the political elite of the constituent entities of the Russian Federation as the main driving force for its formation and development (on the example of the regions of the Central Black Earth Region). Its goal is to study the role of the regional ruling elite in the functioning of the “party of power” through institutional and functional approaches, within the framework of various types of analysis. It describes the main trends that arose in the party construction of Russia in the early 90s. Last century, their results. The author analyzes the state of the political elite, including the ruling elite of the constituent entities of the Russian Federation, the reasons for their ideological, political and economic disunity. At the same time, emphasis is placed on the evolution of the views of the ruling elites regarding political parties and movements (on the example of the regions of the Central Black Earth Region). The article considers attempts to revive the «party of power» in new socio-political relations, its various models at the regional and federal levels (the concept of the so-called «third force»), their goals, tasks and contradictions. The author describes the reasons for the resumption of interest in the above concept in the early 2000s of the new century and the formation of the Russian «party of power» of a new type. We are also considering a set of problems that contributed to the consolidation of the Russian ruling elite, including at the regional level (using the example of the Central Black Earth Region), their results. In conclusion, an assessment is made of the possible prospects for the development of regional organizations of the «party of power,» their role in socio-political processes.
About the author: Candidate of Political Science, Associate Professor, Belgorod University of Cooperation, Economics, and Law, Lipetsk Institute of Cooperation (branch) e-mail: vrazumovsky@yandex.ru	
Key words: political parties; “party of power”, elections; president; regional ruling elite; party coalition	

Для цитирования: Разумовский В.Ю. Российская «партия власти» и региональная политическая элита – интересы, противоречия, перспективы // *Сравнительная политика*. 2021. № 2. С. 38-54.

DOI: 10.24411/2221-3279-2021-10017

For citation: Razumovsky, Vladimir Yu. Rossiyskaya «partiya vlasti» i regional'naya politicheskaya elita – interesy, protivorechiya, perspektivy (Russian “Party of Power” and Regional Political Elite – Interests, Contradictions, Prospects) // *Comparative Politics Russia*, 2021, No. 2, pp. 38-54.

DOI: 10.24411/2221-3279-2021-10017

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ РЕГИОНАЛЬНОЙ ЭЛИТЫ КПРФ И «СПРАВЕДЛИВОЙ РОССИИ»: СОЦИАЛЬНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ И КАНАЛЫ РЕКРУТИРОВАНИЯ

Анна Гегамовна Наронская

Уральский федеральный университет имени первого
Президента России Б.Н. Ельцина,
Екатеринбург, Россия

Информация о статье: <i>Поступила в редакцию:</i> 9 марта 2021 <i>Принята к печати:</i> 16 апреля 2021	Аннотация: В настоящей статье проведен сравнительный анализ социально-демографических характеристик и каналов рекрутирования региональной политической элиты КПРФ и «Справедливой России». В качестве региональной партийной элиты мы исследовали руководителей отделений политических партий «КПРФ» и «Справедливая Россия», занимающих ключевые позиции в партийных структурах и отвечающих за отбор и продвижение кандидатов на выборах всех уровней. Эмпирическую базу исследования составили биографические данные 170 представителей партийной элиты. Анализ социально-демографических характеристик показал различия в возрастной структуре представителей партийной элиты КПРФ и «Справедливой России». В региональной элите КПРФ основной демографической группой являются люди старше 60 лет, в «Справедливой России» от 40 до 50 лет. В течение последних лет в КПРФ идет активный процесс омоложения региональной элиты за счет собственных партийных кадров, в отличие от «Справедливой России», где система обновления элиты носит случайный и несистемный характер. Представительство женщин элите обеих партий незначительно и составляет 9% у КПРФ и 11% у «Справедливой России». В ходе исследования было зафиксировано увеличение доли профессиональных юристов среди молодого поколения (25-40 лет) региональной элиты обеих партий. Наконец, мы выделили существенные различия в ключевых каналах рекрутирования элитных групп. В КПРФ половина руководящего состава региональной элиты КПРФ была отобрана по итогам длительной партийной работы, в том числе и в советской номенклатуре. В «Справедливой России», ключевым каналом рекрутирования является крупный и средний бизнес региона. <i>Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и ЭИСИ в рамках научного проекта № 20-011-31049</i>
Об авторе: к.полит.н., доцент, кафедра теории и истории международных отношений, департамент международных отношений, УрФУ e-mail: a.g.naronskaia@urfu.ru	
Ключевые слова: КПРФ; Справедливая Россия; региональная элита; политическая партия; каналы рекрутирования; социальный контекст	

На протяжении последних тридцати лет партии стали важнейшим политическим институтом России. В течение всего этого периода шел перманентный процесс реформирования институциональных правил создания и функционирования политических партий. Результаты данных преобразований противоречивы. К новому избирательному циклу 2021 года сложилась стабильная партийная система, структура которой представлена «партией власти»¹

¹ Брутер В.И. определяет «партию власти» как «постсоветский феномен, который заключается в беспартийном президенте, частично бес-

(«Единая Россия») – тремя парламентскими («Справедливая Россия», КПРФ, ЛДПР) и остальными партиями². При этом в рей-

партийном парламенте и деполитизированном правительстве, которое ограничено подотчетно парламенту». См.: Брутер В.И. Партии власти уходят? // Содружество НГ. 1999. Май. № 5 (17). С. 8. [Bruter, V.I. Parties of power are leaving? (Parties of Power are Leaving) // *Sodruzhestvo NG*, 1999, May, No. 5 (17). P. 8.]

² По данным Министерства юстиции на 25 февраля 2021 г. зарегистрировано 36 политических партий. Официальный сайт Министерства юстиции РФ, 25.02.2021. Режим доступа: <https://minjust.gov.ru/ru/pages/politicheskie-partii/>

тинге институционального доверия политические партии занимают последнее место среди основных политических институтов (22%). По показателям институционального недоверия на первом месте Государственная Дума РФ (67%), на втором политические партии (64%). Данные общественного мнения подтверждаются отечественными исследователями, которые констатируют институциональную слабость, отсутствие субъектности, зависимость парламентских партий от исполнительной власти, низкие эффективность и качество кадрового состава российских политических партий³. Подобные выводы актуализируют анализ не только институциональных особенностей российской политической системы, но и социально-демографических и социально-профессиональных характеристик партийной элиты, в том числе ее регионального подразделений. В данной статье фокус анализа направлен на кадровый состав регионального партийного руководства, который является значимым для выявления закономерностей развития и структурных сдвигов внутри как региональной партийной элиты, так и правящего политического класса. В рамках настоящего исследования особую значимость представляла работа Д.Б. Тева, А.С. Быстровой, А.В. Дуки посвященная анализу карьеры и бассейнов рекрутирования региональной политической элиты⁴.

³ См.: Коргунок Ю.Г. Партийная система современной России: основной вектор развития // Актуальные проблемы Европы. 2018. № 2. С. 202-224 [Korgunuk, Ju.G. Partijnaja sistema sovremennoj Rossii: osnovnoj vektor razvitija (Party System in Modern Russia: Main Vector of Development) // *Aktualnye Problemy Evropy*, 2018, No. 2, pp. 202-224.]; Макаренко Б.И. Постсоветская партия власти: «Единая Россия» в сравнительном контексте // Полис. 2011. № 1. С. 42-65. [Makarenko, B.I. Postsovetskaja partija vlasti: «Edinaja Rossija» v sravnitel'nom kontekste (Post-Soviet Party of Power: the «United Russia» in a Comparative Context) // *Polis*, 2011, No. 1, pp. 42-65.]

⁴ См.: Быстрова А.С., Даугавет А.Б., Дука А.В., Колесник Н.В., Невский А.В., Тев Д.Б. Региональная политическая элита: бассейн рекрутирования и карьера // Власть и элиты. 2020. Т. 7. № 1. С. 76-122. [Bystrova, A.S., Daugavet, A.B., Duka, A.V., Kolesnik, N.V., Nevskij, A.V.,

Результаты исследования

Для изучения социальных характеристик и особенностей рекрутирования региональной партийной элиты мы взяли руководителей отделений политических партий «КПРФ» и «Справедливая Россия». Выбор партий для сравнения обусловлен тем, что, во-первых, обе партии входят в состав парламентской оппозиции, во-вторых, являются системообразующими левыми партиями, в-третьих, апеллируют к близким категориям избирателей, используя социальную повестку дня, в-четвертых, в отличие от партии власти имеют относительно открытую систему партийного рекрутирования. Обе партии имеют стабильную поддержку со стороны избирателей. По данным ВЦИОМ, на 21 февраля 2021 года за КПРФ готовы проголосовать на выборах в Госдуму 12,2 % избирателей, за «Справедливую Россию» – 7,1%. Данные результаты немалом отличаются от итогов выборов 2016 г.⁵ В то же время, данные партии имеют сложные взаимоотношения, т.к. являются прямыми политическими конкурентами на левом фланге. КПРФ рассматривает «Справедливую Россию» как партию, оттягивающую голоса у нее голоса избирателей в пользу «Единой России». В свою очередь, партия «Справедливая Россия», пытаясь обрести свою политическую субъектность с 2006 года, старается опровергнуть лидерство КПРФ среди левых патриотических сил. Показательно, что лидер партии С. Миронов заявил 20 января 2021 г. об объединении «Справедливой России» с партиями «За правду» и «Патриоты России» и «укрупнении на левом фланге всех левых патриотических сил в преддверии выборов в Госдуму»⁶.

Tev, D.B. Regional'naja politicheskaja jelita: bassejn rekrutirovanija i kar'era (Regional Political Elite: Careers and Pool of Recruitment) // *Vlast' i Elity*, 2020, Vol. 7, No. 1, pp. 76-122.]

⁵ Рейтинг политических партий // ВЦИОМ, 21.02.2021. Режим доступа: <https://wciom.ru/ratings/reiting-politicheskikh-partij>; по результатам выборов в Государственную Думу 2016 г. по партийным спискам, КПРФ получила 13,34%, «Справедливая Россия» – 6,23%.

⁶ Герейханова А. Миронов подтвердил объединение «Справедливой России» с двумя партиями // Российская газета, 20.01.2021. Режим

Вышеизложенное определило вопросы, которые мы попытаемся прояснить в ходе исследования. Какие каналы рекрутирования доминируют в формировании региональной партийной элиты левого политического спектра? Существует ли дифференциация социально-демографических характеристик и каналов рекрутирования, в зависимости от партийной принадлежности?

Объектом нашего исследования является региональная элита партий КПрФ и «Справедливая Россия». Опираясь на структурно-функциональный подход, мы рассматриваем региональную политическую элиту как группу, обладающую властными ресурсами и принимающую ключевые решения в рамках региона. В состав региональной элиты входят административная элита региона, избираемые публичные региональные политики, представители регионального бизнеса и НКО. Региональной партийной элитой являются субъекты, занимающие ведущие позиции в партийных структурах субъекта федерации. Это, прежде всего, руководители региональных отделений, а также депутаты региональных парламентов.

По состоянию на декабрь 2020 г. партии КПрФ и «Справедливая Россия» имеют представительства во всех субъектах России. КПрФ представлена во всех парламентах российских регионов за исключением республики Тыва. В свою очередь, депутаты от партии «Справедливая Россия» представлены в 78 региональных парламентах. Партия не имеет депутатов в законодательных собраниях республик Крым, Тыва, Мордовия, в Хабаровском крае, Белгородской, Сахалинской и Ульяновской областях. Общее число региональных депутатов у КПрФ в два раза выше, чем у «Справедливой России» – 449 против 208.

Социальные характеристики и кана-

лы рекрутирования во многом определяют структуру, качественный состав, карьерную мобильность представителей элиты. Взяв за основу позиционный анализ (Р. Патнэма) определения партийной элиты, мы будем анализировать руководителей региональных отделений партий, занимающих ключевые позиции в партийных структурах и отвечающих за отбор и продвижение кандидатов на выборах всех уровней⁷. Система рекрутирования региональной партийной элиты носит преимущественно закрытый характер. В связи с этим, нам важно выявить те профессиональные группы интересов, которые наиболее успешно рекрутируются в партийную элиту. По мнению М. Кастельса политические институты (в том числе и партии) в информационную эпоху становятся «агентствами по заключению сделок»⁸. В этом контексте политические партии как канал отбора элиты позволяют идентифицировать политические сети⁹. Партия рекрутирует индивида в публичную политику, в то же время он остается тесно связан с административными, силовыми или корпоративными структурами¹⁰.

⁷ Putnam, R.D. The Comparative Study of Political Elites. NJ: Prentice-Hall, 1976. 246 p.

⁸ Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура. М.: ГУ ВШЭ. 2000. С. 501-502. [Castells, M. Informacionnaja jepoha: jekonomika, obshhestvo i kul'tura. (The Information Age: Economy, Society, and Culture). Moscow: GU VShE. 2000. 608 p.]

⁹ Михайлова О.В. Сетевая архитектура государственного управления: проблемы концептуализации и практики: дис. ... докт. политических наук. Москва, 2014. С. 303. [Mihajlova, O.V. Setevaja arhitektura gosudarstvennogo upravlenija: problemy konceptualizacii i praktiki (Network Architecture of Public Administration Problems of Conceptualization and Practice). dis. ... dokt. politicheskikh nauk. Moscow, 2014. 303 p.]

¹⁰ Политическая сеть представляет собой систему взаимодействий и коммуникаций между институтами государства и общества См.: Rhodes, R.; Marsh, D. Policy Network in British Politics. A Critique of Existing Approaches // Policy Network in British Government. Oxford: Clarendon Press, 1992. 312 p.; Сморгунов Л.В. Сетевые политические партии // Полис. 2014. № 4. С. 21-37. [Smorgunov, L.V. Setevye politicheskie partii (Network Political Parties) // Polis, 2014, No. 4, pp. 21-37.]

доступа: <https://rg.ru/2021/01/20/mironov-podtverdil-obedinenie-spravedlivoj-rossii-s-dvumia-partiiami.html> [Gerejhanova, A. Mironov podtverdil ob#edinenie «Spravedlivoj Rossii» s dvumja partijami (Mironov has Confirmed the Unification of «Just Russia» with Two Parties) // Rossijskaja gazeta. 20.01.2021. Mode of access: <https://rg.ru/2021/01/20/mironov-podtverdil-obedinenie-spravedlivoj-rossii-s-dvumia-partiiami.html>]

Таблица 1.

Представительство руководителей региональных отделений партий КПрФ и «Справедливая Россия» в федеральных, региональных и муниципальных органах власти

Партия	Число глав региона	Число глав города	Число сенаторов в Совете Федерации	Число депутатов Государственной Думы	Число депутатов законодательных органов власти субъектов федерации	Число депутатов муниципальных органов власти	Не представлены в органах власти
КПрФ	1	1	1	10	64	1	6
Справедливая Россия	0	0	0	11	48	9	17

Table 1. Representation of the heads of regional branches of CPRF and "Just Russia" in federal, regional and municipal government bodies

Таблица 2

Возрастная структура руководителей региональных отделений партий КПрФ и «Справедливая Россия» по годам рождения, в %

Партия	1940-1959	1960-1969	1970-1979	1980-1995
КПрФ	54	11	19	16
Справедливая Россия	18	28	42	12

Table 2. The age structure of the heads of regional branches of the CPRF and "Just Russia" by year of birth, in %

В рамках данной статьи мы проведем сравнительный анализ таких социально-демографических показателей как возраст представителей элиты, уровень и характер образования, а также профессиональные сферы деятельности, из которых рекрутировались руководители региональных отделений. Для проведения исследования были собраны биографические данные 170 представителей партийной элиты, руководителей отделений политических партий «КПрФ» и «Справедливая Россия»¹¹. Обе партии широко представлены в органах власти всех уровней (См. Таб. 1).

Полученные данные показывают лидерство КПрФ. Среди Первых секретарей региональных отделений есть глава Республики Хакасия В.О. Коновалов; сенатор от Орловской области, в Совете Федерации В.Н. Иконников, мэр г. Новосибирска Локоть А.Е. Большая часть глав региональных отделений «Справедливой России» являются депутатами региональных парламентов, вместе с тем 17 элитных персон не пред-

ставлены в органах власти. У КПрФ этот показатель значительно меньше.

Социально-демографические характеристики региональной партийной элиты

Для анализа возрастной структуры представителей партийной элиты, мы разделили ее на четыре группы (См. Таб. 2).

На первый взгляд, видны различия в возрастных характеристиках представителей партийной элиты КПрФ и «Справедливой России». Больше половины от общего состава первых секретарей региональных комитетов КПрФ (54%) являются людьми пенсионного возраста, старше 60 лет. Это основная демографическая группа партийной элиты КПрФ. У Справедливой России такой группой являются люди 41-50 лет (42%). Но в то же время если посмотреть на средний возраст руководителей отделений, то отличия в данном показателе не столь существенны и составляют 51 год у «Справедливой России» и 56 лет у КПрФ. В любом случае, обе партии объединяет проблема

¹¹ Информация собиралась в декабре 2020 г.

обновления руководящего состава региональной элиты. Стоит отметить, что на XVII съезде КПрФ (2017 г.) произошло значительное омоложение руководства и состава партии, это, в свою очередь, отразилось и на руководящем составе региональных отделений. На сегодняшний момент руководителей региональных отделений моложе 40 лет в КПрФ 16%, что выше аналогичного показателя у «Справедливой России». Причем в подавляющем большинстве случаев руководители региональных отделений КПрФ моложе 40 лет вступили в партию в 20-летнем возрасте и прошли путь начиная от рядового активиста и заканчивая избранием на пост первого секретаря регионального отделения КПрФ. В то же время у «Справедливой России» подобную карьеру имели только молодые руководители Карельского и Красноярского отделений, что является скорее исключением, нежели правилом. При этом у КПрФ 36% руководителей региональных отделений находятся в должности более 10 лет, в то время как у «Справедливой России» аналогичный показатель 16 %. В преддверии парламентских выборов 2021 года обе партии значительно обновили состав региональных отделений, с 2018 по 2020 год произошла смена руководителей в 12 региональных отделениях КПрФ и 25 отделениях партии «Справедливая Россия». Примечательно, что целый ряд новых руководителей партии «Справедливая Россия», вступили в нее незадолго до назначения, покинув другие политические объединения. Например, Р. Ооржак (Председатель Совета регионального отделения партии в республике Тыва) – бывший член «Единой России», И. Чиркова и М. Лазарев (главы региональных отделений Архангельской области и Ямало-Ненецкого автономного округа) перешли из ЛДПР¹², а Д. Хмелевской (Председатель Совета регионального отделения партии в Краснодарском крае) повторно вступил в партию «Справедливая Россия», из которой был ис-

ключен в 2017 г. В результате региональная элита партии «Справедливая Россия», хотя и представляется более молодой и мобильной по сравнению с КПрФ, но при этом система назначений носит случайный и несистемный характер.

Если говорить о процентном соотношении мужчин и женщин среди руководителей региональных отделений политических партий, то оно незначительно, результаты КПрФ и «Справедливой России» очень близки. Первыми секретарями региональных комитетов КПрФ являются 11 женщин, что составляет всего 9%, у «Справедливой России» этот показатель чуть выше – 13 женщин возглавляют региональные отделения, что составляет 11%. Любопытно, что руководителями Саратовского, Томского и Санкт-Петербургского региональных отделений являются женщины и у КПрФ, и у «Справедливой России»¹³. Возможно это случайное совпадение, хотя оно также может быть обусловлено особенностями гендерного развития этих регионов.

Анализ уровня образования свидетельствует о незначительных различиях между партиями. Абсолютное большинство (99%) руководителей партийных отделений КПрФ и «Справедливая Россия», имеют высшее образование. Ученую степень кандидата или доктора наук имеют 18% региональной элиты КПрФ и 26% элиты «Справедливой России». Среди направлений образования мы выделили следующие укрупненные группы – техническое, гуманитарно-педагогическое, финансово-экономическое, административно-политическое, юридическое, военно-медицинское, а также сельскохозяйственное. Наиболее широко в региональной элите КПрФ представлено техническое образование, которое имеют 38% ее представителей, следом идет гуманитарно-педагогическое, составляющее 26%, наконец,

¹² Чиркова И. была обвинена в хищении партийных средств и исключена из ЛДПР в 2016 г. См.: В ЛДПР исключили из партии трех депутатов Госдумы // Ведомости. 11.04.2016. Режим доступа: <https://www.vedomosti.ru/politics/news/2016/04/11/637257-ldpr-isklyuchili>

¹³ Саратовским отделением КПрФ руководит Алимова О.Н., отделение Справедливой России возглавляет Самсонов З.М. Томским отделением КПрФ руководит Барышников Н.Г, у Справедливой России – Немцева Г.Г, наконец, Санкт-Петербургское отделение КПрФ возглавляет Ходунова О.А., у Справедливой России – Шишикина М.А.

10% руководителей региональных отделений имеют военно-медицинское образование. Остальные направления представлены значительно меньше. Невелика доля тех, кто имеет административно-политическое и юридическое образование, 8% и 7% соответственно¹⁴. В партии «Справедливая Россия» ситуация немного иная. Гуманитарно-педагогическое образование составляет 33%, техническое образование – 28%, финансово-экономическое – 12% и политико-управленческое также имеют 12% руководителей отделений в качестве первого образования. Юридическое образование весьма скромно представлено среди представителей региональной элиты «Справедливой России» и составляет 10,5%¹⁵. При этом юридическое образование широко представлено у молодого поколения элиты КПрФ (25–40 лет) и составляет 29%. Техническое образование имеют также 29% молодых руководителей региональных отделений партии¹⁶. В партии «Справедливая Россия» среди молодой элитной группы доминирует гуманитарно-педагогическое образование, которое имеют 55% руководителей, 18% юридическое и только 9% техническое¹⁷. Приведенные данные свидетельствуют о некоторых сдвигах в партийной элите в привлечении в свои ряды профессиональных юристов. Это важно с учетом того, что представленность юристов в законодательных собраниях всех уровней власти крайне низка в современной России. Хотя по мнению М. Догана, именно юридическая профессия наиболее предрасполагает к политической карьере и, прежде всего, к законодательной деятельности¹⁸.

¹⁴ Доля экономического образования в партии КПрФ составляет 7%, а сельскохозяйственного – 4%.

¹⁵ Доля военно-медицинского образования в партии «Справедливая Россия» минимально и составляет 4,5%, сельскохозяйственное образование отсутствует в данной группе.

¹⁶ Доля гуманитарно-педагогического образования составляет 21%, административно-политического – 14% и экономического – 7% среди молодых руководителей партии КПрФ.

¹⁷ Доля экономического образования 9%, медицинского также 9% среди молодых руководителей партии «Справедливая Россия».

¹⁸ Dogan, M. Is There a Ruling Class in France? // *Comparative Sociology*, 2003, Vol. 2, pp. 38–39.

Номенклатурный опыт руководителей региональных отделений партий КПрФ и «Справедливая Россия»

Как показали результаты исследования демографических характеристик, возрастные группы старше 50 лет составляют основу региональной партийной элиты. Очевидно, что данная группа является ядром управленческого состава КПрФ и составляет 65%, но и у «Справедливой России» почти половина состава (46%) теоретически могла иметь номенклатурное происхождение. Биографические данные региональных элит свидетельствуют о существенных различиях между партиями в наличии опыта партийной советской и комсомольской работы. Чуть менее половины, а именно, 45% руководителей отделений КПрФ начали свою политическую или административную карьеру в советский период и прошли элитный отбор в номенклатуре, в «Справедливой России» таких всего 6%. Таким образом, региональная элита партии «Справедливая Россия» не является номенклатурной по своему происхождению, в отличие от КПрФ. Роль первичной социализации представляется значительной, т.к. она во многом определяет преемственность в деятельности и ментальных характеристиках партийных элит, повышает уровень их корпоративной сплоченности, определяет особенности системы рекрутирования.

Каналы рекрутирования в партийную элиту

Проанализировав профессиональные карьеры исследуемых нами представителей партийной элиты, мы выделили пять основных каналов рекрутирования. Стоит отметить, что большинство руководителей партийных отделений прошли через несколько профессий и должностей. Мы в свою очередь попытались определить наиболее результативный канал рекрутирования, который обеспечил успешное продвижение представителя партийной элиты на должность руководителя регионального отделения. Таким образом, типичными каналами рекрутирования региональной партий-

ной элиты КПрФ и «Справедливой России» являются партийные, административные,

силовые, общественные, а также бизнес структуры (См. Таб. 3).

Таблица 3

Каналы рекрутирования руководителей региональных отделений партий КПрФ и «Справедливая Россия», в %

Каналы рекрутирования	Руководители региональных отделений партии КПрФ	Руководители региональных отделений партии «Справедливая Россия»
Партийные структуры	50	23,5
Административные структуры	8,5	8,2
Силовые структуры	8,5	0
Общественные структуры	13	9,4
Бизнес-структуры	20	58,9

Table 3. Channels of recruitment the heads of regional branches of CPRF and «Just Russia», in %

К первому каналу рекрутирования относятся те персоны, основная деятельность которых связана с работой в политической партии. К этому типу в КПрФ относятся 50%, в «Справедливой России» – 23,5%. Данная группа неоднородна. Одна ее часть – это представители молодого поколения партийной элиты (15% у КПрФ и 6% у «Справедливой России»), которые вступили в партию (в случае с КПрФ в комсомольскую организацию) в период учебы в вузе, занимались активной партийной работой, как правило становились помощниками депутатов и впоследствии возглавили региональные представительства КПрФ и «Справедливой России». Наиболее типичными представителями данной группы являются Прусакова М.Н. (первый секретарь Алтайского крайкома КПрФ); Долгачев А.Н. (первый секретарь Приморского крайкома КПрФ); Бойков А.Д. (первый секретарь Ивановского обкома КПрФ); Ивачев А.Н. (первый секретарь Свердловского обкома КПрФ); Бочарников С.И. (руководитель Белгородского отделения «Справедливой России»); Лымпио А.М. (руководитель Красноярского отделения «Справедливой России»); Гребенщиков С.В. (руководитель Тульского отделения «Справедливой России»). Другая часть данной группы – это профессиональные партийные функционеры, которые имеют значительный опыт работы как в партии (более 20 лет), так и в законодательных органах власти всех уровней. В партии «Справедливая Россия» таких немного (16,5%), и

практически все они перешли в партию из других политических объединений, как например, Шеин О.В (глава Астраханского отделения «Справедливой России»), Хованская Г.П (руководитель Московского городского отделения «Справедливой России»). Зато в КПрФ 34% руководителей региональных отделений начали свой путь в партии еще с советского периода, вступив в ВЛКСМ, затем в КПСС и, наконец, в КПрФ.

Ко второму каналу рекрутирования относятся административные структуры (федерального, регионального, муниципального уровней власти), опыт работы в которых является серьезным политическим ресурсом и может быть основанием продвижения человека в партийной элите региона. Данный тип одинаково представлен в региональной элите КПрФ и «Справедливой России» и составляет всего 8,5%. Таким образом, административный ресурс не является ключевым при отборе кандидатов в партийную элиту. В то же время обе рассматриваемые нами партии являются оппозиционными, и, соответственно менее востребованными бюрократической элитой, представители которой закономерно делают выбор в пользу «Единой России».

Третий канал рекрутирования, который мы выделили – это силовые структуры, оказался второстепенным и малозначимым для региональной партийной элиты. Только 8% глав региональных отделений КПрФ мы можем отнести к данному типу. Это военные,

сотрудники МВД, а также ветераны боевых действий. В «Справедливой России» данный тип не представлен.

Четвертый канал – общественные структуры. К данному типу относятся учителя, преподаватели вузов, представители региональных некоммерческих организаций, юристы, чья социальная деятельность стала залогом успешной партийной карьеры. В составе элиты КПрФ таких 13%, у «Справедливой России» 9%.

Пятый канал рекрутирования – бизнес структуры, доминирует в партийной элите «Справедливой России» и составляет практически 59%. В КПрФ он представлен гораздо скромнее – 20%. Бизнес-структуры мы выделяли в качестве доминирующего канала рекрутирования, если представитель элиты занимал руководящие должности в коммерческих, финансовых структурах перед назначением руководителем отделения. В этом случае именно экономический ресурс, принадлежность элитной персоны к экономической группе интересов определяет ее восходящую партийную карьеру. В основном в партийной элите представлен крупный и среднем бизнесе региона, который заинтересован в представительстве своих интересов в законодательных органах власти. Отметим малую доступность информации о взаимосвязи представителей региональной партийной элиты с бизнес-структурами. Представители элиты могут формально проходить отбор по другим каналам рекрутирования (что мы и фиксировали), но при этом, оставаться связанными с бизнес-структурами, прежде всего, через членов своей семьи.

В настоящей статье мы провели сравнительный анализ социально-демографических характеристик и каналов рекрутирования действующих руководителей региональных отделений партий КПрФ и «Справедливая Россия» на декабрь 2020 г. Анализ социально-демографических характеристик показал различия в возрастных характеристиках представителей партийной элиты КПрФ и «Справедливой России». Региональная элита КПрФ значительно старше, чем представители «Справедливой России». Основная демо-

графическая группа элиты КПрФ – это люди старше 60 лет. В то же время как у «Справедливой России» такой группой являются люди от 40 до 50 лет. Вместе с тем у КПрФ в течение последних лет идет активный процесс омоложения региональной элиты, прежде всего, за счет собственных партийных кадров. В отличие от «Справедливой России», где система обновления элиты носит случайный и несистемный характер. Анализ характера образования показал, что среди элиты КПрФ доминирует техническое образование, в то время как у «Справедливой России» гуманитарно-педагогическое. В ходе исследования мы зафиксировали увеличение доли профессиональных юристов среди молодого поколения (25-40 лет) региональной элиты обеих партий. Изучение каналов рекрутирования партийной элиты левого спектра позволило выделить пять источников пополнения руководящих кадров. В КПрФ ключевым каналом рекрутирования являются собственные партийные структуры. Половина руководящего состава региональной элиты КПрФ была отобрана по итогам длительной партийной работы. Причем 45% руководителей отделений КПрФ старше 50 лет прошли элитный отбор еще в советской номенклатуре (для сравнения в «Справедливой России» таких всего 6%). Для партии «Справедливая Россия» доминирующим каналом рекрутирования является крупный и средний бизнес региона, 59% представителей элиты перед назначением занимали руководящие должности в коммерческих, финансовых структурах. Региональный бизнес использует партийный ресурс для представительства своих интересов в законодательных органах власти. Таким образом, в региональной элите КПрФ доминирует система внутреннего отбора, в то время как в «Справедливой России» преобладает внешнее рекрутирование. Вместе с тем, ограниченность информации об элитных персонах обеих партий не позволяет в полной мере проследить их взаимосвязь с бизнес структурами. Как показало исследование административные и силовые структуры являются второстепенными каналами отбора для обеих партий.

Литература:

Брутер В.И. Партии власти уходят? // Содружество НГ. 1999. Май. № 5. (17).

Быстрова А.С., Даугавет А.Б., Дука А.В., Колесник Н.В., Невский А.В., Тев Д.Б. Региональная политическая элита: бассейн рекрутирования и карьера // Власть и элиты. 2020. Т. 7. № 1. С. 76-122.

Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура. М.: ГУ ВШЭ. 2000. 608 с.

Коргунюк Ю.Г. Партийная система современной России: основной вектор развития // Актуальные проблемы Европы. 2018. № 2. С. 202-224.

Макаренко Б.И. Постсоветская партия власти: «Единая Россия» в сравнительном контексте // Полис. 2011. № 1. С. 42-65.

Михайлова О.В. Сетевая архитектура государственного управления: проблемы концептуализации и практики: дис. ... докт. политических наук. Москва: 2014.

Сморгунов Л.В. Сетевые политические партии // Полис. 2014. № 4. С. 21-37.

Dogan M. Is There a Ruling Class in France? // *Comparative Sociology*, 2003, Vol.2, № 1, pp. 117-189.

Putnam R.D. The Comparative Study of Political Elites. NJ: Prentice-Hall, 1976. 246 p.

Rhodes R., Marsh D. Policy Network in British Politics. A Critique of Existing Approaches // Policy Network in British Government. Oxford: Clarendon Press, 1992. 312 p.

References:

Bruter, V.I. Partii vlasti uhodjat? (Parties of Power are Leaving) // *Sodruzhestvo NG*. 1999, May, No. 5. (17).

Byistrova, A.S., Daugavet, A.B., Duka, A.V., Kolesnik, N.V., Nevskij, A.V., Tev, D.B. Regional'naja politicheskaja jelita: bassejn rekrutirovaniya i kar'era (Regional Political Elite: Careers and Pool of Recruitment) // *Vlast' i Elity*, 2020, Vol. 7, No. 1, pp. 76-122.

Castells, M. Informacionnaja jepoha: jekonomika, obshhestvo i kul'tura. (The Information Age: Economy, Society, and Culture). Moscow: GU VShJe. 2000. 608 p.

Korgunjuk, Ju.G. Partijnaja sistema sovremennoj Rossii: osnovnoj vektor razvitiya (Party System in Modern Russia: Main Vector of Development) // *Aktualnye problemy Evropy*, 2018, No. 2, pp. 202-224.

Makarenko, B.I. Postsovetskaja partija vlasti: «Edinaja Rossija» v sravnitel'nom kontekste (Post-soviet party of power: the «United Russia» in a comparative context) // *Polis*, 2011, No. 1, pp. 42-65.

Mihajlova, O.V. Setevaja arhitektura gosudarstvennogo upravljenja: problemy konceptualizacii i praktiki (Network Architecture of Public Administration Problems of Conceptualization and Practice) dis. ... dokt. politicheskikh nauk. Moscow: 2014. 303 p.

Smorgunov, L.V. Setevye politicheskie partii (Network Political Parties) // *Polis*, 2014, No. 4, pp. 21-37.

Dogan, M. Is There a Ruling Class in France? // *Comparative Sociology*, 2003, Vol. 2, pp. 117-89.

Putnam R.D. The Comparative Study of Political Elites. NJ: Prentice-Hall, 1976. 246 p.

Rhodes R., Marsh D. Policy Network in British Politics. A Critique of Existing Approaches // Policy Network in British Government. Oxford: Clarendon Press, 1992. 312 p.

DOI: 10.24411/2221-3279-2021-10018

COMPARATIVE ANALYSIS OF REGIONAL ELITE OF THE COMMUNIST PARTY AND «JUST RUSSIA»: SOCIAL CHARACTERISTICS AND CHANNELS OF RECRUITMENT

Anna G. Naronskaya

Ural Federal University,
Yekaterinburg, Russia

Article history: <i>Received:</i> 09.03.2021 <i>Accepted:</i> 16.04.2021	Abstract: The article presents a comparative analysis of the socio-demographic characteristics and recruitment channels of the regional political elite of CPRF and «Fair Russia». The study uses heads of regional party branches as a political elite group that holds key positions in party structure and selects candidates for all levels of elections. The empirical data includes 170 representatives of the party elite. The analysis showed differences in the age structure of the party elite. The largest demographic group of the Communist Party is people over 60 years old, in «Just Russia» the same group is between the ages of 40 and 50. During the last years, CPRF begun management reform and system renewal of staff policy by young party leaders, in contrast to «Just Russia» where the system of elite recruitment is rather random. The representation of women in the elite of both parties is insignificant and amounts to 9% in the Communist Party and 11% in the «Just Russia». The study traces an increase in the share of professional lawyers among the younger generation (25-40 years old) of regional elite in both parties. Finally, we have identified significant differences in the key recruitment channels of elite groups. About 50 per cent of persons from CPRF were appointed to the elite position because of their long and active party work. In «Just Russia», the key recruitment channel is large and medium-sized regional business.
About the author: Candidate of Political Sciences, Associate Professor, Department of Theory and History of International Relations, Department of International Relations, UrFU e-mail: a.g.naronskaia@urfu.ru	
Key words: Communist Party of Russia; «Just Russia»; regional elite; political party; channels of recruitment; social context	<i>Acknowledgements:</i> the research was carried out with the financial support of the Russian Foundation for Basic Research and the EISS, the scientific project No. 20-011-31049

Для цитирования: Наронская А.Г. Сравнительный анализ региональной элиты КПРФ и «Справедливой России»: социальные характеристики и каналы рекрутирования // *Сравнительная политика*. 2021. № 2. С. 55-64.
DOI: 10.24411/2221-3279-2021-10018

For citation: Naronskaya, Anna G. Sravnitel'nyy analiz regional'noy elity KPRF i «Spravedlivoy Rossii»: sotsial'nyye kharakteristiki i kanaly rekrutirovaniya (Comparative Analysis of Regional Elite of the Communist Party and «Just Russia»: Social Characteristics and Channels of Recruitment) // *Comparative Politics Russia*, 2021, No. 2, pp. 55-64.
DOI: 10.24411/2221-3279-2021-10018

ЗАЗЕРКАЛЬЕ ИЛИ МОЖНО ЛИ ПРЕОДОЛЕТЬ РЕВОЛЮЦИЮ?

*Обсуждаем книгу: Революция и ее преодоление:
очерки истории российской ментальности:
монография / Е.М. Кожокин.
М.: МГИМО-Университет, 2020. 270 с.*

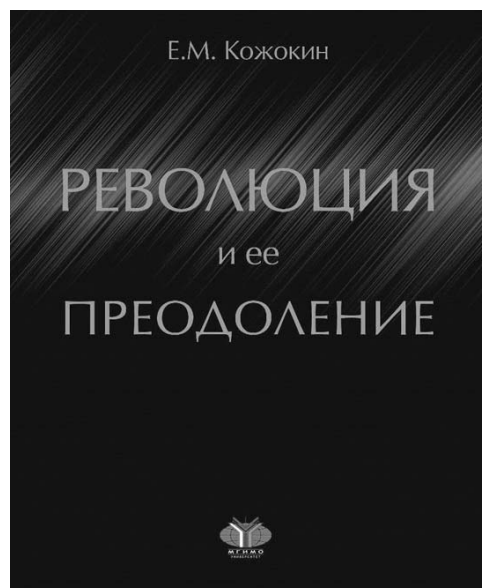
Мария Николаевна Моховикова

*Московский государственный лингвистический университет,
Фонд «Русский мир»,
Москва, Россия*

Информация о статье: <i>Поступила в редакцию:</i> 26 ноября 2020 <i>Принята к печати:</i> 6 февраля 2021	Аннотация: Обсуждая монографию «Революция и ее преодоление: очерки истории российской ментальности» д.и.н., профессора Е.М. Кожокина. Сборник из семи очерков, связанных одной сквозной темой формирования революционных идей в российском обществе, рассмотрен с позиции современного читателя.
Об авторе: к.полит.н., доцент кафедры теории регионоведения ИМОиСПН, МГЛУ; пресс-секретарь, Фонд «Русский мир» e-mail: mm-rs@yandex.ru	
Ключевые слова: революция; российская ментальность; сборник очерков; российская история	

Данная рецензия на книгу *Революция и ее преодоление: очерки истории российской ментальности*¹ – не анализ, не отзыв и даже не личное мнение. Это фантомное переосмысление прочитанного, сравнение несравнимого, сопоставление однозначного и, конечно, попытка посмотреть на сборник

¹ Революция и ее преодоление: очерки истории российской ментальности: монография / Е.М. Кожокин; Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации, кафедра международных отношений и внешней политики России. Москва: МГИМО-Университет, 2020. 270 с. [Revolyutsiya i yeye preodoleniye: ocherki istorii rossiyskoy mental'nosti (Revolution and Its Overcoming: Essays on the History of the Russian Mentality): monografiya, ed. by E.M. Kozhokin. Moscow: MGIMO University, 2020. 270 p.]

исторических очерков с позиции «теории времени и пространства».

Автор сборника очерков – Евгений Кожокин, политик, ученый, профессор, выпустивший ряд книг по истории России и Франции, – на этот раз обращается к противоречивой теме национальной ментальности. Через череду образов, казалось бы, не относящихся напрямую к выбранной теме выводится не просто стройная система, характеризующая генезис национального, конструируется система зеркал, в которые автор предлагает посмотреть современному читателю. При этом движение не должно быть стремительным, читать очерки надо не на бегу, несмотря на их лаконичную краткую форму и законченность каждого очерка отдельной темой. Напротив, автор помещает читателя в центре выстроенной им конструкции и предлагает медленно и досконально разобраться в истоках, людях, событиях и последствиях. Очерки изобилуют историческими деталями, фактами, реальными воспоминаниями действующих лиц. Монография состоит из семи самостоятельных очерков, охватывающих изменения в российской ментальности за три века российской истории.

Вокруг читателя, который по замыслу автора является фокусом, по спирали разворачиваются исторические события, в зеркалах читатель видит себя то в покоях Императрицы, обсуждающей угрозу Французской революции для Российской Империи, то становится участником завоевания Средней Азии во второй половине XIX века, и решает проблемы взаимоотношений с местным населением, то идет вместе с Гапоном в процессии рабочих к Нарвской заставе 9 января.

Читатель становится россиянином разных сословий, в зависимости от очерка автор предлагает сопоставить свои позиции, взгляды, мироощущения к происходящему с тем, что думали, делали и как понимали происходящее современники событий. Властьдержащие и трудящиеся не противопоставлены друг другу у автора в привычном смысле – да, они стоят на своих диаметральных позициях, но при этом с каждой страницей есть усиливающееся ощущение неизбежного

сплавления и объединяющего стороны в надвигающейся буре. Ускорение событий, а автор намеренно сокращает временные промежутки между описываемыми событиями, вовлекает пространство отражений в своего рода калейдоскоп, в котором читатель видит уже события настоящего, своих современников, новые площади, новые символы, новых лидеров.

Связующей темой из очерка в очерк проходит тема власти и общества, идей национального согласия и вооруженной борьбы, тема революции. Сам автор так говорит о своей книге: «Тема революции с конца XVIII века, с эпохи Великой французской революции, вошла в постоянный умственный обиход образованных людей России. Революцию осуждали, проклинали, изучали. Немногие становились сторонниками этого метода изменения общественных реалий. Но опоздание с реформами, их выхолащивание, в итоге — ощущение неизменности самодержавных порядков приводило к росту сторонников революции. Российская империя являла собой уникальный государственный механизм, в котором сочетались толерантность и насилие, уважение к иным конфессиям и культурам и стремление к единообразию. Но ее ослабление неизменно провоцировало выступления еще недавно, казалось бы, совершенно лояльных подданных российского императора. Монархизм в России облекался в совершенно различные формы: от лояльности по отношению к самодержцу до служения императору, почти смирившемуся с существованием Думы, от поклонения вождю мирового пролетариата в лице Сталина до недоуменного признания, что президент страны Б.Н. Ельцин — “царь”...».

В то же время в книге выявляется генезис идеологических конструкций, подрывавших основы как имперских, так и русских, национальных ценностей. Рассмотрение на историческом материале, преимущественно XIX–XX веков, идейных течений, представлявших угрозу для сохранения и развития российской политической идентичности, позволило выявить устойчивость тех идейных парадигм, которые характерны для российской ментальности, которые меняют форму,

но сохраняют сущностные характеристики и по-прежнему могут спровоцировать глубокий общенациональный кризис».

Описание и анализ революции через мысли и действия известных и менее известных людей России, через их искания, удачи, поражения – прием не новый. Но в данном случае автору удается перенести читателя в реальные события прошлого, а отражение событий прошлого переносится к нам в настоящее.

Направление и энергия очередного временного поворота событий прежде всего подталкивают читателя к кристаллизации образов и сравнениям в идейной истории России. Сравнения с первых страниц книги хоть и явные, но лишённые догматизма. Читатель как бы сам вспоминает противостояние «западников и славянофилов», ощущает постоянное и не редко болезненное сопоставление – как у них и как у нас, как в Европе, на Западе, в Америке... и как у нас в Московском царстве, в Российской империи, в СССР, в России... Проекция этой дихотомии отражается и на философии восприятия преобразований, отношении к государственным реформам, в конце концов к революции.

Автор книги рассматривает историю того, как пытались одним революционным рывком сравняться с многовековым конкурентом и в то же время предметом для подражания. Начинает он эту историю с времен Великой французской революции, с того, как разделилось российское дворянское общество на исключительно малое меньшинство симпатизировавших революции или хотя бы стремившихся понять ее смысл и на подавляющее большинство отвергавших, проклинавших и осуждавших деяния французской нации. После войны 1812 года меньшинство возросло количественно, но, главное, решило осуществить в России революционный переворот. Автор книги при этом первым из всех исследовавших революционное движение в России обращает внимание на скрытую личную мотивацию, во всяком случае, части революционеров, возможность через революцию обрести власть для себя лично. «Мы все глядим в Наполеоны...» расшифровывает он знаменитые пушкинские стро-

ки по отношению к декабристам и многим из их последователей.

Запад как идеал, как точка отсчета – эта тема пунктиром проходит через всю книгу Евгения Кожокина: от рассуждений Павла Пестеля, говорившим на следствии: «... большая часть коренных постановлений, введенных Революцией, были при Реставрации монархии сохранены и за благие вещи признаны... От сего суждения родилась мысль, что Революция, видно, не так дурна, как говорят, и что может даже быть весьма полезна, в какой мысли я укреплялся тем другим ещё суждением, что те государства, в коих не было Революции, продолжали быть лишёнными подобных преимуществ и учреждений»² до А.И. Солженицына, яростно отвергавшего присущий оппозиционно настроенной советской интеллигенции неокадетизм с его оглядкой на либеральные западные ценности.

Еще одна тема, связанная с методом сравнительного анализа, значимо звучит в книге – это тема *империи*. Какого типа империей являлась Россия с XVIII века вплоть до революций 1917 года? При рассмотрении вопроса об имперском прошлом России традиционно исследователи ограничиваются сравнением с Британской империей, гораздо реже с Французской колониальной империей, еще реже с такими империями как Османская или Габсбургов. Евгений Кожокин этот ряд продолжает за счет Цинской империи (Китая), Империи Моголов (Индии), Речи Посполитой, Швеции и совсем уж неожиданно он ставит в этот сравнительный ряд Соединенные Штаты Америки. С его точки зрения своевременные военные и административные реформы в Российской империи конца XVII–XVIII вв. обусловили создание эффективного государственного аппарата в отличие от Речи Посполитой, Империи Моголов, Китая и Османской империи. Неразрывно с понятием империи стоит вопрос колониализма, по настоящее время особенно остро стоящий при переосмыслении исторических этапов завоевания

² Восстание декабристов. Материалы. М., Л., 1927. 1927. Т. IV. с. 89-92, 105. Режим доступа: <https://search.rsl.ru/ru/record/01000849420>

Средней Азии. Автор настаивает, что хотя в России понятие колония использовалось, в него вкладывалось совсем иное содержание, чем в Великобритании того времени или во Франции.

Настаивая на не колониальном характере отношений центра с окраинами в Российской империи, автор в определенной степени впадает в противоречие со своими же утверждениями о постоянной оглядке на Запад российских интеллигенции и бюрократии. Осмысление российских реалий и в этой сфере осуществлялось в значительной степени через призму концепций, разработанных в Европе. Достаточно вспомнить знаменитую книгу Н. Ядринцева «Сибирь как колония»³. Другое дело, и в этом автор прав: реальная практика управления, отношение к инородцам и иноверам российского правительства и правительств западных стран, включая США, разительным образом отличались.

Как мы видим, масса сравнений в сборнике отталкивается и от исторической ретроспективы, и от позиций миросистемного анализа, и от мысленного эксперимента автора.

Книгу, безусловно, можно рекомендовать к прочтению. Она может быть интересна как студентам и аспирантам, специализирующимся в исторической социологии, так и самому широкому кругу читателей, ищущим ответы «как продолжать свой личный интеллектуальный проект в условиях сжимавшегося пространства клетки предписанного существования»⁴. В заключении можно сделать только один вывод: разобраться в ходе времени, в сущности процессов, и дать ответ на вопрос, вынесенный в заголовок, может только смотрящий в зеркало.

Литература:

Революция и ее преодоление: очерки истории российской ментальности: монография / Е.М. Кожокин; Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации, кафедра международных отношений и внешней политики России. Москва: МГИМО-Университет, 2020. 270 с.

References:

Revolutsiya i yeye preodoleniye: ocherki istorii rossiyskoy mental'nosti (Revolution and Its Overcoming: Essays on the History of the Russian Mentality): monografiya, ed. by E.M. Kozhokin. Moscow: MGIMO University, 2020. 270 p.

³ Ядринцев Н.М. Сочинения: Т. 1. Сибирь как колония: Современное положение Сибири. Ее нужды и потребности. Ее прошлое и будущее. Тюмень: Издательство Ю. Мандрики, 2000.

⁴ Так автор монографии писал в своей книге о М.Я. Гефтере.

DOI: 10.24411/2221-3279-2021-10019

THROUGH THE LOOKING GLASS
OR CAN THE REVOLUTION BE OVERCOME?

*Discussing the book: Revolution and Its Overcoming:
Essays on the History of the Russian Mentality:
monograph by E.M. Kozhokin.
Moscow: MGIMO-University, 2020. 270 p.
(in Russian)*

Maria N. Mokhovikova

*Moscow State Linguistic University, Russkiy Mir Foundation,
Moscow, Russia*

Article history: <i>Received:</i> 26.11.2020 <i>Accepted:</i> 06.02.2021	Abstract: Discussing the monograph “Revolution and Its Overcoming: Essays on the History of the Russian Mentality” by Doctor of History, Professor E.M. Kozhokin. The collection of seven essays related to one cross-cutting theme of the formation of revolutionary ideas in Russian society is considered from the perspective of a modern reader.
About the author: Candidate of Political Science, Associate Professor, Department of Theory of Regional Studies, Moscow State Linguistic University; Press Secretary, Russkiy Mir Foundation e-mail: mm-rs@yandex.ru	
Key words: revolution; Russian mentality; collection of essays; Russian history	

Для цитирования: Моховикова М.Н. Зазеркалье или можно ли преодолеть революцию? // Сравнительная политика. 2021. № 2. С. 65-69.

DOI: 10.24411/2221-3279-2021-10019

For citation: Mokhovikova, Maria N. Zazerkal'ye ili mozhno li preodolet' revolyutsiyu? (Through the Looking Glass or Can the Revolution Be Overcome?) // Comparative Politics Russia, 2021, No. 2, pp. 65-69.

DOI: 10.24411/2221-3279-2021-10019

DOI: 10.24411/2221-3279-2021-10020

РОССИЙСКАЯ ПЕНСИОННАЯ РЕФОРМА В КОНТЕКСТЕ ГЕНДЕРНОГО РАВЕНСТВА

Марианна Артемовна Александрова

Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого (НовГУ),
Великий Новгород, Россия

Информация о статье: <i>Поступила в редакцию:</i> 20 сентября 2020 <i>Принята к печати:</i> 1 марта 2021	Аннотация: Статья посвящена гендерному аспекту пенсионной реформы в Российской Федерации. Несправедливость более позднего выхода мужчин на пенсию по сравнению с женщинами как таковая усиливается значительно более низкой средней продолжительностью жизни российских мужчин по сравнению с женщинами. При этом в последние десятилетия мировой опыт представляет тенденцию к уравниванию возраста для выхода на пенсию для мужчин и женщин. В России же законодателем не было даже учтено ни резко негативное общественное мнение по вопросу повышения пенсионного возраста, ни низкая средняя продолжительность жизни в России по сравнению с развитыми странами, в соответствии с опытом которых возраст выхода на пенсию по старости в 2018 г. было принято решение поэтапно увеличить до 65 лет для мужчин и 60 лет для женщин. Автором приведена статистика по средней продолжительности жизни в России, в т.ч. мужчин в различных субъектах Российской Федерации, рассмотрена история проблемы, приведена мировая практика в вопросе пенсионной реформы последних десятилетий, а также дан анализ норм международного права и правовых позиций Конституционного Суда Российской Федерации по вопросу возможного нарушения гендерного равенства при выходе на пенсию мужчин на 5 лет позже женщин. <i>Статья подготовлена в рамках гранта по европейскому проекту Erasmus+ ACTIVE CITIZENSHIP THROUGH EDUCATION 2019-1-IT02-KA204-063152 Erasmus+ project.</i>
Об авторе: доцент, кафедра уголовного процесса и криминалистики, НовГУ e-mail: alexandrovamarianna@mail.ru	
Ключевые слова: пенсионная реформа; гендерное равенство; мировой опыт; решения Конституционного Суда Российской Федерации	

Федеральным законом от 3 октября 2018 г. № 350-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам назначения и выплаты пенсий» общеустановленный возраст, дающий право на назначение страховой пенсии по старости, к 2023 г. будет поэтапно увеличен на пять лет и у мужчин, и у женщин, составив по общему правилу соответственно 65 и 60 лет.

Принятию данных изменений в пенсионное законодательство предшествовал достаточно долгий период обсуждений необходимости пенсионной реформы. В 2005 г. в ходе «Прямой линии» Президент России заявил, что категорически против повышения пенсионного возраста: «... И пока я – Президент, такого решения принято не будет»¹. Но

¹ Прямая линия Президента России (Television question-and-answer session with the President of Russia). Режим доступа: <https://www.youtube.com/watch?v=-EOdtvgBtlw>

14 июня 2018 г. за 3 часа до начала Чемпионата мира по футболу в России Председатель Правительства России Дмитрий Медведев объявил на заседании Правительства России о начале пенсионной реформы². 16 июня 2018 г. Распоряжением Правительства России в Государственную Думу России был внесен законопроект о пенсионной реформе, которым было предусмотрено поэтапное повышение возраста выхода на пенсию у мужчин на пять лет, у женщин на восемь лет³. Через две недели Всероссийский центр

² Трансляция заседания Правительства Российской Федерации (Broadcast of the meeting of the Government of the Russian Federation). Режим доступа: <https://www.rbc.ru/society/14/06/2018/5b2238729a79474acdaffb6>

³ Проект Федерального закона № 489161-7 «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам назначения и выплаты пенсий» (Draft Federal Law No. 489161-7 «On Amendments

изучения общественного мнения (ВЦИОМ) зарегистрировал резкое снижение рейтинга доверия и одобрения деятельности и Председателя Правительства России, и Президента России⁴.

Главным оказался даже не сам вопрос повышения возраста для выхода на пенсию, а то, что, с одной стороны, для женщин этот возраст было предложено повысить на три года больше, чем мужчинам, с другой стороны, сохранилась дискриминационная норма о более позднем выходе мужчин на пенсию. Тогда же в средствах массовой информации и научной литературе стала активно анализироваться мировая практика по данному вопросу⁵.

to Certain Legislative Acts of the Russian Federation on the Issues of Appointment and Payment of Pensions»). Режим доступа: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=PRJ;n=172831#034522012065810315>

⁴ Рейтинги одобрения работы государственных институтов, доверия политикам, рейтинги партий (Ratings of approval of the work of state institutions, trust in politicians, party ratings). Режим доступа: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=9185>

⁵ См., напр.: Ефимова Н.А. К вопросу о повышении пенсионного возраста: общемировые тенденции // *Хроноэкономика*. 2018. № 2 (10). С. 17-22. [Efimova, N.A. K voprosu o povyshenii pensionnogo vozrasta: obshchemirovyie tendentsii (On the Issue of Raising the Retirement Age: Global Trends) // *Khronoekonomika*, 2018, No. 2 (10), pp. 17-22.]; Avtsinova, G., Lyapunova, N., Rudnitskaya A. Pension System in Russia: Prerequisites, Social Needs, State Regulation, Problems of Implementation // *Economic and Social Development. Book of Proceedings*. Editors: Aleksander Maloletko, Natasa Rupcic, Zoltan Baracskaei, 2018. P. 389-394; Сидоренко Ю.А. Дискуссионный характер повышения пенсионного возраста в Российской Федерации // *Финансовая экономика*. 2020. № 1. С. 379-384. [Sidorenko, Iu.A. Diskussionnyi kharakter povysheniia pensionnogo vozrasta v Rossiiskoi Federatsii (The Controversial Nature of Raising the Retirement Age in the Russian Federation) // *Finansovaia ekonomika*, 2020, No. 1, pp. 379-384.]; Фомичев М.Н. Пенсионная реформа в контексте социальной справедливости: мировой опыт // *Евразийский юридический журнал*. 2020. № 1 (140). С. 212-215. [Fomichev, M.N. Pensionnaia reforma v kontekste sotsial'noi spravedlivosti: mirovoi opyt (Pension

Проблема гендерного неравенства в российском законодательстве поднимается учеными давно и в отношении норм различных отраслей права, преимущественно трудового права⁶, но впервые эта проблема коснулась практически всех россиян.

Причины пенсионной реформы были обоснованы, в первую очередь, тем, что Президентом России была поставлена задача повысить размер пенсий. При этом учитывалось и то, что за последние десятилетия, с одной стороны, резко увеличилась средняя продолжительность жизни граждан, с другой стороны, количество работающих из года в год снижалось по отношению к общему числу населения. Также имел место анализ мировой практики выхода на пенсию – в России возраст выхода на пенсию был одним из самых низких в сравнении с развитыми странами.

29 августа 2018 г. Президент России, Владимир Путин по итогам рассмотрения в первом чтении законопроекта о повышении пенсионного возраста отметил, что «за последние 15 лет продолжительность жизни граждан России повысилась на 8 лет, ... поставлена цель выйти к следующему десятилетию к продолжительности жизни более 80 лет». Особый акцент им был сделан на «особенное, бережное» отношение к женщинам в России: «Мы понимаем, что они трудятся не только по основному месту работы – на них, как правило, весь дом, забота о семье, воспитании детей, хлопоты о внуках. Пенсионный возраст женщин не должен повышаться больше, чем у мужчин». Как следствие, им было предложено уменьшить повышение пенсионного возраста женщин с восьми до пяти лет, как и у мужчин, а также предусмотреть право досрочного выхода на

Reform in the Context of Social Justice: World Experience) // *Evraziiskii iuridicheskii zhurnal*, 2020, No. 1 (140), pp. 212-215.]

⁶ См., напр.: Aleksandrova, M.A. Ban on Profession for Women in Russia // *The European Proceedings of Social & Behavioural Sciences*, 2019. P. 383-390; Kapoor, N. Women in the Duma: Why Post-soviet Russia Has Low Female Representation? // *Сравнительная политика*, 2016, Vol. 7, No. 2, pp. 59-72.

пенсию многодетным матерям⁷, что и было закреплено законодателем в вышеуказанном Федеральном законе № 350-ФЗ от 3 октября 2018 г.

Гендерное равенство в контексте проводимой пенсионной реформы было заключено не в едином для всех россиян возрасте выхода на пенсию, а в равном повышении возраста выхода на пенсию.

Тем не менее, вопрос о том, должен ли отличаться возраст выхода на пенсию для мужчин и женщин, продолжал стоять перед политиками, экономистами, юристами и простыми гражданами. Если да, то чем это обосновано? Насколько это справедливо в отношении мужчин? На сколько это актуально в современном мире?

Российское пенсионное законодательство определяло пенсионный возраст граждан в зависимости от половой принадлежности со дня создания института пенсионного обеспечения по старости – пенсионный возраст для мужчин с 60 лет, для женщин с 55 лет был установлен Постановлением Союзного совета социального страхования при Народном комиссариате труда СССР № 5 от 05 января 1928 г. Определяя возрастную дифференциацию, в расчет брали осуществление женщиной функции деторождения и воспитания. Кроме того, именно женщины традиционно оказывали помощь своим детям в уходе и воспитании внуков: молодые мамы могли раньше выйти на работу даже при часто болеющем ребенке, реже пользоваться предоставляемой гарантией по выплате пособия по временной нетрудоспособности в связи с болезнью своих детей. Бабушками становились достаточно рано; в семьях обычно было несколько детей, соответственно, много внуков. Особенно ощутима стала помощь бабушек в связи с тем, что после 1917 г. женщины в своем большинстве работали, чаще стали жить отдельно от родительской семьи, в т.ч. массово переезжая из деревень в города. Т.е. женщины, становясь пенсионерами ранее

мужчин, продолжали активно выполнять социально-значимую функцию помощи в воспитании внуков, что непосредственным образом вносило существенный вклад в развитие пенсионной системы за счет работы женщин детородного возраста.

Когда в начале 2000-х годов активно стала обсуждаться проблема невозможности сохранения на перспективу существующего возрастного ценза для выхода на пенсию, самым логичным выходом становился, в первую очередь, вариант повышения пенсионного возраста для женщин до 60 лет. Но возможно ли было повышать пенсионный возраст и для мужчин? Было ли это справедливо?

В 2018 году средняя продолжительность жизни в России составляла 72,91 года: у мужчин – 67,75 лет, у женщин – 77,82 года⁸. Мужчины-пенсионеры успевали «заслуженно отдохнуть» в среднем 7,75 лет, тогда как женщины – 22,82 года. Право на отдых и пенсионное обеспечение в связи с невозможностью продолжать полноценно работать по целому ряду естественных физиологических изменений в организме должно возникать не позднее наступления старости, поэтому этот вид пенсии и называется «страховая пенсия по старости»⁹. Конечно, время наступления старости условно и зависит напрямую от продолжительности жизни. В немедицинской российской научной литературе, посвященной современной пенсионной реформе, под старостью некоторыми авторами вне зависимости от пола понимается возраст старше 65 лет¹⁰, что с учетом про-

⁷ Телевизионное обращение Президента России к гражданам 29 августа 2018 г. (Television address of the President of Russia to citizens on August 29, 2018.) Режим доступа: <https://iz.ru/783061/video/obrashchenie-putina>

⁸ Продолжительность жизни в России (Life expectancy in Russia). Режим доступа: https://guxpert.ru/Статистика:Продолжительность_жизни_в_России

⁹ Ч. 1 ст. 8 Федерального закона от 28 декабря 2013 г. № 400-ФЗ «О страховых пенсиях». [Ch. 1 st. 8 Federal'nogo zakona ot 28 dekabria 2013 g. № 400-FZ «O strakhovykh pensiiakh» (Part 1 of article 8 of Federal Law No. 400-FZ of December 28, 2013 «On Insurance Pensions»)].

¹⁰ См., напр.: Доброхлеб В.Г. Социальные вызовы новой пенсионной реформы в условиях современной демографической ситуации в России // Уровень жизни населения регионов России. № 1 (211). 2019. С. 61. [Dobrokhleb, V.G.

должительности жизни, особенно мужчин, вызывает вопросы, поскольку наступление старости не предполагает смерть в течении нескольких последующих лет. В медицине «мужчин и женщин в возрасте от 55-60 до 75 лет считают пожилыми, с 75 лет – старыми, с 90 лет – долгожителями. Предполагается, что видовая продолжительность жизни человека равна 92-95 годам»¹¹. То есть из расчета продолжительности жизни в 92-95 лет старость длится 18-20 лет, около 20% жизни. Исходя из данного расчета, на 2018 г. либо старость у российских мужчин, на взгляд законодателей, должна была составлять лишь 11,44% средней продолжительности их жизни, либо установленный 60-летний ценз для выхода мужчин на пенсию уже был несправедливым по отношению к ним, не живущим достаточно долго, чтобы, свою старость прожить в полном объеме в статусе пенсионеров. Отметим, что, исходя из этих же расчетов женщины, учитывая их среднюю продолжительность жизни в 2018 году, всю свою старость и даже более – 22,82 года – проживали, будучи пенсионерами, т.е. имели возможность не работать, имея финансовые средства для жизни в виде пенсии.

Несмотря на природный половой дисбаланс в средней продолжительности жизни и уже существовавшую законодательную дискриминацию мужчин в вопросе выхода на пенсию, законодатель, увеличивая на 5 лет возраст выхода мужчин на пенсию по старости, еще более дискриминировал их, хотя и обосновывалось это решение в т.ч. и увеличением прогнозируемой средней продолжительности жизни в России.

Пенсионный возраст в соответствии с пенсионной реформой должен быть увеличен к 2023 году, в котором ожидаемая средняя продолжительность жизни мужчин со-

ставит 70,32 года¹², т.е. ожидаемая средняя продолжительность жизни мужчин после выхода на пенсию составит немногим более 5 лет (7,6% жизни) – на треть менее, чем в 2018 г. т.е. большую часть своей старости мужчины будут вынуждены работать, что, несомненно, не приведет в реальности к ожидаемому повышению продолжительности жизни российских мужчин. Заметим, что средняя продолжительность здоровой жизни россиян уже сегодня на 9-10 лет короче, чем в развитых странах: 57,7 лет у мужчин и 66 лет у женщин¹³. При этом, согласно демографическому прогнозу Федеральной службы государственной статистики, даже в 2035 г.¹⁴, ежегодно повышаясь, ожидаемая средняя продолжительность жизни мужчин после выхода на пенсию достигнет лишь 10,18 лет – 13,54% жизни.

К сожалению, в средствах массовой информации, а в последствии и в научной литературе в последние годы стало активно использоваться совершенно уничижительное для пенсионеров словосочетание «возраст дожития»¹⁵, которого нет ни в одном рос-

¹² См.: Ожидаемая продолжительность жизни при рождении (Life expectancy at birth). Режим доступа: <https://rosstat.gov.ru/folder/12781>

¹³ Горбачева А. Население России стареет быстрее, чем в среднем в мире // Независимая газета. 2019. 19 марта. [Gorbacheva, A. Naselenie Rossii stareet bystree, chem v srednem v mire (Russia's Population is Aging Faster than the Global Average) // *Nezavisimaya gazeta*, 2019, March 19.]

¹⁴ См.: Ожидаемая продолжительность жизни при рождении (Life expectancy at birth). Режим доступа: <https://rosstat.gov.ru/folder/12781>

¹⁵ Средний возраст жизни человека со дня выхода на пенсию до смерти. См., например: Доброхлеб В.Г. Социальные вызовы новой пенсионной реформы в условиях современной демографической ситуации в России // *Уровень жизни населения регионов России*. 2019. № 1 (211). С. 63. [Dobrokhleb, V.G. Sotsial'nye vyzovy novoi pensionnoi reformy v usloviakh sovremennoi demograficheskoi situatsii v Rossii (Social Challenges of the New Pension Reform in the Current Demographic Situation in Russia) // *Uroven' zhizni naseleniia regionov Rossii*, 2019, No. 1 (211), p. 63.]; Реутов Е.Б. Аргументы и контраргументы пенсионной реформы в России // В сборнике: Развитие политических институтов и процессов: зарубежный и отече-

Sotsial'nye vyzovy novoi pensionnoi reformy v usloviakh sovremennoi demograficheskoi situatsii v Rossii (Social Challenges of the New Pension Reform in the Current Demographic Situation in Russia) // *Uroven' zhizni naseleniia regionov Rossii*, 2019, No. 1 (211), p. 61.]

¹¹ Старость. Старение (Old age. Aging). Режим доступа: https://gufo.me/dict/medical-encyclopedia/Старость_Старение

сийском нормативном правовом акте. Пожилые люди тем самым представляются не ценными членами общества с уникальным жизненным опытом, а «отработанным материалом», доживающим свой век, обузой. Законодатель же эту ситуацию усугубил, уменьшив этот срок на 5 лет.

Необходимо отметить также, что, несмотря на то, во всем мире мальчиков рождается больше, чем девочек, в России к 40 годам эта разница нивелируется, после чего стремительно увеличивается в пользу женщин¹⁶. С 2004 г. по 2019 г. мужчин в России было 46 % – меньше, чем женщин примерно на 10 000 000¹⁷. С 1926 г. это процентное соотношение кардинально не изменялось, не считая послевоенного времени¹⁸. При этом в возрасте 60–69 лет женщин в полтора раза больше, чем мужчин, в возрасте старше 70 лет – в два с половиной раза¹⁹. В этом ракурсе именно к мужчинам необходимо со стороны государства «особенное, бережное» отношение.

Если же посмотреть на статистику по субъектам Российской Федерации, то картина становится еще более удручающей в связи с тем, что во многих из них средняя продолжительность жизни мужчин даже не достигает 65 лет. На 2018 г. это: Пермский край (64,97 л.), Красноярский край (64,94 г.), Республика Карелия (64,77 г.), Приморский край (65,52 г.), Тверская область (64,73 г.),

Новгородская область (64,34 г.), Хабаровский край (64,75 г.), Псковская область (64,23 г.), Камчатский край (64,91 г.), Сахалинская область (64,64 г.), Магаданская область (64,05 г.), Кемеровская область (63,66 г.), Иркутская область (63,32 г.), Амурская область (64,06 г.), Забайкальский край (63,78 г.), Еврейская автономная область (63,36 г.), Республика Тыва (61,40 г.), Чукотский автономный округ (59,22 г.) – 18 субъектов Российской Федерации²⁰. Предусмотренный федеральным законом переходный период в три года – очень краткосрочный – не может сильно изменить ситуацию.

Конечно, для многих мужчин выход на пенсию – лишение возможности зарабатывать достойно, общаться с привычным для себя коллективом, в котором у них есть авторитет, потеря определенной власти – стресс, который не всем удастся пережить без серьезных последствий для здоровья. Поэтому мужчины, которые имеют физическую возможность работать и желание, продолжают это делать на прежних должностях или в иных сферах и после выхода не пенсию. Но не все мужчины после 60 лет могут полноценно работать, достойно обеспечивая себя и свою семью. А переход на более щадящую или менее квалифицированную работу без «подушки безопасности» в виде пенсии не обеспечит прежнего уровня жизни, что стимулирует еще больший стресс у мужчин, традиционно в российском обществе, особенно среди старшего поколения, воспринимаемых «добытчиками». Психологически еще сложнее мужчинам в этом случае будет оказаться на содержании жены, уже пенсионера, несмотря на обычно младший ее возраст.

Ст. 7 Конституции России декларирует, что Россия является «социальным государством, политика которого направлена на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека». Может ли человек вне зависимости от пола достойно жить, будучи вынужденным полноценно работать за пять лет до своей смерти? Заместитель управляющего Отде-

ственный опыт. материалы X Всероссийской научно-практической конференции. 2019. С. 173. [Reutov, E. V. Argumenty i kontrargumenty pensionnoi reformy v Rossii (Arguments and Counter-arguments of the Pension Reform in Russia) // *Razvitie politicheskikh institutov i protsessov: zarubezhnyi i otechestvennyi opyt. Materialy X Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii*, 2019. P. 173.]

¹⁶ Число женщин на 1 000 мужчин соответствующей возрастной группы (Number of women per 1,000 men in the corresponding age group). Режим доступа: <https://rosstat.gov.ru/folder/12781>

¹⁷ Численность мужчин и женщин (The number of men and women). Режим доступа: <https://rosstat.gov.ru/folder/12781>

¹⁸ Ibid.

¹⁹ Число женщин на 1 000 мужчин соответствующей возрастной группы (Number of women per 1 000 men in the corresponding age group). Режим доступа: <https://rosstat.gov.ru/folder/12781>

²⁰ Ожидаемая продолжительность при рождении (Life expectancy at birth). Режим доступа: <https://www.fedstat.ru/organizations/#>

лением Пенсионного фонда Российской Федерации по Республике Татарстан, С.Е. Шашуров, анализируя статистические данные, отметил, что в силу соотношения среднего страхового стажа российских женщин и их средней продолжительности жизни после выхода на пенсию, приближающегося к 1 к 1, повышение пенсионного возраста обосновано, т.к. «зарубежные страны стараются выдерживать формулу 2 года стажа равны 1 году пенсии»²¹. Но какого же соотношение этих показателей у российских мужчин? Если прогнозируемая средняя продолжительность жизни мужчин в России к 2023 г. после выхода на пенсию будет составлять 5,32 г., то исходя из данной логики и «золотых зарубежных стандартов», пенсия ими была заработана уже через 10,64 г. трудового стажа. Как же оставшиеся 30-35 лет честного труда и оплачиваемых налогов? Даже минимальные 15 лет страхового стажа, необходимые для назначения страховой пенсии по старости, предусмотренные ФЗ «О страховых пенсиях», превышают значительно этот срок²².

Тенденция к более долгой жизни женщин наблюдается во всем мире, что, согласно данным, приведенным в 2019 г. Всемирной организацией здравоохранения, связано

с традиционно большей заботой женщин о своем здоровье, меньшим употреблением алкоголя, меньшими рисками, связанными с профессиональной деятельностью, меньшей смертностью от неестественных причин (самоубийств, дорожно-транспортных происшествий, преступлений)²³. Незначительный разрыв в средней продолжительности жизни мужчин и женщин регистрируется в государствах с низкими доходами населения и низкой доступностью качественной медицинской помощи в них, что в свою очередь связано с высокой смертностью женщин во время беременности и родов: 1 из 41 против 1 из 3 300 женщин в развитых странах²⁴.

Конвенцией Международной организации труда № 102 «О минимальных нормах социального обеспечения» от 28 июня 1952 г., ратифицированной Россией в 2018 г., предусмотрена необходимость обеспечить граждан по старости не позднее, чем после достижения ими 65 лет или такого возраста, который может быть определен компетентными органами с должным учетом работоспособности пожилых лиц в конкретной стране.

В связи с тем, что с 2000 по 2016 г. ожидаемая продолжительность жизни в мире увеличилась по данным ВОЗ²⁵ на 5,5 лет, последовала и пенсионная реформа во многих странах мира с тенденцией не только увеличения возраста, с которого человек приобретает право на пенсионные выплаты, но и уравнивания этого возраста для мужчин и женщин. Так, например, к 2037 г. в Великобритании пенсионный возраст и мужчин, и женщин будет повышен с 60 до 68 лет. В Германии до 2029 г. пенсионный возраст также будет повышен для обоих полов с 65 до 67 лет; в Австрии для обоих полов к 2034 г. – до 65 лет, в Японии для обоих полов к 2025 г. – до 65 лет²⁶. При этом в целом

²¹ Шашуров С.Е. Пенсионная реформа: предпосылки и внедрение изменений в пенсионное законодательство // В сборнике: Социальная среда и социальная политика: новые подходы и инновационные технологии. Материалы Международной научно-практической конференции. Сер. «Демография. Социология. Экономика». Под ред. Рязанцева С.В., Ростовской Т.К., Саралиевой З.Х., 2019. С. 71-74. [Shashurov, S.E. Pensionnaia reforma: predposylki i vnedrenie izmenenii v pensionnoe zakonodatel'stvo (Pension Reform: Prerequisites and Implementation of Changes in Pension Legislation) // Sotsial'naia sreda i sotsial'naia politika: novye podkhody i innovatsionnye tekhnologii. Materialy Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii. Ser. «Demografiia. Sotsiologiya. Ekonomika» Pod red. Riazantseva S.V., Rostovskoi T.K., Saralievoy Z.Kh., 2019. Pp. 71-74.]

²² Ч. 2 ст. 8 Федерального закона от 28 декабря 2013 г. № 400-ФЗ «О страховых пенсиях». [Ch. 2 st. 8 Federal'nogo zakona ot 28 dekabria 2013 g. № 400-FZ «O strakhovykh pensiiakh» (Part 2 of article 8 of Federal Law No. 400-FZ of December 28, 2013 «On Insurance Pensions»)].

²³ Uneven access to health services drives life expectancy gaps: WHO. Mode of access: <https://www.who.int/news-room/detail/04-04-2019-uneven-access-to-health-services-drives-life-expectancy-gaps-who>

²⁴ Ibid.

²⁵ Ibid.

²⁶ Кулькова И.А. О возможности использования зарубежного опыта в исследовании влияния

ряде стран мира пенсионные реформы с соблюдением принципа гендерного равенства уже проведены, например, в Австралии, Армении, Венгрии, Греции, Дании, Индии, Ирландии, Исландии, Испании, Канаде, Кипре, Латвии, Люксембурге, Норвегии, США, Финляндии, Франции, Чехии, Швеции, Южной Африке²⁷. Касаемо сопоставимости возрастов выхода на пенсию в вышеуказанных европейских государствах (с 60 до 68 лет) и в России, важно отметить, что средняя продолжительность жизни мужчин в них значительно выше (на 10 и более лет), переходный период в несколько раз более длителен, и около 40% граждан выходят на пенсию в более раннем возрасте, используя разного рода льготы, предусмотренные законом²⁸.

Несмотря на это, одним из современных трендов социальной политики в мире является курс на снижение пенсионного возраста. Так, в 2019 г. в Италии минимальный возраст выхода на пенсию при соблюдении требований по длительности трудового стажа был снижен с 67 до 62 лет у мужчин, а у женщин с 66 до 58 лет; в Польше в 2017 г. спустя пять лет после повышения пенсионного возраста и у мужчин, и у женщин до 67 лет, это решение было пересмотрено в связи с его резкой критикой населением; в 2014 г. Китай анонсировал планы по снижению пенсионного возраста к 2022 г. на основе последних научных исследований: «работа после 55 лет для мужчин и после 50-52 лет для женщин ведет к переутомлению и депрессивным расстройствам»²⁹.

повышения пенсионного возраста в России на рождаемость // Human Progress. 2019. Том 5. № 1. С. 3. [Kul'kova, I.A. O vozmozhnosti ispol'zovaniia zarubezhnogo opyta v issledovanii vliianiia povysheniia pensionnogo vozrasta v Rossii na rozhdaemost' (On the Possibility of Using Foreign Experience in the Study of the Impact of Raising the Retirement Age in Russia on the Birth Rate) // Human Progress, 2019, Vol. 5, No. 1, p. 3.]

²⁷ Ibid.

²⁸ Tofield, A. Age in an Ageing Society. It Is Time for a Rethink of Retirement Age // *European Heart Journal*, 2018, No. 35, pp. 3271-3275.

²⁹ Комраков А.В. Европе снижают пенсионный возраст // Независимая газета. 2019. 29 января. [Komrakov, A.V. Evrope snizhaiut

Проблема гендерного неравенства в российском пенсионном законодательстве была поставлена перед Конституционным Судом Российской Федерации еще до пенсионной реформы гражданином Н.Г. Рязановым: в 2017 г. он обратился с жалобой на нарушение его пенсионных прав в связи с более поздним выходом на пенсию, чем он предусмотрен для женщин, в нарушение ч. 3 ст. 19 Конституции Российской Федерации, устанавливающей «равные права и свободы и равные возможности для их реализации» вне зависимости от пола.

В Определении об отказе в принятии жалобы к рассмотрению от 19 декабря 2017 г. № 2914-О Конституционный Суд Российской Федерации указал, что законодатель, устанавливая разный возраст для возникновения права на страховую пенсию по старости, применил дифференциацию в связи с «физиологическими различиями между мужчинами и женщинами, большей подверженности женского организма неблагоприятным производственным факторам, а также исходя из особой социальной роли женщины в обществе... Такое правовое регулирование, направленное на обеспечение женщинам равных с мужчинами возможностей в реализации конституционного права на пенсионное обеспечение и на достижение фактического равенства, не может рассматриваться как нарушающее права заявителя в указанном в жалобе аспекте»³⁰. Таким

pensionnyi vozrast (The Retirement Age in Europe is Being Lowered) // *Nezavisimaia gazeta*, 2019. January 29.]

³⁰ Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 19 декабря 2017 г. № 2914-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Рязанова Нагима Габдылахатовича на нарушение его конституционных прав частью 1 статьи 8 Федерального закона «О страховых пенсиях». Документ опубликован не был (Determination of the Constitutional Court of the Russian Federation of December 19, 2017 No. 2914-O «On the refusal to accept for consideration the complaint of the citizen Ryazapov Nagim Gabdylakhatovich on violation of his constitutional rights by Part 1 of Article 8 of the Federal Law» On Insurance Pensions». The document has not been published.). Режим доступа: <https://legalacts.ru/sud/opredelenie-konstitutsionnogo-suda-rf-ot-19122017-n-2914-o/>

образом, на взгляд Конституционного Суда Российской Федерации, данная дифференциация необходима именно для устранения гендерного неравенства! Несмотря на то, что средняя продолжительность жизни женщин в мире выше, чем у мужчин; в России более, чем на 10 лет.

В то же время практика Европейского Суда по правам человека, юрисдикция которого обязательна для России по вопросам толкования и применения «Конвенции о защите прав человека и основных свобод» от 04 ноября 1950 г. и Протоколов к ней, показывает, что норма о равенстве вне зависимости от пола толкуется им без каких-либо исключений, связанных с физиологическими различиями или особой социальной ролью, в т.ч. связанной с деторождением. Так, гражданин России Константин Маркин выиграл в 2012 г. дело в ЕСПЧ против России³¹ в связи с его дискриминацией как мужчины нормами Федеральных законов «О государственных пособиях гражданам, имеющим детей»³² и «О статусе военнослужащих»³³,

запрещающих мужчинам-военнослужащим выходить в отпуск по уходу за ребенком до достижения им трехлетнего возраста, в отличие от женщин-военнослужащих. По аналогичной жалобе того же заявителя в 2009 г. Конституционный Суд Российской Федерации вынес определение об отказе в принятии к рассмотрению жалобы, констатируя, что существующим регулированием не нарушается конституционный принцип равенства прав и свобод человека³⁴. Данное решение ЕСПЧ было исполнено в части выплат предусмотренных решением компенсаций заявителю и восстановления его в правах, но не было внесено изменений в признан-

27, 1998 No. 76-FZ «On the Status of Military Personnel».)].

³⁴ Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 15 января 2009 г. № 187-О-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалоб гражданина Маркина Константина Александровича на нарушение его конституционных прав положениями статей 13 и 15 Федерального закона «О государственных пособиях гражданам, имеющим детей», статей 10 и 11 Федерального закона «О статусе военнослужащих», статьи 32 Положения о порядке прохождения военной службы и пунктов 35 и 44 Положения о назначении и выплате государственных пособий гражданам, имеющим детей» [Opredelenie Konstitutsionnogo Suda Rossiiskoi Federatsii ot 15 ianvaria 2009 g. № 187-O-O «Ob otkaze v priniatii k rassmotreniiu zhalob grazhdanina Markina Konstantina Aleksandrovicha na narushenie ego konstitutsionnykh prav polozheniiami statei 13 i 15 Federal'nogo zakona «O gosudarstvennykh posobiakh grazhdanam, imeiushchim detei», statei 10 i 11 Federal'nogo zakona «O statuse voennosluzhashchikh», stat'i 32 Polozheniia o poriadke prokhozheniia voennoi sluzhby i punktov 35 i 44 Polozheniia o naznachenii i vyplate gosudarstvennykh posobii grazhdanam, imeiushchim detei» (The Definition of the Constitutional Court of the Russian Federation of 15 January 2009 No. 187-O-O «About Refusal in Acceptance to Consideration of Complaints of Citizen Markin Konstantin Aleksandrovich on Violation of His Constitutional Rights Provisions of Articles 13 and 15 of the Federal Law «On State Benefits to Citizens with Children», articles 10 and 11 of the Federal Law «On Status of Servicemen», article 32 of the Regulations on Military Service and Paragraphs 35 and 44 of Regulations on the Appointment and Payment of State Allowances to Citizens with Children».)].

³¹ Постановление Европейского Суда по правам человека от 22 марта 2012 г. по делу «Константин Маркин (Konstantin Markin) против Российской Федерации» // Бюллетень Европейского Суда по правам человека. 2012. № 6. [Postanovlenie Evropeiskogo Suda po pravam cheloveka ot 22 marta 2012 g. po delu «Konstantin Markin (Konstantin Markin) protiv Rossiiskoi Federatsii» (Decision of the European Court of Human Rights of March 22, 2012 in the case «Konstantin Markin V. the Russian Federation») // *Biulleten' Evropeiskogo Suda po pravam cheloveka*. 2012. No. 6.]

³² Абз. 3 и 7 ч. 1 ст. 13, абз. 2 и 3 ч. 1 ст. 15 Федерального закона от 19 мая 1995 г. № 81-ФЗ «О государственных пособиях гражданам, имеющим детей». [Abz. 3 i 7 ch. 1 st. 13, abz. 2 i 3 ch. 1 st. 15 Federal'nogo zakona ot 19 maia 1995 g. № 81-FZ «O gosudarstvennykh posobiakh grazhdanam, imeiushchim detei» (Paragraphs 3 and 7 of part 1 of article 13, para. 2 and 3 parts 1 of article 15 of the Federal Law of May 19, 1995 No. 81-FZ «On State Benefits to Citizens with Children».)]

³³ П. 9 ст. 10 и п. 13 ст. 11 Федерального закона от 27 мая 1998 г. № 76-ФЗ «О статусе военнослужащих». [P. 9 st. 10 i p. 13 st. 11 Federal'nogo zakona ot 27 maia 1998 g. № 76-FZ «O statuse voennosluzhashchikh» (Item 9 of article 10 and item 13 of article 11 of the Federal Law of May

ные ЕСПЧ дискриминационные нормы российского права. Кроме того, Федеральным конституционным законом от 14 декабря 2015 г. «О внесении изменений в Федеральный конституционный закон «О Конституционном Суде Российской Федерации»»³⁵ был введен правовой механизм проверки Конституционным Судом Российской Федерации возможности исполнения решений межгосударственного органа по защите прав и свобод человека в связи с возможным их противоречием Конституции России. Таким образом, был закрыт долгое время остававшийся дискуссионным вопрос о приоритете решений ЕСПЧ над решениями Конституционного Суда Российской Федерации в случае расхождения правовых позиций данных судов. Закреплен этот механизм был внесением изменений в Конституцию Российской Федерации, одобренных в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 г., в частности в ст. 79: «Решения межгосударственных органов, принятые на основании положений международных договоров Российской Федерации в их истолковании, противоречащем Конституции Российской Федерации, не подлежат исполнению в Российской Федерации».

Учитывая, что Конституционный Суд Российской Федерации в вышеуказанном Определении от 19 декабря 2017 г. № 2914-О выразил свою правовую позицию по отсутствию дискриминации в нормах пенсионного законодательства, предусматривающих выход мужчин на пенсию на пять лет позже женщин, то даже в случае обращения в ЕСПЧ с соответствующей жалобой и побе-

ды, это решение не будет исполнено Россией. С другой стороны, в практике Конституционного Суда Российской Федерации были случаи изменения правовых позиций³⁶.

В 2019 г. в Конституционный Суд Российской Федерации поступил запрос группы депутатов Государственной Думы по вопросу конституционности положений ст. 4 и 7 ФЗ от 3 октября 2018 г. № 350-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам назначения и выплаты пенсий», предусматривающих поэтапное повышение пенсионного возраста с 60 до 65 лет для мужчин и с 55 до 60 лет для женщин. Заметим, что обратившиеся с запросом депутаты, поставив вопрос о конституционности повышения пенсионного возраста, не поставили перед Судом вопрос о дискриминации этими нормами мужчин в связи с более поздним выходом на пенсию.

Рассмотрев запрос, Конституционный Суд Российской Федерации вынес Определение от 02 апреля 2019 г. № 854-О о признании его не подлежащим дальнейшему рассмотрению в заседании Суда как не требующего вынесения итогового решения в виде постановления³⁷. Обосновано такое ре-

³⁵ Федеральный конституционный закон «О внесении изменений в Федеральный конституционный закон «О Конституционном Суде Российской Федерации»» от 14 декабря 2015 г. // Собрание законодательства Российской Федерации. 2015. № 51. Ст. 7229. [Federal'nyi konstitutsionnyi zakon «O vnesenii izmenenii v Federal'nyi konstitutsionnyi zakon «O Konstitutsionnom Sude Rossiiskoi Federatsii»» ot 14 dekabria 2015 g. (Federal Constitutional Law «On Amendments to the Federal Constitutional Law «On the constitutional Court of the Russian Federation»»)] // Sbornie zakonodatel'stva Rossiiskoi Federatsii. 2015. No. 51. P. 7229.]

³⁶ См.: Александрова М.А. Решения Конституционного Суда Российской Федерации как источник российского права: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01 / Александрова Марианна Артемовна – Москва, 2018. Т. 1. С. 99-100. [Aleksandrova, M.A. Resheniya Konstitutsionnogo Suda Rossiyskoy Federatsii kak istochnik rossiyskogo prava (Decisions of the Constitutional Court of the Russian Federation as a Source of Russian Law): dis. ... Cand. of Law: 12.00.01 / Aleksandrova Marianna Artemovna. Moscow, 2018. Vol. 1. Pp. 99-100.].

³⁷ Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 02 апреля 2019 г. № 854-О «По запросу группы депутатов Государственной Думы о проверке конституционности положений статей 4 и 7 Федерального закона «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам назначения и выплаты пенсий»». [Opredelenie Konstitutsionnogo Suda Rossiiskoi Federatsii ot 02 apreliia 2019 g. № 854-O «Po zaprosu gruppy deputatov Gosudarstvennoi Dumy o proverke konstitutsionnosti polozhenii statei 4 i 7 Federal'nogo zakona «O vnesenii izmenenii v otdel'nye zakonodatel'nye акты Rossiiskoi

шение было тем, что, во-первых, оспариваемые нормы не содержат, на взгляд Конституционного Суда Российской Федерации, неопределенности в вопросе о том, соответствуют ли они Конституции Российской Федерации, поскольку ею не исключается возможность повышения пенсионного возраста. Во-вторых, вопрос о целесообразности данной меры выходит за пределы компетенции Конституционного Суда Российской Федерации, поскольку предполагает оценку ее социально-экономической обоснованности в контексте проводимой государственной политики, а также демографических и иных факторов.

В августе 2020 г. депутаты из партии «Справедливая Россия» внесли в Ярославскую областную Думу проект Постановления «О внесении в Государственную Думу Федерального Собрания Российской Федерации в качестве законодательной инициативы проекта федерального закона “О признании утратившими силу изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам назначения и выплаты пенсий”»³⁸. И вновь вопрос поставлен не о нарушении гендерного равенства при выходе на пенсию, а лишь о самом повышении пенсионного возраста, т.е. о необходимости вернуть прежний возраст для выхода на пенсию: 60 лет для мужчин и 55 лет для женщин.

На наш взгляд, с учетом многолетней тенденции снижения уровня рождаемости в России при повышении средней продолжительности жизни, и, как следствие, увеличения процентного числа пенсионеров на одного работающего россиянина, необходимость в пенсионной реформе действительно

могла созреть. И если государство не видело других возможностей решения этой проблемы, кроме как повышение пенсионного возраста, то, исходя из средней продолжительности жизни мужчин в России на 2018 г. было очевидно, что повышение их пенсионного возраста является несправедливым, поскольку даже при выходе на пенсию в 60 лет, они не имели возможности прожить весь период старости, находясь на пенсии; один год пенсии российских мужчин в среднем был равен не двух или даже трем годам рабочего стажа, а более пяти! С учетом значительно более долгой средней продолжительности жизни женщин, конечно же, нельзя было повышать их пенсионный возраст выше, чем он был установлен у мужчин, поскольку также не было никаких оснований для нарушения гендерного равенства и в отношении них. Таким образом максимальной возможностью повысить пенсионный возраст, не нарушив конституционных принципов равенства граждан вне зависимости от половой принадлежности и создания условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека, было повышение только возраста женщин для выхода на пенсию до 60 лет. В остальном Россия как социальное государство должна была изыскивать возможности для восполнения возникшей и увеличивающейся брешы иными способами, например, существенным повышением заработных плат работникам бюджетной сферы, повышением МРОТ, усилением налогового контроля за уплатой работодателями налогов, сборов и отчислений, повышением ответственности за предоставление ими заведомо ложных сведений о размерах заработных плат работников; восполнением дефицита бюджета Пенсионного фонда России и одновременно увеличением программ по стимулированию рождаемости.

Очевидно, что выбранный путь решения проблемы, с учетом дальнейшего увеличения ожидаемой продолжительности жизни и снижения рождаемости, не будет способствовать реальному повышению пенсий, а лишь поможет остаться уже сложившейся ситуации с дефицитом бюджета Пенсионного фонда России «на плаву». Кроме того, создана настолько несправедливая ситуация

Federatsii po voprosam naznachenii i vyplaty pensii»» (Decision of the Constitutional Court of the Russian Federation No. 854-O of April 02, 2019 «At the Request of a Group of State Duma Deputies to Verify the Constitutionality of the Provisions of Articles 4 and 7 of the Federal Law «On Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation on the Appointment and Payment of Pensions»»).

³⁸ Ярославские депутаты предлагают обнулить пенсионную реформу (Yaroslavl deputies propose to nullify the pension reform). Режим доступа: <http://www.yarnovosti.com>

по отношению, в первую очередь, к мужчинам, что если в течении ближайших лет она не будет устранена, как, например, это было сделано в Польше, высока вероятность сбора 2 000 000 голосов, необходимых в соответствии с Федеральным конституционным законом от 28 июня 2004 г. № 5-ФКЗ «О референдуме» для проведения референдума по вопросу снижения пенсионного возраста, что может быть связано с осложнением политической обстановки в государстве.

Литература:

Александрова М.А. Применение правовых позиций Конституционного Суда Российской Федерации // Актуальные проблемы российского права. 2018. № 7 (92).

Александрова М.А. Решения Конституционного Суда Российской Федерации как источник российского права: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01 / Александрова Марианна Артемовна. Москва, 2018.

Доброхлеб В.Г. Социальные вызовы новой пенсионной реформы в условиях современной демографической ситуации в России // Уровень жизни населения регионов России. 2019. № 1 (211).

Ефимова Н.А. К вопросу о повышении пенсионного возраста: общемировые тенденции // Хроноэкономика. 2018. № 2 (10). С. 17-22.

Кулькова И.А. О возможности использования зарубежного опыта в исследовании влияния повышения пенсионного возраста в России на рождаемость // Human Progress. 2019. Том 5. № 1.

Реутов Е.В. Аргументы и контраргументы пенсионной реформы в России // В сборнике: Развитие политических институтов и процессов: зарубежный и отечественный опыт. материалы X Всероссийской научно-практической конференции. 2019.

Сидоренко Ю.А. Дискуссионный характер повышения пенсионного возраста в Российской Федерации // Финансовая экономика. 2020. № 1. С. 379-384.

Фомичев М.Н. Пенсионная реформа в контексте социальной справедливости: мировой опыт // Евразийский юридический журнал. 2020. № 1 (140). С. 212-215.

Шашиуров С.Е. Пенсионная реформа: предпосылки и внедрение изменений в пенсионное законодательство // В сборнике: Социальная среда и социальная политика: новые подходы и инновационные технологии. Материалы Международной научно-практической конференции. Сер. «Демография. Социология. Экономика». Под ред. Рязанцева С.В., Ростовской Т.К., Саралиевой З.Х., 2019. С. 71-74.

Aleksandrova, M.A. Ban on Profession for Women in Russia // The European Proceedings of Social & Behavioural Sciences, 2019. P. 383-390; Kapoor, N. Women in the Duma: Why Post-soviet Russia Has Low Female Representation? // Сравнительная политика, 2016, Vol. 7, No. 2, pp. 59-72.

Avtsinova, G., Lyapunova, N., Rudnitskaya A. Pension System in Russia: Prerequisites, Social Needs, State Regulation, Problems of Implementation // Economic and Social Development. Book of Proceedings. Editors: Aleksander Maloletko, Natasa Rupcic, Zoltan Baracska, 2018. P. 389-394.

Tofield, A. Age in an Ageing Society It Is Time for a Rethink of Retirement Age // *European Heart Journal*, 2018, No. 35, pp. 3271-3275.

References:

Aleksandrova, M.A. Ban on Profession for Women in Russia // The European Proceedings of Social & Behavioural Sciences, 2019. P. 383-390; Kapoor, N. Women in the Duma: Why Post-soviet Russia Has Low Female Representation? // Сравнительная политика, 2016, Vol. 7, No. 2, pp. 59-72.

Aleksandrova M.A. Primeneniye pravovykh pozitsiy Konstitutsionnogo Suda Rossiyskoy Federatsii (Application of Legal Positions of the Constitutional Court of the Russian Federation) // *Aktual'nyye problemy rossiyskogo prava*. 2018. № 7 (92).

Aleksandrova, M.A. Resheniya Konstitutsionnogo Suda Rossiyskoy Federatsii kak istochnik rossiyskogo prava (Decisions of the Constitutional Court of the Russian Federation as a Source of Russian Law): dis. ... Cand. of Law: 12.00.01 / Aleksandrova Marianna Artemovna. Moscow, 2018.

Avtsinova, G., Lyapunova, N., Rudnitskaya A. Pension System in Russia: Prerequisites, Social Needs, State Regulation, Problems of Implementation // Economic and Social Development. Book of Proceedings. Editors: Aleksander Maloletko, Natasa Rupcic, Zoltan Baracska, 2018. P. 389-394.

Dobrokhleb, V.G. Sotsial'nye vyzovy novoi pensionnoi reformy v usloviakh sovremennoi demograficheskoi situatsii v Rossii (Social Challenges of the New Pension Reform in the Current Demographic Situation in Russia) // *Uroven' zhizni naseleniia regionov Rossii*, 2019, No. 1 (211).

Efimova, N.A. K voprosu o povyshenii pensionnogo vozrasta: obshchemirovye tendentsii (On the Issue of Raising the Retirement Age: Global Trends) // *Khronoekonomika*, 2018, No. 2 (10), pp. 17-22.

Fomichev, M.N. Pensionnaia reforma v kontekste sotsial'noi spravedlivosti: mirovoi opyt (Pension Reform in the Context of Social Justice: World Experience) // *Evraziiskii iuridicheskii zhurnal*, 2020, No. 1 (140), pp. 212-215.

Kul'kova, I.A. O vozmozhnosti ispol'zovaniia zarubezhnogo opyta v issledovanii vliianiia povysheniia pensionnogo vozrasta v Rossii na rozhdaemost' (On the Possibility of Using Foreign Experience in the Study of the Impact of Raising the Retirement Age in Russia on the Birth Rate) // *Human Progress*, 2019, Vol. 5, No. 1.

Reutov, E.V. Argumenty i kontrargumenty pensionnoi reformy v Rossii (Arguments and Counter-arguments of the Pension Reform in Russia) // *Razvitie politicheskikh institutov i protsessov: zarubezhnyi i otechestvennyi opyt*. Materialy X Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii, 2019.

Shashurov, S.E. Pensionnaia reforma: predposylki i vnedrenie izmenenii v pensionnoe zakonodatel'stvo (Pension Reform: Prerequisites and Implementation of Changes in Pension Legislation) // *Sotsial'naia sreda i sotsial'naia politika: novye podkhody i innovatsionnye tekhnologii*. Materialy Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii. Ser. "Demografiia. Sotsiologiia. Ekonomika" Pod red. Riazantseva S.V., Rostovskoi T.K., Saralievой Z.Kh., 2019. Pp. 71-74.

Sidorenko, Iu.A. Diskussionnyi kharakter povysheniia pensionnogo vozrasta v Rossiiskoi Federatsii (The Controversial Nature of Raising the Retirement Age in the Russian Federation) // *Finansovaia ekonomika*, 2020, No. 1, pp. 379-384.

Tofield, A. Age in an Ageing Society It Is Time for a Rethink of Retirement Age // *European Heart Journal*, 2018, No. 35, pp. 3271-3275.

DOI: 10.24411/2221-3279-2021-10020

RUSSIAN PENSION REFORM IN THE CONTEXT OF GENDER EQUALITY

Marianna A. Alexandrova

*Yaroslav-the-Wise Novgorod State University,
Veliky Novgorod, Russia*

Article history: <i>Received:</i> 20.09.2020 <i>Accepted:</i> 01.03.2021	Abstract: The article is devoted to the gender aspect of pension reform in the Russian Federation. The unfairness of men's later retirement compared to women is reinforced by the significantly lower average life expectancy of Russian men compared to women. At the same time, in recent decades, world experience has shown a tendency to equalize the retirement age for men and women. In Russia, the legislator did not even take into account the sharply negative public opinion on the issue of raising the retirement age, the low average life expectancy in Russia compared to developed countries, according to the experience of which in 2018 the decision was made to gradually increase the age to 65 for men and 60 for women for retirement. The author provides statistics on the average life expectancy in Russia, including men in various regions of the Russian Federation, examines the history of the problem, provides world practice in the issue of pension reform in recent decades, and analyzes the legal positions of the Constitutional Court of the Russian Federation on the possible violation of gender equality when men retire 5 years later than women and international law.
About the author: Associate Professor, Department of Criminal Procedure and Criminalistics, NovSU e-mail: alexandrovamarianna@mail.ru	
Key words: pension reform; gender equality; world experience; decisions of the Constitutional Court of the Russian Federation	

Для цитирования: Александрова М.А. Российская пенсионная реформа в контексте гендерного равенства // *Сравнительная политика*. 2021. № 2. С. 70-81.

DOI: 10.24411/2221-3279-2021-10020

For citation: Alexandrova, Marianna A. Rossiyskaya pensionnaya reforma v kontekste gendernogo ravenstva (Russian Pension Reform in the Context of Gender Equality) // *Comparative Politics Russia*, 2021, No. 2, pp. 70-81.

DOI: 10.24411/2221-3279-2021-10020

DOI: 10.24411/2221-3279-2021-10021

ВЫСОКОЕ ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВО ЖЕНЩИН В ПАРЛАМЕНТЕ И ПРОПОРЦИОНАЛЬНАЯ ИЗБИРАТЕЛЬНАЯ СИСТЕМА: РАБОТАЕТ ЛИ ЭТА ВЗАИМОСВЯЗЬ В РОССИИ?

Руслан Салихович Мухаметов

Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б.Н. Ельцина,
Екатеринбург, Россия

Информация о статье: <i>Поступила в редакцию:</i> 2 октября 2020 <i>Принята к печати:</i> 16 апреля 2021	Аннотация: Какие факторы влияют на уровень представительности женщин в парламентах? В научной литературе существует несколько объяснительных моделей, но в отношении одной сложился широкий консенсус. Исследования показывают, что имеет место быть сильная корреляция между уровнем представленности женщин и типом избирательной системы. В работах отмечается, что высокое представительство женщин в парламенте связано с проведением выборов на основе пропорциональной избирательной системы. Автор подчеркивает, что к данному утверждению ученые пришли в результате, во-первых, анализа данных экономически развитых стран, консолидированных демократий и, во-вторых, проведения межстрановых исследований. Целью настоящей статьи является проверка данного положения в российских условиях. Для достижения этой цели автор собрал эмпирический материал, основу которого составили списки кандидатов (как федеральные, так и по одномандатным округам) политических партий. Методом исследования стал регрессионный анализ. В результате статистических расчетов автор пришел к выводу, что думские выборы по пропорциональной системе не обеспечивают высокое представительство женщин в Госдуме. Показано, что система голосования не работает автоматически в плане определения доли женщин-парламентариев. Избирательные системы являются одними из многих факторов, которые могут повлиять на представительство женщин в законодательных органах. Другими факторами выступают такие партийные характеристики, такие как партийная идеология. <i>Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и ЭИСИ в рамках научного проекта № 20-011-31049 «Региональная партийная элита: социально-демографические характеристики, каналы рекрутирования, карьерные траектории»</i>
Об авторе: доцент, кафедра политических наук, УрФУ e-mail: muhametov.ru@mail.ru	
Ключевые слова: гендер; женщины; парламент; избирательная система; выборы; политические партии	

Введение

В настоящее время во всем мире число женщин в парламентах увеличивается. В 1995 г. средняя доля женщин в национальных парламентах составляла 11,3%, а на 1 января 2019 г. она составляет 24,3% (увеличение на 13 процентных пунктов). Согласно ежегодному анализу Межпарламентского Союза, доля женщин в национальных парламентах выросла почти на один процентный пункт – с 23,4% в 2017 году до 24,3% в 2018 году¹. Иными словами, феминизация поли-

тики – это одна из политических тенденций нашего времени.

Исследования показывают, что участие женщин в политической жизни способствует достижению гендерного равенства и влияет как на круг рассматриваемых политических вопросов, так и на типы предлагаемых решений². Кроме того, имеются

<https://www.ipu.org/resources/publications/reports/2019-03/women-in-parliament-in-2018-year-in-review>

- ² Elgie, R. The Effect of Increased Women's Representation in Parliament: The Case of Rwanda // *Parliamentary Affairs*, 2008, Vol. 61, No. 2, pp. 237-254.

¹ Women in parliament in 2018. The year in review / Inter-Parliamentary Union. Mode of access:

доказательства того, что по мере увеличения числа женщин, избранных в парламент, происходит последовательный рост процесса разработки политики, в которой подчеркивается качество жизни и отражаются приоритеты семей, женщин, а также этнических и расовых меньшинств³. Результаты многочисленных исследований демонстрируют, что женщины-законодатели чаще, чем их коллеги-мужчины, спонсируют «женские» законопроекты, такие как законодательство об образовании, уходе за детьми и семейном здравоохранении⁴. В работах были обнаружены различия в стилях лидерства: женщины-законодатели более склонны к сотрудничеству, чем их коллеги-мужчины. Исследователи пришли к мнению, что возросшее присутствие женщин в парламентах африканских государств постепенно меняло отношение людей к женщинам в политике в целом и создавало новую политическую культуру в отношении приемлемости женщин в качестве политических лидеров⁵. Ученые утверждают, что благодаря расширению присутствия женщин в парламенте росло уважение со стороны членов семьи и общин, увеличились возможности выступать и быть услышанными на публичных форумах⁶. Некоторые исследователи установили связь между полом законодателя и экономической деятельностью. Было обнаружено, что женщины-законодатели повышают экономические показатели в своих избирательных округах примерно на 1,8% больше в годовом выражении, чем мужчины-законодатели. Эксперты подсчитали, что

женщины-законодатели увеличивают рост светимости в своих избирательных округах примерно на 15% в год больше, чем у мужчин-законодателей⁷. Ученые говорят о положительной корреляции между правами женщин и ВВП на душу населения⁸.

Исходя из положительных последствий наличия большой доли женщин в политике для социально-экономического развития общества, может возникнуть желание и потребность у отдельных государств изменить политику в сторону достижения гендерного равенства, т.е. увеличить представительность женщин в органах власти. Такая цель может быть у стран, в которых на данный момент существует гендерное неравенство в политике. Одной из таких является Россия, где женщины имеют достаточно ограниченный доступ в высшие эшелоны власти⁹. Это касается не только федерального уровня управления в России, но и регионального.

³ Alexander, A.C. Big jumps in women's presence in parliaments: Are these sufficient for improving beliefs in women's ability to govern? // *Advancing Women in Leadership*, 2015, Vol. 35, pp. 82-97.

⁴ Barnes, T., Beaulieu, E. Women Politicians, Institutions, and Perceptions of Corruption // *Comparative Political Studies*, 2019, Vol. 52, No. 1, pp. 134-167.

⁵ Tripp, A.M. The Politics of Autonomy and Cooptation in Africa: the Case of the Ugandan Women's Movement // *The Journal of Modern African Studies*, 2001, Vol. 39, No. 1, pp. 101-128.

⁶ Burnet, J. Gender Balance and the Meanings of Women in Governance in Post-Genocide Rwanda // *African Affairs*, 2008, Vol. 107, Iss. 428, pp. 361-386.

⁷ Baskaran, T.; Bhalotra, S.; Brian Min, B.; Uppal, Y. Women Legislators and Economic Performance. Working Paper 2018/47. Mode of access: <https://www.wider.unu.edu/sites/default/files/Publications/Working-paper/PDF/wp2018-47.pdf>

⁸ Dufflo, E. Women Empowerment and Economic Development // *Journal of Economic Literature*, 2012, Vol. 50, No. 4, pp. 1051-1079.

⁹ Кочкина Е.В. Представительство женщин в структурах власти России, 1917-2002 гг. // Гендерная реконструкция политических систем / Под ред. Н.М. Степановой, М.М. Кириченко, Е.В. Кочкиной. СПб.: ИСПГ-Алетейя, 2003. С. 477-523 [Kochkina, E.V. Predstavitel'stvo zhenshhin v strukturah vlasti Rossii, 1917-2002 gg. (Representation of women in the power structures of Russia, 1917-2002) // Gendernaja rekonstrukcija politicheskikh sistem // Gendernaja rekonstrukcija politicheskikh system (Gender reconstruction of political systems), N.M. Stepanovoj, M.M. Kirichenko, E.V. Kochkinoy (eds.), SPb.: Aletejja, 2003, pp. 477-523.]; Андреевкова В. Представительство женщин парламентах России и Украины: опыт социологического анализа // Социологические исследования. 2000. № 11. С. 117-127 [Andreenkova, V. Predstavitel'stvo zhenshhin parlamentah Rossii i Ukrainy: opyt sociologicheskogo analiza (Representation of women in the parliaments of Russia and Ukraine: experience of sociological analysis) // *Sociologicheskije issledovaniya*, 2000, No. 11, pp. 117-127.]

По результатам исследования, проведенного «Новой газетой» весной 2019 года, в региональных парламентах современной России количество женщин составляет менее 15% от общего количества парламентариев¹⁰. Какие факторы влияют на уровень представительности женщин в парламентах? В последние годы появляются работы, в которых говорится о влиянии избирательных систем. Можно сказать даже, что в научной литературе существует определенного рода консенсус относительно благотворного воздействия пропорциональной системы. Утверждается, что странам, которые желают увеличить долю женщин, избранных в законодательный орган, следует проводить выборы не по мажоритарной системе, а пропорциональной¹¹. Необходимо подчеркнуть, что эти выводы сделаны исследователями на данных европейских государств. Для получения сбалансированной картины представляется целесообразным расширить географические рамки исследования. В этой связи целью настоящего исследования является проверка вышеназванных выводов на российских эмпирических данных.

Структура статьи следующая. В первом разделе мы рассматриваем основные факторы, которыми апеллируют исследователи при объяснении большой доли женщин в парламентах. Второй раздел настоящей работы посвящен каналам и механизмам влияния пропорциональной системы на представленность женщин в законодательных органах. Источники данных, метод и операционализация переменных представлены в третьем разделе. Результаты эмпирического анализа и их обсуждение происходит в четвертом разделе. Настоящая работа завершается выводами и обозначением направлений дальнейших исследований.

¹⁰ Непредставительная власть (Non-representative power) / Трансперенси Интернешнл – Россия. Режим доступа: <https://transparency.org.ru/special/womenassembly>.

¹¹ Norris, P. Women's Legislative Participation in Western Europe // *Western European Politics*, 1985, No. 8, pp. 90-101; Salnykova, A. Electoral Reforms and Women's Representation in Ukraine / In O. Hankivsky, A. Salnykova (eds.), *Gender, Politics and Society in Ukraine*. Toronto: University of Toronto Press, 2012. Pp. 75-97.

Чем обусловлено высокое представительство женщин в парламентах: обзор исследований

Исследования показывают, что на доступ женщин в парламент влияет целый ряд факторов, которые можно сгруппировать в несколько подходов: социально-экономические, институциональные, культурные и политические.

В исследованиях, направленных на выявление причин различий в уровнях представленности женщин в политике, выделяются социально-экономические факторы. Есть несколько характеристик общества, которые сильно коррелируют с более высоким уровнем представительства женщин. Одним из самых важных является уровень экономического развития. Более высокий уровень благосостояния способствует свободе от нужды и страха в результате расширения сферы медицинского обслуживания и надлежащего питания, предоставления основных социальных гарантий, увеличения числа городского среднего класса и создания социальных основ для укрепления демократических институтов и гражданского общества. Экономическое развитие ведет к ослаблению традиционных ценностей, снижению уровня рождаемости, росту урбанизации, увеличению участия женщин в образовании и рабочей силе, а также изменения в восприятии соответствующие роли для женщин¹². Экономический рост является наиболее эффективной стратегией обеспечения развития человеческого потенциала и улучшения условий жизни и положения женщин.

Признав ограниченность экономических стратегий, женские организации и власти ряда государств обратили свое внимание на роль политических институтов в ослаблении барьеров, препятствующих политическому участию женщин, продвижении политических, социальных и экономических

¹² Инглхарт Р., Вельцель К. Модернизация, культурные изменения и демократия: Последовательность человеческого развития. М.: Новое издательство, 2011. 464 с. [Inglehart, R., Norris, P. *Rising Tide: Gender Equality and Cultural Change around the World* / R. Inglehart, P. Norris. Cambridge: Cambridge University Press, 2003. 464 p.]

прав в целях достижения гендерного равенства. Другими словами, речь идет об *институциональном факторе*. Одним из наиболее распространенных вариантов политики, призванных обеспечить гендерное равенство в парламенте, является стратегия позитивных действий (использование квот). Гендерные квоты – это механизм изменения описательной репрезентации. В последние десятилетия более 50 стран приняли национальные квоты или зарезервировали места для женщин¹³. Существует три типа позитивных мер, которые обычно называют гендерными квотами: зарезервированные места, внутрипартийные квоты и национальные квоты. Недавние исследования указывают на сознательные действия партийного руководства по введению гендерных квот или других гендерно-специфических мер в качестве важных детерминант числа избранных женщин¹⁴.

Квоты получили международную поддержку и доказали свою эффективность в деле обеспечения «быстрого» политического представительства женщин, для достижения равенства результатов, а не только равенства возможностей. По данным Международного института по оказанию помощи в деле демократизации и проведения выборов, в настоящее время в половине стран мира действует та или иная система квот для женщин на выборах¹⁵. Межпарламентский союз отметил, что системы квот оказали позитивное воздействие на решение проблемы гендерного дисбаланса в национальных парламентах¹⁶. Квоты являются одной из форм позитивных действий или

мер по обеспечению равных возможностей, призванных решить проблему медленных темпов изменения участия женщин и групп меньшинств в тех областях общества, где они исторически недопредставлены.

Хотя квоты представляют собой временную специальную меру для «быстрого продвижения» женщин в парламенте, широко признается, что необходимы долгосрочные стратегии для устранения культурных, социальных и экономических барьеров, препятствующих выдвижению женщинами своих кандидатур или их избранию в парламент. Женщины, как правило, добиваются большего успеха в обществах, где отношение к роли мужчин и женщин является более эгалитарным, в то время как традиционные отношения, которые дифференцируют роли женщин и мужчин, могут служить препятствием для развития карьеры женщин в общественной жизни и создавать препятствия для их стремления к выборной должности¹⁷. В некоторых странах долгосрочные изменения в отношении общества к женщинам в политике постепенно достигаются за счет образования, инициатив по борьбе со стереотипами.

Культура относится к ценностям, стандартам, верованиям и установкам, которые лежат в основе общества и его институтов. Религия, образование и взгляды на гендерные социальные роли выступают основными культурными факторами, которые определяют долю женщин в парламентах. П. Пакстон и Ш. Кунович показали, что культура, особенно концепция равенства между женщинами и мужчинами, является влиятельной переменной¹⁸. Гендерную культуру можно определить как общественные идеалы, смыслы и ценности, имеющие гендерные коннотации. Р. Ингхарт и П. Норрис подчеркивают важное значение культуры гендерного равенства, в рамках которой женщины имеют возможности для повышения своей мобильности. Противоположностью культуры гендерного

¹³ Krook, M. Gender Quotas, Norms and Politics // *Politics and Gender*, 2006, Vol. 2, No. 1, pp. 110-118.

¹⁴ McCann, J. Electoral Quotas for Women: an International Overview / Parliament of Australia. Mode of access: https://parlinfo.aph.gov.au/parlInfo/download/library/prspub/2840598/upload_binary/2840598.pdf;fileType=application/pdf

¹⁵ Bauer, G. Gender Quotas and Women's Representation in African Parliaments / Democracy in Africa. Mode of access: <http://democracyinafrica.org/gender-quotas-womens-representation-african-parliaments/>

¹⁶ Palmeri, S. Gender-sensitive Parliaments: a Global Review of Good Practice / Inter-Parliamentary Union. Mode of access: <http://archive.ipu.org/pdf/publications/gsp11-e.pdf>

¹⁷ Tremblay, M. Introduction / In M. Tremblay (ed), *Women and Legislative Representation Electoral Systems, Political Parties, and Sex Quotas*. London: Palgrave Macmillan, 2008. Pp. 1-22.

¹⁸ Paxton, P.; Kunovich, S. Women's Political Representation: The Importance of Ideology // *Social Forces*, 2003, Vol. 82, No. 1, pp. 87-114.

равенства является культура, в которой преобладают традиционные гендерные ценности¹⁹. Как показано в одном из исследований, представления о надлежащем разделении ролей в семье, на рынке труда и в политической сфере формируются преобладающей культурой – социальными нормами, убеждениями и ценностями, существующими в любом обществе, которые в свою очередь опираются на уровни модернизации общества и религиозные традиции. Там, где преобладает культура гендерного равенства, она обеспечивает климат, при котором юридические права де-юре с большей вероятностью будут воплощены в фактические права на практике; там, где осуществляются институциональные реформы на рабочем месте и в общественной сфере; там, где женщины принимают расширенные возможности для достижения грамотности, образования и занятости; и где традиционные роли женщин и мужчин трансформируются в рамках домашнего хозяйства и семьи. Там, где преобладают традиционные ценности, женщины не только ограничены обществом с точки зрения возможностей, которые они ищут, но и предпочитают ограничивать себя. Культурные изменения сами по себе недостаточны для обеспечения гендерного равенства – ограничение, которое не всегда в достаточной степени признается индивидуалистической направленностью женского движения 1960-х гг.²⁰

Политическим фактором, влияющим на представленность женщин, является политика равных возможностей, которая направлена на то, чтобы «выровнять игровое поле» и тем самым добиться гендерного баланса. Основные варианты такой политики включают в себя:

- курс, обеспечивающий женщинам и мужчинам равные юридические права как

граждан, включая права на избирательное право, право баллотироваться на выборные должности, право на свободу слова и равное участие в политической жизни партии, организации и группы, не опасаясь дискриминации;

- курс, обеспечивающий женщинам и мужчинам равные возможности в области развития человеческого потенциала, в том числе в сферах начального, среднего и высшего образования, профессиональной подготовки и трудоустройства, а также в области социального обеспечения, репродуктивных прав и здравоохранения²¹.

Основное ограничение этих стратегий, особенно тех, которые направлены на выравнивание возможностей в обществе в целом, заключается в том, что они часто оказываются, как подчеркивают исследователи, неэффективными в достижении гендерного равенства в парламентах. В плане расширения участия женщин в работе законодательных органов более важным фактором является тип избирательной системы, на основе которой проходят выборы.

Избирательные системы и женское представительство: гипотезы исследования

Существует сильная корреляция между уровнем представленности женщин и типом избирательной системы. Исследования показывают, что все больше женщин избираются в парламент по партийным спискам, т.е. по итогам выборов на основе системы пропорционального представительства, а не по мажоритарной избирательной системе с одномандатными округами. Существует широкий консенсус о положительной связи в консолидированных демократиях между пропорциональной избирательной системой и представительством женщин в парламенте²². Было обнаружено, что система имеет

¹⁹ Inglehart, R.; Norris, P. *Rising Tide: Gender Equality and Cultural Change around the World* / R. Inglehart, P. Norris. Cambridge: Cambridge University Press, 2003. Pp. 140-141.

²⁰ Культура имеет значение: Каким образом ценности способствуют общественному прогрессу. М.: Моск. Школа Полит. Исслед., 2002. 315 с. [Kul'tura imeet znachenie: Kakim obrazom cennosti sposobstvujut obshhestvennomu progressu (Culture Matters: How Values Contribute To social Progress). Moscow: Mosk. Shkola Polit. issled., 2002. 315 p.]

²¹ Norris P. Increasing Women's Representation in Government: What strategies would work best for Afghanistan? Mode of access: <https://pdfslide.net/documents/increasing-womens-representation-in-government-increasing-womens-representation.html>

²² Matland, R. Women's Representation in National Legislatures: Developed and Developing Countries // *Legislative Studies Quarterly*, 1998, Vol. 23, No. 1, pp. 109-125; Salmond,

положительное и статистически значимое влияние на процент депутатов, являющихся женщинами²³. Согласно МПС, женщины, как правило, в три-четыре раза успешнее избираются в рамках пропорциональной избирательной системы, чем в мажоритарных системах, основанных на одномандатных избирательных округах.

Почему страны с системой пропорционального представительства показывают сильный рост представительства женщин, а при мажоритарной системе показывают такой скромный эффект? Исследователи называют ряд объяснений. Самая важная причина, по которой пропорциональная система больше благоприятствует женщинам, относится к партийной стратегии составления списков кандидатов. При пропорциональной системе каждая партия представляет избирателям список кандидатов. Чтобы увеличить число голосов за этот список, у партий есть стимул включать в него кандидатов, представляющих все группы избирателей и основные социальные слои. Исключение любой крупной социальной группы, включая женщин, может сигнализировать о том, что имеет место дискриминация, и группа избирателей, представителей которой исключили, не будет элементарно голосовать за эту партию. При мажоритарной системе каждая партия выдвигает по одному кандидату в округе. Выдвижение кандидатов находится в руках местной партийной организации. Местные партийцы, как правило, хотят кандидата, который будет иметь максимальные шансы одержать победу на выборах в избирательном округе, независимо от более широких последствий для партии или парламента²⁴.

R. Proportional Representation and Female Parliamentarians // *Legislative Studies Quarterly*, 2006, Vol. 31, No. 2, pp. 175-204.

²³ Rule, W. Electoral Systems, Contextual Factors, and Women's Opportunity for Election to Parliament in Twenty-Three Democracies // *Western Political Quarterly*, 1987, Vol. 40, pp. 477-98.

²⁴ Matland, R. Legislative Recruitment: A General Model and Discussion of Issues of Special Relevance to Women / The European Consortium for Political Research. Mode of access: <https://ecpr.eu/Filestore/PaperProposal/2d0198cb-9925-4858-a3d3-3ba597a7f22a.pdf>

Таким образом, пропорциональные системы, как правило, поощряют политические партии к поиску различных кандидатов для привлечения более широкой базы поддержки. При мажоритарной системе вероятность того, что партия при отборе кандидата будет учитывать необходимость соблюдения гендерного баланса, меньше. В этом плане эта система считается несправедливой по отношению к женщинам, поскольку кандидатура женщины часто ставится под сомнение исходя из предположения, что избиратели с меньшей вероятностью проголосуют за женщину. Однако в пропорциональных системах отбор кандидатов в партийный список зависит от других факторов. Наиболее важным из них является стремление партии обратиться как к можно большему числу избирателей, включая женщин, поскольку отсутствие или малое число их в общенациональном избирательном списке может стать негативным фактором для некоторых избирателей. При мажоритарной системе (с одномандатными округами) партии могут выдвинуть только одного кандидата, в то время как при пропорциональной системе партия выдвигает несколько кандидатов. Из-за характера выдвижения («игра с нулевой суммой») в одномандатном округе женщины-кандидаты должны конкурировать с существующими внутри партии интересами, которые представляют мужчины. При пропорциональной системе партийное руководство намного лучше осознает необходимость обеспечить баланс в партийном списке. Женщина-кандидат будет рассматриваться как преимущество партийного списка. Исследователи выделяют несколько причин для процесса балансировки.

Во-первых, партийное руководство рассматривает гендерный баланс как способ привлечения избирателей. Вместо поиска одного единственного кандидата, который может обратиться к широкому кругу избирателей, партийное руководство думает о различных кандидатах, обращающихся к определенным группам избирателей. Кандидаты, представляющие разные группы населения (половозрастные, этнические) могут помочь привлечь избирателей на сторону партии. Женщина-кандидат может рассматриваться

как преимущество для партии, привлекая избирателей и не требуя, чтобы могущественные внутрипартийные интересы, представленные мужчинами, отошли в сторону, как это требуется в мажоритарной системе.

Вторая причина уравнивания заключается в том, что гендерный баланс внутри партии часто рассматривается как вопрос справедливости: в партийном списке имеются кандидаты, представляющие все различные партийные фракции и/или группы населения. Женщины могут быть одной из тех групп, которая требует включения в список на выигрышные позиции.

Третья причина уравнивания — это более или менее равное распределение мест в избирательном бюллетене среди различных фракций в партии, которая является способом поддержания партийного мира и обеспечения постоянной поддержки различных групп в партии²⁵.

Вышеназванные выводы были сделаны на данных консолидированных демократий, экономически развитых стран. Существует ли систематическая связь между пропорциональной системой и долей избранных женщин в развивающихся государствах, к которым, например, относится Россия? В исследовании В. Рул и Надежды Шведовой, где были проанализированы думские выборы 1993 г., в целом был подтвержден этот вывод путем сравнения результатов, полученных женщинами по двум частям «смешанной» избирательной системы²⁶. Р. Дж. Музер, который изучал влияние избирательной системы на женское представительство в посткоммунистических государствах, в том числе и России, пришел к выводу, что проведение выборов на основе пропорциональной системы не приводит к существенному усилению женского представительства, нет положительной корреляции между пропорциональными

системами и женским представительством²⁷. К аналогичному выводу пришел и Г. Голосов, изучающий представительство женщин в парламентах субъектов РФ²⁸.

Таким образом, опираясь на выводы исследователей, рассматривающих значение типов избирательных систем на уровень представительства женщин в парламентах, можно сформулировать следующие гипотезы:

НІ: *Доля женщин-кандидатов в партийных списках на думских выборах в России выше, чем в списках кандидатов партий по одномандатным округам.*

НІІ: *Доля женщин-депутатов в Госдуме пятого и шестого созывов, выборы в которые проходили исключительно по пропорциональной системе, выше, чем при других созывах.*

Прежде чем приступить к проверке этих гипотез, необходимо вкратце описать дизайн исследования.

²⁷ Музер Р. Влияние избирательных систем на представительство женщин в посткоммунистических государствах // Гендерная реконструкция политических систем / Под ред. Н.М. Степановой, М.М. Кириченко, Е.В. Кочкиной. СПб.: Алетея, 2003. С. 725-735. [Muzer, R. Vlijanie izbiratel'nyh sistem na predstavitel'stvo zhenshhin v postkommunisticheskikh gosudarstvakh (Influence of Electoral Systems on Representation of Women in post-Communist States) // Gendernaja rekonstrukcija politicheskikh sistem (Gender Reconstruction of Political Systems). N.M. Stepanovoj, M.M. Kirichenko, E.V. Kochkinov (eds.). St. Petersburg: Aleteya, 2003, pp. 725-735.]

²⁸ Голосов Г. В. Политические институты и доступ женщин к представительству в законодательных собраниях российских регионов // Гендерная реконструкция политических систем / Под ред. Н.М. Степановой, М.М. Кириченко, Е.В. Кочкиной. СПб.: Алетея, 2003. С. 677-702. [Goloso, G.V. Politicheskie instituty i dostup zhenshhin k predstavitel'stvu v zakonodatel'nyh sobranijah rossijskih regionov (Political institutions and women's access to representation in legislative assemblies of Russian regions) // Gendernaja rekonstrukcija politicheskikh sistem (Gender Reconstruction of Political Systems), N.M. Stepanovoj, M.M. Kirichenko, E.V. Kochkinov (eds.), SPb.: Aleteja, 2003, pp. 677-702.]

²⁵ Matland, R.; Taylor, M. Electoral System Effect on Women's Representation: Theoretical Arguments and Evidence from Costa Rica // *Comparative Political Studies*, 1997, Vol. 30, No. 2, pp. 186-210.

²⁶ Rule, W.; Shvedova, N. Women in Russia's First Multiparty Elections / In W. Rule, N. Noonan (eds.), *Russian Women in Politics and Society*. Westport, CT: Greenwood, 1996. Pp. 40-59.

Дизайн и результаты исследования

В качестве базы данных о персональном составе Госдумы использовались данные официального сайта Госдумы ФС РФ. Списки кандидатов (как федеральные, так и по одномандатным округам) в депутаты Госдумы, выдвинутых политическими партиями и избирательными блоками, были взяты с официальных сайтов ЦИК РФ, политических партий, электронного фонда правовой и нормативно-технической документации «Кодекс». Данные источники информации позволили собранные данные по двум (2003 и 2016 г.) из пяти парламентским выборам, которые проходили по смешанной системе. Данных, необходимых для проведения исследования, по более ранним думским выборам (1993, 1995 и 1999 г.) собрать не получилось в силу отсутствия таковых в открытых источниках (Сети Интернет) и в журнале «Вестник ЦИК».

В качестве инструмента исследования был выбран метод бинарной логистической регрессии. С помощью данного метода можно исследовать зависимость дихотомических переменных (бинарных, имеющих лишь два возможных значения) от независимых переменных, имеющих любой вид шкалы. Иными словами, зависимая переменная в случае бинарной логистической регрессии может принимать только два значения (наступление или ненаступление события). В качестве зависимой переменной выступал тип избирательной системы. Федеральные списки кандидатов, выдвинутые политическими партиями, кодировались 1, а списки кандидатов по одномандатным округам – 0. Независимой переменной являлась доля женщин-кандидатов как в федеральных списках политических партий, общественных организаций и избирательных блоков, так и в списках по одномандатным округам (см. Таб. 1).

Проведенный нами и представленный в Таблице 2 и 3 статистический анализ показал, что ни одна из гипотез не была на 100% подтверждена. Если мы обратимся к доле женщин как в федеральных списках кандидатов, так и в списках по одномандатным округам, то увидим, что на примере думских выборах 2016 г. рабочая гипотеза подтверждается (Значимость меньше 0,05), в то время как в 2003 г. выдвинутое предположение было опровергнуто. Таким образом, прийти к какому-нибудь однозначному выводу на примере рассмотрении только двух парламентских электоральных циклов не представляется возможным. С другой стороны, расширение выборки для более полного и глубокого анализа по ряду причин на практике нереализуемо. При обращении к уровню представленности женщин в Госдуме можно сказать, что доля женщин в «нижней» палате российского парламента разных созывов отличается, но разница находится в рамках статистической погрешности. Такой результат можно объяснить тем, что думские выборы 1-4 и 7 созывов проходили по смешанной, а не исключительно по мажоритарной системе относительного большинства. Можно предположить, что если бы парламентские выборы этих созывов были организованы по правилам плюрального голосования, тогда разница была бы более очевидной. Данная гипотеза нуждается в проверке на примере региональных и / или муниципальных выборов, что является одним из направлений дальнейших исследований.

Необходимо обозначить две основных объяснительных модели отсутствия взаимосвязи между высоким представительством женщин в Госдуме и пропорциональной избирательной системой.

Во-первых, утверждения о значимом положительном влиянии между двумя рас-

Таблица 1

Описательные характеристики переменных					
Независимые переменные	Число наблюдений	Среднее значение	Стандартное отклонение	Минимум	Максимум
2016	30	17,75333	8,332766	0,00	43,60000
2003	37	13,06757	5,460161	0,00	27,60000

Table 1. Descriptive characteristics of variables

Таблица 2

Статистические данные, полученные в результате бинарной логистической регрессии

Год	Стандарт. коэффициенты	Стандарт. ошибка	t	Значимость
2016	-0,18	0,08	-2,21	0,038
2003	0,01	0,06	0,21	0,83

Table 2. Binary Logistic Regression

Таблица 3

Представленность женщин в Госдуме (в %)

Год выборов депутатов Госдумы	1993	1995	1999	2003	2007	2011	2016
Тип избирательной системы	Смеш.	Смеш.	Смеш.	Смеш.	Пропорц.	Пропорц.	Смеш.
Доля женщин-депутатов	13,5	9,8	7,9	8,3	14,8	13,1	14

Table 3. Representation of women in the State Duma (in%)

сма триваемыми переменными были сделаны на основе исследований консолидированных демократий и экономически развитых государств. В этих условиях автоматическая пролонгация выше названного положения на Россию не совсем корректна в силу специфики ее политического, социального и культурного развития. На данный момент ее относят к государствам недемократическим и развивающимся²⁹.

Во-вторых, помимо фактора, связанного с типом избирательной системы, и тех, которые были обозначены в первом разделе, влияют и другие факторы, обуславливающие уровень представительства женщин в парламентах. Необходимо сказать о воздействии партийных характеристик. Так, М. Киттилсон, изучив присутствие женщин в парламентских партиях 12 развитых индустриальных стран, пришла к выводу о влиянии четырех партийных характеристик, которые имеют определенную объяснительную силу: организационная структура, партийная идеология, доля женщин-активисток и специфика выдвижения кандидатов. По мнению исследователя, благоприятно на представленность женщин влияют три аспекта партийной организационной структуры: высокая централизация партии, когда топ-менеджмент партии имеет контроль над созданием вакансий для женщин; высокая институционализация партии, т.е. четко прописанная совокупность

правил, посредством которых осуществляется отбор кандидатов; центральный уровень выдвижения кандидатов в депутаты. С точки зрения Киттилсон, еще одним объяснительным фактором является партийная идеология. Левые партии более склонны поддерживать кандидатуры женщин, чем правые партии, потому что первые придерживаются эгалитарной идеологии. Год, когда партия входит в политическую систему, может быть еще одним фактором, влияющим на представленность женщин. Данные свидетельствуют о том, что новые партии могут в большей степени поддерживать кандидатуры женщин, т.к. они с большей вероятностью придерживаются постматериалистических ценностей, таких как равенство. Наконец, высокая доля участия женщин в партии в качестве партийных активисток на местном уровне, внутрипартийных женских групп также должно способствовать укреплению власти женщин в партии³⁰.

Их всех партийных характеристик, оказывающих влияние на представленность женщин, рассмотрим, например, воздействие партийных идеологий. С точки зрения М. Киттилсон, левые партии чаще по сравнению с правыми склонны включать в списки избирателей и высшие партийные ряды женщин. Необходимо сразу отметить, что деление политико-идеологических ориентаций, позиций и партий на левых и правых в России отличается от западного подхода. Например, партия «Яблоко», которая придерживается

²⁹ Рейтинг стран мира по уровню демократии (Ranking of countries in the world by the level of democracy) / Гуманитарный портал. Режим доступа: <https://gtmarket.ru/ratings/democracy-index>

³⁰ Kittilson, M.C. Women's Representation in Parliament: The Role of Political Parties // *Party Politics*, 1999, Vol. 5, No. 1, pp. 79-98.

идеологии социального либерализма, в России считается правой, в то время как в Европе она была бы левой. Исходя из этого, можно сделать предположение, что российские правые партии, отстаивающие ценности свободы, частной собственности, прав человека и т.д., будут иметь в своих рядах больше женщин, чем коммунистическо-социалистические и националистические партии. Для проверки этого предположения посмотрим долю женщин в руководстве региональных отделений партий. В «Яблоко» эта доля составляет 35%, Партии дела – 20,9%, Гражданской инициативе – 16,3% и Партии малого бизнеса – 12,8%. Для сравнения: в КПРФ и Справедливой России – по 12,9%, а в Партии пенсионеров – 25,8%. В таких умеренно-националистических партиях, как «Родина» и «Казачья партия» доля женщин среди региональных лидеров составляет 1,3% и 1,8% соответственно. В данном случае мы воздержимся от вынесения однозначного вердикта относительно вышеназванного предположения в силу необходимости проведения отдельного эмпирического исследования с учетом всех нюансов и расширения выборки. Однако в заключении отметим, что будущая работа должна принимать во внимание один момент – часть политических партий, которая появилась после партийной реформы 2012 г., носит политтехнологический характер³¹.

Выводы

В настоящей статье рассматриваются взаимосвязь избирательных систем и представленности женщин в Госдуме ФС РФ. Подход, принятый в этой работе, состоял в том, чтобы более внимательно рассмотреть влияние избирательных систем на долю как женщин в Госдуме, так и женщин-кандидатов партийных списках. Однако помимо этого нами было изучено и присутствие женщин среди руководителей региональных отделений политических партий. Основная идея,

которая вдохновила данную работу, заключалась в том, что системы голосования не работают автоматически в плане определения доли женщин-парламентариев, хотя они и имеют принципиальное значение во влиянии на степень феминизации общества. Результаты нашего исследования показали, что в российских условиях утверждение о положительной корреляции между пропорциональной избирательной системой и высоким представительством женщин в парламенте не подтверждается. Избирательные системы являются одним из многих факторов, которые могут повлиять на представительство женщин в законодательных органах. Однако они не могут рассматриваться в качестве механизмов обеспечения или расширения представленности женщин, поскольку социокультурные и исторические реалии каждой страны оказывают воздействие на представленность женщин. Иными словами, системы голосования не являются независимыми от их контекста, т.к. они взаимодействуют с множеством других (культурных, социально-экономических и политических) переменных.

Литература:

- Андреевкова В. Представительство женщин парламентах России и Украины: опыт социологического анализа // Социологические исследования. 2000. № 11. С. 117-127.
- Голосов Г.В. Политические институты и доступ женщин к представительству в законодательных собраниях российских регионов // Гендерная реконструкция политических систем / Под ред. Н.М. Степановой, М.М. Кириченко, Е.В. Кочкиной. СПб.: Алетея, 2003. С. 677-702.
- Кочкина Е.В. Представительство женщин в структурах власти России, 1917-2002 гг. // Гендерная реконструкция политических систем / Под ред. Н.М. Степановой, М.М. Кириченко, Е.В. Кочкиной. СПб.: ИСПГ-Алетея, 2003. С. 477-523.
- Культура имеет значение: Каким образом ценности способствуют общественному прогрессу. М.: Моск. Школа Полит. Исслед., 2002. 315 с.
- Любарев А.Е., Вольхина М.В. Классификация новых политических партий // Политическая концептология. 2018. № 3. С. 234-240.
- Музер Р. Влияние избирательных систем на представительство женщин в посткоммунистических государствах // Гендерная реконструкция политических систем / Под ред. Н.М. Степановой, М.М. Кириченко, Е.В. Кочкиной. СПб.: Алетея, 2003. С. 725-735.
- Alexander, A.C. Big Jumps in Women's Presence in Parliaments: Are These Sufficient for Improving Beliefs in Women's Ability to Govern? // *Advancing Women in Leadership*, 2015, Vol. 35, pp. 82-97.

³¹ Любарев А.Е., Вольхина М.В. Классификация новых политических партий // Политическая концептология. 2018. № 3. С. 234-240. [Ljubarev, A.E.; Vol'hina, M.V. Klassifikacija novyh politicheskikh partij (Classification of New Political Parties) // *Politicheskaja konceptologija*, 2018, No. 3. pp. 234-240.]

Barnes, T.; Beaulieu, E. Women Politicians, Institutions, and Perceptions of Corruption // *Comparative Political Studies*, 2019, Vol. 52, No. 1, pp. 134-167.

Burnet, J. Gender Balance and the Meanings of Women in Governance in Post-Genocide Rwanda // *African Affairs*, 2008, Vol. 107, Iss. 428, pp. 361-386.

Duflo, E. Women Empowerment and Economic Development // *Journal of Economic Literature*, 2012, Vol. 50, No. 4, pp. 1051-1079.

Elgie, R. The Effect of Increased Women's Representation in Parliament: The Case of Rwanda // *Parliamentary Affairs*, 2008, Vol. 61, No. 2, pp. 237-254.

Inglehart, R.; Norris, P. Rising Tide: Gender Equality and Cultural Change around the World / R. Inglehart, P. Norris. Cambridge: Cambridge University Press, 2003.

Kittilson, M.C. Women's Representation in Parliament: The Role of Political Parties // *Party Politics*, 1999, Vol. 5, No. 1, pp. 79-98.

Krook, M. Gender Quotas, Norms and Politics // *Politics and Gender*, 2006, Vol. 2, No. 1, pp. 110-118.

Matland, R. Women's Representation in National Legislatures: Developed and Developing Countries // *Legislative Studies Quarterly*, 1998, Vol. 23, No. 1, pp. 109-125.

Matland, R.; Taylor, M. Electoral System Effect on Women's Representation: Theoretical Arguments and Evidence from Costa Rica // *Comparative Political Studies*, 1997, Vol. 30, No. 2, pp. 186-210.

Norris, P. Women's Legislative Participation in Western Europe // *Western European Politics*, 1985, No. 8, pp. 90-101.

Paxton, P.; Kunovich, S. Women's Political Representation: The Importance of Ideology // *Social Forces*, 2003, Vol. 82, No. 1, pp. 87-114.

Rule, W. Electoral Systems, Contextual Factors, and Women's Opportunity for Election to Parliament in Twenty-Three Democracies // *Western Political Quarterly*, 1987, Vol. 40, pp. 477-98.

Rule, W.; Shvedova, N. Women in Russia's First Multiparty Elections / In W. Rule, N. Noonan (eds.), *Russian Women in Politics and Society*. Westport, CT: Greenwood, 1996. Pp. 40-59.

Salmond, R. Proportional Representation and Female Parliamentarians // *Legislative Studies Quarterly*, 2006, Vol. 31, No. 2, pp. 175-204.

Salnykova, A. Electoral Reforms and Women's Representation in Ukraine / In O. Hankivsky, A. Salnykova (eds.), *Gender, Politics and Society in Ukraine*. Toronto: University of Toronto Press, 2012. Pp. 75-97.

Tremblay, M. Introduction / In M. Tremblay (ed), *Women and Legislative Representation Electoral Systems, Political Parties, and Sex Quotas*. London: Palgrave Macmillan, 2008. Pp. 1-22.

Tripp, A.M. The Politics of Autonomy and Cooptation in Africa: the Case of the Ugandan Women's Movement // *The Journal of Modern African Studies*, 2001, Vol. 39, No. 1, pp. 101-128.

References:

Alexander, A.C. Big Jumps in Women's Presence in Parliaments: Are These Sufficient for Improving Beliefs in Women's Ability to Govern? // *Advancing Women in Leadership*, 2015, Vol. 35, pp. 82-97.

Andreenkova, V. Predstavitel'stvo zhenshhin parlamenta Rossii i Ukrainy: opyt sociologicheskogo analiza (Representation of women in the parliaments of Russia and

Ukraine: experience of sociological analysis) // *Sociologicheskie issledovaniya*, 2000, No. 11, pp. 117-127.

Barnes, T.; Beaulieu, E. Women Politicians, Institutions, and Perceptions of Corruption // *Comparative Political Studies*, 2019, Vol. 52, No. 1, pp. 134-167.

Burnet, J. Gender Balance and the Meanings of Women in Governance in Post-Genocide Rwanda // *African Affairs*, 2008, Vol. 107, Iss. 428, pp. 361-386.

Duflo, E. Women Empowerment and Economic Development // *Journal of Economic Literature*, 2012, Vol. 50, No. 4, pp. 1051-1079.

Elgie, R. The Effect of Increased Women's Representation in Parliament: The Case of Rwanda // *Parliamentary Affairs*, 2008, Vol. 61, No. 2, pp. 237-254.

Golosov, G.V. Politicheskie instituty i dostup zhenshhin k predstavitel'stvu v zakonodatel'nyh soboraniyah rossijskikh regionov (Political institutions and women's access to representation in legislative assemblies of Russian regions) // *Gendernaja rekonstrukcija politicheskikh sistem (Gender Reconstruction of Political Systems)*, N.M. Stepanovoj, M.M. Kirichenko, E.V. Kochkinoy (eds.), SPb.: Aletejja, 2003, pp. 677-702.

Inglehart, R.; Norris, P. Rising Tide: Gender Equality and Cultural Change around the World / R. Inglehart, P. Norris. Cambridge: Cambridge University Press, 2003.

Kittilson, M.C. Women's Representation in Parliament: The Role of Political Parties // *Party Politics*, 1999, Vol. 5, No. 1, pp. 79-98.

Kochkina, E.V. Predstavitel'stvo zhenshhin v strukturah vlasti Rossii, 1917-2002 gg. (Representation of women in the power structures of Russia, 1917-2002) // *Gendernaja rekonstrukcija politicheskikh sistem (Gender reconstruction of political systems)*, N.M. Stepanovoj, M.M. Kirichenko, E.V. Kochkinoy (eds.), SPb.: Aletejja, 2003, pp. 477-523.

Krook, M. Gender Quotas, Norms and Politics // *Politics and Gender*, 2006, Vol. 2, No. 1, pp. 110-118.

Kul'tura imeet znachenie: Kakim obrazom cennosti sposobstvujut obshhestvennomu progressu (Culture Matters: How Values Contribute To social Progress). Moscow: Mosk. Shkola Polit. issled., 2002. 315 p.

Ljubarev, A.E.; Vol'hina, M.V. Klassifikacija novyh politicheskikh partij (Classification of New Political Parties) // *Politicheskaja konceptologija*, 2018, No. 3, pp. 234-240.

Matland, R. Women's Representation in National Legislatures: Developed and Developing Countries // *Legislative Studies Quarterly*, 1998, Vol. 23, No. 1, pp. 109-125.

Matland, R.; Taylor, M. Electoral System Effect on Women's Representation: Theoretical Arguments and Evidence from Costa Rica // *Comparative Political Studies*, 1997, Vol. 30, No. 2, pp. 186-210.

Muzer, R. Vlijanie izbiratel'nyh sistem na predstavitel'stvo zhenshhin v postkommunisticheskikh gosudarstvakh (Influence of Electoral Systems on Representation of Women in post-Communist States) // *Gendernaja rekonstrukcija politicheskikh sistem (Gender Reconstruction of Political Systems)*, N.M. Stepanovoj, M.M. Kirichenko, E.V. Kochkinoy (eds.), St. Petersburg: Aleteya, 2003, pp. 725-735.

Norris, P. Women's Legislative Participation in Western Europe // *Western European Politics*, 1985, No. 8, pp. 90-101.

Paxton, P.; Kunovich, S. Women's Political Representation: The Importance of Ideology // *Social Forces*, 2003, Vol. 82, No. 1, pp. 87-114.

Rule, W. Electoral Systems, Contextual Factors, and Women's Opportunity for Election to Parliament in Twen-

ty-Three Democracies // *Western Political Quarterly*, 1987, Vol. 40, pp. 477-98.

Rule, W.; Shvedova, N. Women in Russia's First Multiparty Elections / In W. Rule, N. Noonan (eds.), *Russian Women in Politics and Society*. Westport, CT: Greenwood, 1996. Pp. 40-59.

Salmond, R. Proportional Representation and Female Parliamentarians // *Legislative Studies Quarterly*, 2006, Vol. 31, No. 2, pp. 175-204.

Salnykova, A. Electoral Reforms and Women's Representation in Ukraine / In O. Hankivsky, A. Salnykova

(eds.), *Gender, Politics and Society in Ukraine*. Toronto: University of Toronto Press, 2012. Pp. 75-97.

Tremblay, M. Introduction / In M. Tremblay (ed), *Women and Legislative Representation Electoral Systems, Political Parties, and Sex Quotas*. London: Palgrave Macmillan, 2008. Pp. 1-22.

Tripp, A.M. The Politics of Autonomy and Cooptation in Africa: the Case of the Ugandan Women's Movement // *The Journal of Modern African Studies*, 2001, Vol. 39, No. 1, pp. 101-128.

DOI: 10.24411/2221-3279-2021-10021

HIGH REPRESENTATION OF WOMEN IN PARLIAMENT AND PROPORTIONAL ELECTORAL SYSTEM: DOES THIS RELATIONSHIP WORK IN RUSSIA?

Ruslan S. Mukhametov

*Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin,
Yekaterinburg, Russia*

Article history: <i>Received:</i> 02.10.2020 <i>Accepted:</i> 16.04.2021	Abstract: What factors influence the level of representation of women in parliaments? There are several explanatory models in the research literature, but a broad consensus is formed around one. Research shows that there is a strong correlation between the level of women's representation and the type of electoral system. It is noted that the high representation of women in Parliament is associated with the conduct of elections based on the proportional electoral system. The author emphasizes that scientists came to this statement as a result of, first, analyzing data from developed countries, consolidated democracies and, second, conducting cross-country research. The purpose of this article is to verify this provision in Russian conditions. To achieve this goal, the author collected empirical material based on lists of candidates (both Federal and single-mandate districts) of political parties. The research method was regression analysis. As a result of statistical calculations, the author came to the conclusion that the Duma elections under the proportional system do not ensure high representation of women. It is shown that the voting system does not work automatically in terms of determining the proportion of women parliamentarians. Electoral systems are one of the many factors that can affect women's representation in legislative bodies. Other factors are party characteristics such as party ideology.
About the author: Associate Professor, Department of Political Science, UrFU e-mail: muhametov.ru@mail.ru	
Key words: gender; women; Parliament; electoral system; elections; political parties	<i>Acknowledgements:</i> the research was carried out with the financial support of the Russian Foundation for Basic Research and the EISS within the framework of the scientific project No. 20-011-31049 "Regional party elite: socio-demographic characteristics, recruitment channels, career trajectories"

Для цитирования: Мухаметов Р.С. Высокое представительство женщин в парламенте и пропорциональная избирательная система: работает ли эта взаимосвязь в России? // *Сравнительная политика*. 2021. № 2. С. 82-93.

DOI: 10.24411/2221-3279-2021-10021

For citation: Mukhametov, Ruslan S. Vysokoye predstavitel'stvo zhenshchin v parlamente i proporcional'naya izbiratel'naya sistema: rabotayet li eta vzaimosvyaz' v Rossii? (High Representation of Women in Parliament and Proportional Electoral System: Does this Relationship Work in Russia?) // *Comparative Politics Russia*, 2021, No. 2, pp. 82-93.

DOI: 10.24411/2221-3279-2021-10021

DOI: 10.24411/2221-3279-2021-10022

СТОЛКНОВЕНИЕ ИНТЕРЕСОВ И ГЕОПОЛИТИЧЕСКОЕ СОПЕРНИЧЕСТВО В РЕГИОНЕ КРАСНОГО МОРЯ

Сергей Александрович Иванов

Российский институт стратегических исследований (РИСИ),
Москва, Россия

Елена Михайловна Савичева

Российский университет дружбы народов (РУДН),
Москва, Россия

Валерий Павлович Титов

Независимый исследователь,
Москва, Россия

Информация о статье: <i>Поступила в редакцию:</i> 25 сентября 2020 <i>Отправлено на редактирование:</i> 22 марта 2021 <i>Принята к печати:</i> 15 мая 2021	Аннотация: Ареал, включающий в себя водные просторы Красного моря и Аденского залива, по которым прокладывали курс еще древние мореплаватели, а также сухопутные пространства Северо-Восточной Африки (Африканский Рог и сопредельные территории), стремительно превращается в важный в геополитическом плане регион. Речь идет об обеспечении свободного доступа в Красное море и, следовательно, к Суэцкому каналу, что значительно сокращает маршрут и уменьшает время доставки грузов (в том числе энергоносителей), облегчает и удешевляет товарообмен между странами Европы и Азии. Однако столь важный в стратегическом плане регион оказывается крайне нестабильным и турбулентным. Судоходство здесь осуществляется, отчасти, по нескольким узким проливам, получившим в экспертной среде наименование «удушающих» и «шоковых точек» современной геополитики. Четко обозначилась тенденция к усилению соперничества в этом некогда «сонном» регионе: такие арабские страны, как Египет, Саудовская Аравия, ОАЭ, стремятся обеспечить здесь свои интересы в конкуренции с другими ближневосточными «тяжеловесами» – Турцией и Ираном, и к указанным последними неарабским акторам с недавних пор примыкает Катар. Ускорившаяся динамика событий приводит к изменениям в балансе сил, что не остается без внимания внерегиональных держав – Китая, США и других, включая, конечно же, и Россию. В представленной статье ставится задача осмыслить сложившиеся политические реалии в рассматриваемом регионе, выявить военно-политические и торгово-экономические факторы, детерминирующие геостратегическую важность акватории Красного моря и прилегающих к нему территорий, определить особенности отношений между странами региона, а также их взаимодействие с внерегиональными игроками.
Об авторах: <i>С.А. Иванов</i>, к.и.н., ведущий научный сотрудник, Российский институт стратегических исследований (РИСИ) e-mail: sergey.ivanov@riss.ru <i>Е.М. Савичева</i>, к.и.н., доцент Российского университета дружбы народов (РУДН) e-mail: savicheva@mail.ru <i>Титов В.П.</i>, к.и.н., независимый исследователь e-mail: titovvp@mail.ru	
Ключевые слова: Красное море; Суэцкий канал; Африканский Рог; геополитические интересы; соперничество; конфликты; безопасность	<i>Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-014-00039 на тему «Модели и риски сотрудничества в регионе Ближнего и Среднего Востока в первой четверти XXI века»</i>

Географические константы и геополитические реалии: синергия воздействия на мировую политику

Практически каждая историческая эпоха отмечена появлением у ведущих мировых держав новых, учитывающих меняющийся баланс сил теорий и концепций, на основе которых создавались механизмы завоевания и удержания господства в тех или иных регионах, а в более масштабном плане – конструировались рычаги управления мировыми процессами¹. Особое место в геополитических расчетах традиционно отводилось военно-морской силе и контролю над международными морскими магистралями. Американский военно-морской историк и геополитик Альфред Тайер Мэхэн, к примеру, указывал на важность достижения превосходства на морских просторах ради обретения статуса великой державы². В частности, он полагал, что ключевой зоной в мировой политике и в борьбе за мировое господство является «северная континентальная полусфера», южная граница которой обозначается Суэцким и Панамским каналами, и это – рубеж наибольшей интенсивности мировой торговли и политической активности.

Схожих взглядов придерживался Карл Хаусхофер, немецкий политический деятель и ученый, основоположник германской школы геополитики, который утверждал, что одним из устремлений любой великой державы является достижение всеобъемлющего контроля над геостратегическими зонами. В качестве примера он ссылаясь на зоны тех же Суэцкого и Панамского каналов, контроль над которыми во многом обеспечил реализацию геополитических целей колониальных государств³.

В новейших разработках, относящихся к теории международных отношений, за последнее время чаще стало фигурировать понятие «регионализм»⁴. В этой связи можно согласиться с мнением отечественного политолога А.Б. Каримовой: «Объемы, которые занимают региональные отношения в международном переговорном процессе и стратегической деятельности, доказывают, что регион стал частью одной из сложнейших проблем теории и практики межгосударственных отношений – становления нового международного порядка, определившись как цель и средство стратегии доминирования»⁵.

Действительно, региональные пространства, по выражению цитируемого автора, сделались неотъемлемым фактом международной среды. Притом некоторые ограниченные определенными географическими рамками ареалы лишь относительно недавно стали восприниматься именно в отдельном регионально-стратегическом контексте, а до того считались скорее как промежуточные (чаще водные и весьма обширные) пространства между другими – однако такими, что уже бесспорно рассматривались в качестве самостоятельных регионов.

О geopolitike: Raboty raznykh let (On Geopolitics: Works of Different Years). Moscow: Thought, 2001.]

¹ Mackinder, H.J. The Geographical Pivot of History // *The Geographical Journal*, 1904, No. 4 (April), Vol. XXIII, pp. 421-437.

² Мэхэн А.Т. Влияние морской силы на историю, 1660-1783 (перевод с англ.яз.). М., 2002. С. 600. [Mahan, A.T. Vliyaniye morskoy sily na istoriyu, 1660-1783 (The Influence of Sea Power on History, 1660-1783) (translated from English). Moscow, 2002. P. 600.]

³ Хаусхофер К. О геополитике: Работы разных лет. М.: Мысль, 2001. [Haushofer, K.

⁴ Воскресенский А.Д. Концепции регионализации, региональных подсистем, региональных комплексов и региональных трансформаций в современных международных отношениях // *Сравнительная политика*. 2012. № 3. С. 30-58. [Voskressenski, A.D. Kontseptsii regionalizatsii, regional'nykh podsystem, regional'nykh kompleksov i regional'nykh transformatsiy v sovremennykh mezhdunarodnykh otnosheniyakh (Concepts of Regionalization, Regional Subsystems, Regional Complexes and Regional Transformations in Modern International Relations) // *Comparative Politics Russia*, 2012, No. 3, pp. 30-58.]; Mattheis, Frank; Raineri, Luca; Russo, Alessandra. Fringe Regionalism. When Peripheries Become Regions. Palgrave Macmillan, 2019.

⁵ Каримова А.Б. Индо-тихоокеанский постатлантизм // *Сравнительная политика*. 2019. Т.10. № 2. С. 37. [Karimova, A.B. Indotikhookeanskiy postatlantizm (Indo-Pacific Post-Atlanticism) // *Comparative Politics Russia*, 2019, No. 2, p. 37.]

Отметим рост числа акторов, играющих (или стремящихся сыграть) на этом уровне активную роль – и это не только мировые или региональные державы, но с некоторых пор и отдельные местные режимы с отчетливо выраженными амбициями. Например, в видении Зака Вертина, исследователя Программы по внешней политике Брукингского Института, «ОАЭ не выдвигают прямых претензий на «место за столом» форума Красного моря, но на деле являются одним из самых активных политических, военных и экономических игроков в регионе Красного моря»⁶.

К сожалению, в последнее время сфера безопасности оказалась под растущим давлением конфронтационных процессов, развивающихся в регионе Красного моря и по соседству с ним. Острейший трансрегиональный конфликт между США и Ираном служит тому ярким примером и наглядной иллюстрацией.

Специфика геополитической ситуации в акватории Красного моря с прилегающим сегментом Индийского океана определяется целым комплексом факторов – геостратегических, военно-политических, торгово-финансовых. Акватория Красного моря – это сравнительно узкое водное пространство – которое, всего около 300 км в самом широком месте, простирается в длину на 2,25 тыс. км от Синайского полуострова до Аденского залива и соединяет Средиземноморье (Атлантический бассейн) с просторами Индийского океана. В настоящее время через Красное море перемещается около 1/5 объема всей мировой торговли. До недавнего времени здесь ежегодно проходило около 20000 судов во встречных направлениях – из Красного моря в Средиземное и/или обратно – через Суэцкий канал к Индийскому океану. После завершившейся в 2015 г. модернизации канала данный показатель, согласно официальной египетской статистике, увеличился до 70000 судов в 2018-19 финансовом году, а грузопоток к тому моменту

поднялся до 4 млрд тонн⁷. Через эту важнейшую артерию мировой экономики осуществляются поставки энергоресурсов и других крупнейших грузовых объемов⁸.

Долговременная эксплуатация Суэцкого канала существенно увеличила коммуникационные возможности и связи Европы с Ближневосточным регионом, а также вывела на качественно новый уровень контакты Европы с Восточной Африкой, Южной и Юго-Восточной Азией и Австралией. Так, водный путь между Западной Европой и Индией сократился почти на 8000 км; расстояние от Нью-Йорка до портов Ирака при следовании через канал, а не вокруг Африки, уменьшилось более чем в два раза, а от Одессы до Бомбея – почти в три. Вполне естественно, что это создало принципиально новую геополитическую ситуацию на стыке Европы, Азии и Африки, одним из следствий которой стало усиление позиций Египта, а одновременно с этим – и обострившееся соперничество между ведущими державами за контроль над побережьем Красного моря и Индийского океана⁹. С активизацией нефте- и газодобычи на Ближнем и Среднем Востоке стратегическое значение Суэцкого канала еще более возросло, притом очень значительно. Он не раз оказывался в эпицентре арабо-израильских войн, из-за него разгорались серьезные международные конфликты.

На восточном берегу Красного моря простираются территории Королевства Саудовская Аравия (КА) и Йемена, а на западном

⁶ Vertin, Z. Toward a Red Sea Forum: The Gulf, the Horn of Africa, & Architecture for a New Regional Order / Brookings Doha Center Analysis Paper Number 27, November 2019. P. 28.

⁷ Celebrating the 4th Anniversary of the New Suez Canal Inauguration. August 6, 2019 / Suez Canal Authority. Mode of access: https://www.suezcanal.gov.eg/English/MediaCenter/News/Pages/sca_06-08-2019.aspx

⁸ Jones, B. To Rule the Waves: How Control of the World's Oceans Determines the Fate of the Superpower. N. Y.-L., Scribner, 2021.

⁹ Савичева Е.М., Турекулова Ж.Е. Роль Суэцкого канала в контексте обеспечения региональной безопасности на Ближнем Востоке // Вестник РУДН. Серия: международные отношения. 2014. № 2. С. 75-84. [Savicheva, E.M.; Turekulova, Zh.E.; Rol' Suetskogo kanala v kontekste obespecheniia regional'noi bezopasnosti na Blizhnem Vostoke (The Role of the Suez Canal in the Context of Regional Security in the Middle East) // Vestnik RUDN. Seriya: mezhdunarodnye otnosheniia, 2014, No. 2, pp. 75-84.]

расположены Египет, Судан, Эритрея, Джибути и Сомали. До 1991 г. Эритрея являлась частью Эфиопии, обособившись затем в качестве суверенного государства; однако и по сей день действия Аддис-Абебы, почти 30 лет назад лишившейся выхода к морю, оказывают заметное воздействие на геополитику региона. По аналогии, Южный Судан, являвшийся частью Республики Судан до 2011 г., также включается в рассматриваемый ареал, несмотря на отсутствие у этого новообразованного государства морского побережья.

Важно отметить, что в регионе Красного моря наблюдается формирование принципиально важной ситуации, когда многосторонние нормы, принципы и институты, применяемые в Африке за последние десятилетия, вступают во все более острое противоречие с проводимой монархиями Персидского залива транзакционной практикой вливания денежных средств и проецирования силы¹⁰.

Интересен экспертный прогноз Джорджа Фридмана, авторитетного американского специалиста в области международных отношений, который содержится в аналитическом труде по проблематике рассматриваемого региона. В его интерпретации, Красное море имеет несколько «удушающих (шоковых) точек». На севере находится Суэцкий канал, блокировка которого может серьезно нарушить торговлю между Азией и Европой. В период 1967-1975 гг., когда движение по каналу из-за неурегулированности арабо-израильского конфликта оказалось прервано, стоимость трансконтинентальных морских перевозок, например, для Великобритании возросла настолько резко, что в 1967 г. Лондон был вынужден девальвировать свою валюту примерно на 14%. Это, по убеждению автора, будто бы стало одним из решающих факторов, приведших к краху Бреттон-Вудской системы¹¹.

В устье залива Акаба находятся два небольших безлюдных острова – Тиран и Санафир (в середине 2017 г. Египет «уступил» их Саудовской Аравии), которые теоретически могут быть использованы для блокировки доступа Израиля и Иордании к Красному морю. Израиль располагает другим и гораздо более протяженным берегом на Средиземноморье, а вот для Иордании менее чем 30-ти километровая полоса красноморского побережья (г. Акаба) дает единственную возможность выхода на просторы океана. В свое время именно события в Тиранском проливе, образованном этими двумя островками, послужили триггером для арабо-израильской войны 1967 г., известной как «шестидневная война». Египет тогда заблокировал проливы, перекрыв проход, через который Израиль получал 90% поступающей в страну нефти. Спустя месяц, в июне 1967 г., египетская и сирийская армии были наголову разгромлены израильтянами.

Значение Тиранского пролива, по мнению ряда аналитиков, получает совершенно новое измерение в свете планов КСА развернуть здесь строительство гигантского и суперсовременного города-курорта Неом (Neom). Саудовский проект «умного и трансграничного» туристического города-кластера предполагается реализовать в провинции Табук на крайнем северо-западе королевства. В проекте задействована также обширная акватория Красного моря у египетской и иорданской границ. Общая направленность замысла заключается в позиционировании Саудовской Аравии как передовой страны XXI столетия, которая призвана стать моделью и примером для других.

О плане создания города впервые объявил наследный принц Мухаммед ибн Салман на конференции в Эр-Рияде «Инвестиционная инициатива будущего» 24 октября 2017 года¹². Он заявил, что планируемый город будет работать независимо от «существующей государственной систе-

¹⁰ См., например, подробнее: Vertin, Z. Toward a Red Sea Forum: The Gulf, the Horn of Africa, & Architecture for a New Regional Order / Brookings Doha Center. Analysis Paper Number 27, November 2019. P. 29-30; Kaplan, R.D. Monsoon. The Indian Ocean and the Future of American Power. N.Y., Random House, 2010.

¹¹ Freedman, George. Deep Dive. Mode of access: <https://geopoliticalfutures.com/red-sea-alliances-shift-tide>

¹² Saudi Arabia Just Announced Plans to Build a Mega City That Will Cost \$500 Billion / Bloomberg. 2017. Mode of access: <https://www.bloomberg.com/news/articles/2017-10-24/saudi-arabia-to-build-new-mega-city-on-country-s-north-coast>

мы», с собственным налоговым и трудовым законодательством и автономной судебной системой. А годом ранее, в ходе встречи короля Салмана ибн Абдул-Азиз Аль Сауд с президентом АРЕ Абдель Фаттахом ас-Сиси (8 апреля 2016 г.) был анонсирован проект строительства многокилометрового моста для соединения будущего саудовского чудогорода с египетским южным Синаем¹³.

Инициатива по сооружению Неома служит составной частью сверхмасштабной программы «Видение Саудовской Аравии 2030», ориентированной на сокращение зависимости от нефти, переход к высоким технологиям и постнефтяной эпохе, диверсификацию её экономики и развитие сектора государственных услуг¹⁴.

Клаус Кляйнфельд, именитый стратегический менеджер из Германии и бывший президент и генеральный директор Siemens AG, был заранее определен руководить развитием будущего «города мечты». Как предполагается, в «городе мечты» роботам отойдут такие функции, как сфера безопасности, логистика, ритейлерская доставка и домашняя уборка, а сам город должен подпитываться исключительно ветровой и солнечной энергией. Поскольку всё будет проектироваться и строиться с нуля, то вполне возможны и другие инновации. Планирование и строительство предполагалось начать при стартовом бюджете размером 500 млрд долл. США, выделяемых Саудовским государственным инвестиционным фондом, и при участии внешних инвесторов. Первый этап проекта изначально намечалось завершить к 2025 году. Однако жизнь с учетом разразившейся глобальной пандемии COVID-19, а также с поправкой на традиционную амбициозность анонсируемых королевскими властями в прошлом и настоящем грандиозных планов, внесла свои коррективы – реалии из сфер экономики и политики могут, как минимум, серьезно затормозить воплощение в жизнь упомянутых инициатив и планов государства – хранителя святых мест ислама¹⁵.

Южнее, у входа в Красное море со стороны Индийского океана и примерно на полпути между Эритреей и Йеменом расположена цепь вулканических островов Ханиш. В 1995 г. названные страны вступили в трехдневное противоборство за обладание архипелагом. Международный арбитраж в итоге вынес решение в пользу Йемена, но рекомендовал сохранить режим свободного рыболовства, в котором заинтересованы эритрейцы.

Однако главная «шоковая точка» рассматриваемого региона – это пролив Баб-эль-Мандеб, который представляет собой узкий проход из Красного моря в Аденский залив. Здесь остров Перим разделяет пролив на 2 рукава – восточный и западный. Пролив имеет ширину около 18 миль в самом узком месте между Йеменом и Джибути – и большинство транспортных потоков, проходящих через него, пользуются западным рукавом, чья ширина составляет 13 миль¹⁶. Относительно недавно в этих краях беспрепятственно орудовали сомалийские пираты, создавая серьезную угрозу международному судоходству. Кстати, в деятельности многонациональных сил по борьбе с пиратством с 2009 г. принимала участие Турция, и это явилось первым сигналом ее вовлеченности в дела Красноморского региона, ставшего затем одним из важных направлений внешней политики стратегии Анкары.

Местные прибрежные государства Африки и Аравии, многие из которых, казалось бы, не проявили себя активными участниками «политических игр» на международном уровне, в настоящее время получили реальные рычаги влияния на безопасность регионального, а порой и глобального уровня. Фактически это вновь вернуло Африканскому Рогу и южной части Красного моря роль арены соперничества ведущих держав – так, как было когда-то, в период «холодной войны» между Советским Союзом и Соединенными Штатами, отстаивавшими свои позиции в зоне Индийского океана.

¹³ Saudi Vision 2030. Mode of access: <https://www.vision2030.gov.sa>

¹⁴ Ibid.

¹⁵ Assessing Saudi Vision 2030: A 2020 review / Atlantic Council. Mode of access: <https://www.atlanticcouncil.org>

¹⁶ Parting the Red Sea: Why the Chinese and U.S. Armies Are Fortifying this Tiny African country. Mode of access: <https://www.theglobeandmail.com/world/article-parting-the-red-sea-why-the-chinese-and-us-armies-are-fortifying/>

О важности и актуальности рассматриваемой проблематики говорит и множество аналитических трудов, вышедших на Западе (ссылка содержит несколько подобных работ, причем только за один 2019 год)¹⁷. Результатом усиливающейся здесь конкуренции стало стремление внерегиональных игроков застолбить «точки влияния» – военные базы и опорные пункты. В этом контексте весьма показательным примером является стратегически выгодное расположение государства Джибути (бывшего французского Сомали), на территории которого располагают, в большей или меньшей степени, военной инфраструктурой США, КНР, европейские государства (Франция, Германия, Италия, Испания), а также Япония¹⁸.

В реальной политике морская безопасность нередко оказывается под ударом по причинам, совершенно не связанным с акваториальной ситуацией. Так, между прибрежными государствами могут происходить войны за овладение сухопутными природными ресурсами; еще более распространенное явление – конфликты с этноконфессиональной составляющей. К примеру, этнические арабы-мусульмане зачастую враждуют с другими этноконфессиональными общностями, сунниты противостоят шиитам, умеренные мусульмане сталкиваются с джихадистами. Вследствие этого фактор

контроля (возможно, пока еще не установленного) над узловыми морскими проходами в регионе, где присутствует большое количество национальных и религиозных «идентичностей», а фактор государственной власти откровенно слаб – сам по себе может являться предметом соперничества и даже причиной для вооруженных столкновений.

Особенности политики ведущих государств побережья Красного моря

В регионе Красного моря выделяются три государства, обладающие наиболее весомым (а при этом и разно наполненным) внешнеполитическим ресурсом – это Египет, Израиль и Саудовская Аравия. Вместе с тем, немалые амбиции стали здесь проявлять и другие государства Персидского залива – ОАЭ, Катар, вкладывающие с расчетом на перспективу значительные средства в экономически слабые страны региона. Египет, располагающий крупнейшими (по ближневосточным меркам) вооруженными силами, принято считать одним из центров силы в арабском мире. Общеизвестно, что обладание Суэцким каналом дает Каиру очевидные преимущества в плане безопасности и реализации региональных лидерских амбиций. Для египетской экономики канал давно стал важнейшим из «бюджетонаполняющих» проектов (до 10% от общего объема поступлений твердой валюты; ежегодные поступления составляли более 5 млрд долларов США, а в 2018/2019 финансовом году был достигнут рекордный показатель – около 6 млрд долларов; рост доходности фиксировался на 5,4% больше по сравнению с предыдущим финансовым годом, что эквивалентно 300 млн долларов)¹⁹.

Вместе с тем, экономика Египта была несколько подорвана событиями «арабской весны», следствием чего стала возрастающая зависимость от экономической помощи Саудовской Аравии. Так, в 2017 г. в обмен на экономическую поддержку в размере объемом 25 млрд долларов власти Египта, невзирая на общественные протесты, переуступили королевству права владения

¹⁷ Melvin, Neil. The Foreign Military Presence in the Horn of Africa Region / SIPRI Background Paper, 2019. April. Mode of access: https://www.sipri.org/sites/default/files/2019-05/sipribp1904_2.pdf; Vertin, Zach. Red Sea Rivalries. The Gulf States are Playing a Dangerous Game in the Horn of Africa / Foreign Affairs, 2019. 15 January. Mode of access: <https://www.foreignaffairs.com/articles/east-africa/red-sea-rivalries>; Vertin, Zach. Red Sea Rivalries: the Gulf, the Horn and New Geopolitics of the Red Sea / Brookings Doha Center, 2019. 18 April. Mode of access: <https://www.brookings.edu/events/res-sea-rivalries-the-gulf-the-horn-and-the-new-geopolitics-of-the-red-sea>

¹⁸ Красное море и Аденский залив: борьба за доминирование. Материалы конференции / под ред. В.П.Фитина. М., РИСИ, 2019. С. 7. [Krasnoye more i Adenskiy zaliv: bor'ba za dominirovaniye (The Red Sea and the Gulf of Aden: Struggle for Dominance). Conference materials / ed. by V.P. Fitin. Moscow, RISS, 2019. P. 7.]

¹⁹ Suez Canal Authority Official Site. Mode of access: <http://www.suezcanal.gov.eg/>

островами Тиран и Санафир, что вызывало неоднозначную реакцию в египетском обществе. Известный дипломат и общественный деятель, экс-руководитель МАГАТЭ М.аль-Барадей в этой связи призывал к «спасению того, что может быть еще спасено в Египте»²⁰. Таким образом, ряд монархий Залива, среди которых КСА, Катар и ОАЭ, стремились воспользоваться финансовыми трудностями и временно возобладавшем в Египте политическим хаосом для приобретения контроля над важнейшими сферами египетской экономики (включая нефтегазовую отрасль, туризм и Суэцкий канал), что привело бы к усилению их влияния в арабомусульманском мире²¹.

Израиль географически соседствует и с Египтом, и с КСА. Общим приоритетом для Израиля и Египта служит борьба с джихадистами, которые, в свою очередь, рассматривают Израиль как страну-оккупанта арабских земель, а Египет из-за его сотрудничества с Израилем считают чуть ли не соучастником этой оккупации. В сложившихся реалиях одним из императивов политики Израиля является обеспечение свободного выхода через Тиранский пролив к Красному морю, и неотъемлемым компонентом этих усилий стало установление хороших рабочих отношений с Каиром.

Что касается взаимодействия Эр-Рияда и Тель-Авива, то, несмотря на исторический антагонизм Саудовской Аравии в отношении Израиля (что, впрочем, медленно, но верно сходит на нет), два крайне несхожих государства близки в своей позиции по Ирану,

поскольку оба исходят из необходимости всемерно противодействовать его влиянию²². Для КСА озабоченность, по крайней мере, в военном отношении, связана с поддержкой иранцами повстанцев-хуситов в соседнем Йемене. Для Израиля непреходящей и актуальной угрозой видится деятельность проиранской «Хизбаллы» в Ливане – государстве, которое граничит с Израилем и на территории которого Израиль уже неоднократно предпринимал военные операции²³.

Будучи крупнейшим мировым экспортером энергоресурсов, Саудовская Аравия жизненно заинтересована в стабильном, свободном, безопасном доступе к морским магистралям. Королевство экспортирует углеводороды в основном через Персидский залив. Однако в Эр-Рияде опасаются вероятности нарушения Ираном свободы движения танкеров и других судов через Ормузский пролив. Таким образом, саудовцам требуется иметь в наличии резервный маршрут водных перевозок через Красное море, дающий доступ как к Средиземноморью через Суэцкий канал, так и к Индийскому океану через Баб-эль-Мандебский пролив. С этой целью в последние годы Эр-Рияд активно расширяет систему трубопроводов и терминалов на своем красноморском побережье, тем самым готовя альтернативный маршрут экспорта энергоресурсов на случай непредсказуемого поворота событий в Персидском заливе²⁴.

²⁰ Аш-Шарк аль-Аусат. 6 апреля 2018. Mode of access: <https://arabic.cnn.com/middle-east/2018/04/06/egypt-elbaradei-good-governance> (на араб.яз.)

²¹ См.: Баргенов В.И. Помощь стран Персидского залива постреволюционному Египту: логика, динамика, системное влияние // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2019. Т. 19. № 4. С. 566-582. [Bartenev, V.I. Pomoshch' stran Persidskogo zaliva postrevolyutsionnomu Yegiptu: logika, dinamika, sistemnoye vliyaniye (Aid of the Gulf Countries to Post-Revolutionary Egypt: Logic, Dynamics, Systemic Influence) // Vestnik Rossiyskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Mezhdunarodnyye otnosheniya, 2019, Vol. 19, No. 4, pp. 566-582.]

²² Freedman, George. Deep Dive. Mode of access: <https://geopoliticalfutures.com/red-sea-alliances-shift-tide>

²³ Sachs, Natan. Israel in the Middle East: The Next Two Decades. Wash. The Brookings Institution, 2020, P. 22. Mode of access https://www.brookings.edu/wp-content/uploads/2020/11/FP_20201120_israel_me_sachs_huggard-1.pdf; Савичева Е.М. Роль и место «Хизбаллы» в ливанском треке ближневосточного урегулирования // Вестник Челябинского государственного университета. История. Выпуск 41. Челябинск. 2010. № 18. С. 133-138. [Savicheva, E.M. Rol' i mesto «Hizbally» v livanskom treke blizhnevostochnogo uregulirovaniia (The Role and Place of Hezbollah in the Lebanese Track of the Middle East Settlement) // Vestnik Cheliabinskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriia. Vypusk 41, 2010, No. 18, pp. 133-138.]

²⁴ Саудовская Аравия ввела в строй экспортный терминал мощностью в 3 млн баррелей н.э. в

Однако наращивание Ираном своего влияния в Йемене, по убеждению Эр-Рияда, ставит под угрозу и этот логистический вариант свободного доступа королевства к Аравийскому морю и Индийскому океану. В связи с этим правители КСА озаботились не только воспрепятствованием распространению боевых действий на свою территорию через сухопутную границу с Йеменом, но и обеспечением доступности красноморских морских маршрутов. Саудовцы пытались заручиться поддержкой Египта в йеменской кампании, ожидали участия сухопутных контингентов в обмен на финансовую помощь, но тот лишь обязался ограниченно задействовать военные корабли и самолеты для выполнения патрульных и разведывательных задач в южном секторе красноморской акватории²⁵. Такая позиция, надо полагать, была занята Каиром не без влияния исторической памяти о вмешательстве в гражданскую войну в Йемене в 1962-1970 гг. – решение, стоившее тогда жизни более 26 тыс. египетских военных. Впрочем, Египту не удавалось преуспеть в этих краях и много раньше, в частности, в эпоху завоевательных походов Мухаммеда Али в первой половине XIX в.

Таким образом, израсходованные саудовцами миллиарды долларов на войну в Йемене не приблизили поражение повстанцев-хуситов, а по сути дела, превратили Йемен во «Вьетнам для саудовцев»²⁶. Отсюда складывается впечатление, что нежелание американской администрации Дж. Байдена и других союзников КСА поддерживать далее бессмысленную войну, равно как и ухудшение экономического положения, а также международного имиджа королевства объективно подталкивают Эр-

Рияд к свертыванию йеменской кампании. При этом, как представляется, к изменению саудовского тренда по йеменскому вопросу подвигает не только боевая стойкость хуситов, но и усиление сепаратистов из поддерживаемого Эмиратами «Южного переходного совета» Йемена. Таким образом, риск окончательного распада лишь формально единого йеменского государства все более превращается в реальность, несущую Эр-Рияду очередной стратегический вызов.

Особенности ситуации на западном берегу Красного моря

На контрасте с восточным побережьем Красного моря – на противоположном западном берегу, южнее Египта, расположены африканские страны, не располагающие сильной централизованной системой власти, которые непрерывно перестраивают свои внешнеполитические подходы в погоне за неуловимым оптимумом в части безопасности. Между тем, слабость государственной власти нередко создает ситуации, когда в дела этих стран считают возможным вмешаться соседи по региону либо крупные внерегиональные акторы, преследующие в этом районе коммерческие, а за ними и другие задачи.

Межгосударственные отношения на западном берегу Красного моря отягощены «вечным» вопросом распределения вод реки Нил. Как известно, Египет веками и тысячами лет питался нильскими водами, большая часть которых поступает из Голубого Нила, протянувшегося на север от Эфиопского нагорья до Судана. Там он сливается с Белым Нилом, и далее поток движется в сторону Египта. Практически на 95% Египет зависит от воды, поступающей вниз по течению Нила из Судана и Эфиопии. Постоянный египетско-эфиопский антагонизм периодически обостряется из-за опасений, что Аддис-Абеба может урезать водоснабжение. Её же, в свою очередь, всегда тревожило, что данное обстоятельство может стать причиной вмешательства Каира во внутренние дела Эфиопии с целью ее ослабления.

На нынешнем этапе «водное противостояние» актуализировалось в связи со спо-

сутки. 2018. Mode of access: <http://neftianka.ru/saudovskaya-araviya-vvela-v-stroj-eksportnyj-terminal-moshhnostyu-v-3-mln-barrelej-n-e-v-sutki/>

²⁵ Степень участия Египта: что делают египетские силы во второй войне в Йемене? Эр-Рияд: роль Египта в йеменском кризисе: его границы и перспективы, 2015. Mode of access: <http://www.epc.ae/ar/publication/egypts-role-in-the-yemeni-crisis-limits-and-prospects> (на араб.яз.)

²⁶ Yemen: Saudi Arabia's Vietnam. April 2, 2015. Mode of access: <https://tesfanews.net/yemen-saudi-arabias-vietnam/>

ром о плотине «Возрождение», которую Эфиопия возводит на Голубом Ниле для выработки электроэнергии и регулирования столь важного для данного региона водного ресурса²⁷. Технические эксперты и политики трех государств – Египта, Судана и Эфиопии в течение уже ряда лет ведут напряженную дискуссию, связанную с будущим вводом этого гидротехнического объекта в эксплуатацию (дискутируются, к примеру, такие вопросы, как скорость заполнения плотины, степень угрозы обмеления Нила и ухудшения водоснабжения районов ниже по течению и т. д.)²⁸. Лидеры упомянутых трех стран приходили к договоренностям о сотрудничестве по данной проблематике; но никакая дипломатия не отменяет того факта, что водоснабжение Египта может оказаться в прямой зависимости от воли Аддис-Абебы.

Изменчивые альянсы в регионе

Экспертами активно обсуждаются геостратегические особенности местоположения Судана, возникающие в этой связи узлы противоречий, а также предопределенная теми же особенностями изменчивость альянсов государств в регионе Красного моря²⁹. Как известно, Судан граничит с семью государствами: Египтом, Ливией, Чадом, Центральноафриканской Республикой, Южным Суданом, Эфиопией и Эритреей. Такое непростое окружение создало бы про-

блемы в плане безопасности для любого государства, не говоря уже об этом, со столицей в Хартуме, где существует хронически слабая центральная власть, где постоянно не хватает ресурсов для эффективного решения внутри- и внешнеполитических проблем.

Судан в настоящее время имеет только один портовый город на берегу Красного моря – Порт-Судан, который, кстати, включен в китайский проект в рамках инициативы «Один пояс, один путь». Суакин, в прошлом еще один город-порт, на настоящий момент не располагает современной инфраструктурой для ведения крупномасштабной торговли.

Заметное внимание в свое время привлек визит президента Турции Реджепа Тайипа Эрдогана в Судан в декабре 2017 г. После совместного с тогдашним суданским президентом Омаром аль-Баширом посещения о. Суакин на северо-востоке страны Р. Эрдоган выразил сожаление по поводу того, что большая часть этого исторического для Османской Империи острова-порта лежит в руинах. Тогда же по итогам визита было подписано двустороннее соглашение о сотрудничестве и инвестициях. В заявлении турецкой стороны уточнялось, что сделка между Анкарой и Хартумом связана с усилиями Турецкого агентства международного сотрудничества и координации (ТИКА) по реконструкции исторических кварталов, относящихся к Османской эпохе³⁰.

Следует особо отметить, что этот первый визит президента Турции в восточноафриканскую страну был частью гораздо более масштабного политического и экономического замысла, состоящего в расширении связей Турции с континентом. Стремясь превратить остров в крупный центр международного религиозного туризма, ТИКА в январе 2018 г. приступила к реставрационным работам. Наряду с этим, в марте того же года Катар подписал с Суданом соглашение о вы-

²⁷ Shaul, Shay. The «Renaissance Dam» Crisis / Herzliya Conference Papers. April 2018. Mode of access: <https://www.idc.ac.il/en/research/ips/2018/Documents/ShaulShayRenaissance%20DamEN22.4.2018A.pdf>

²⁸ Haitham, Nouri. A New Dawn in Ethiopia // Al Ahran Weekly, Issue 1388. 5-11 April, 2018; What is Going on between Egypt and Sudan? // Al Jazeera, January 11, 2018.

²⁹ Костелянец С.В. Политика Судана в Красноморском регионе // Красное море и Аденский залив: борьба за доминирование. Материалы конференции / под ред. В.П. Фитина. М., РИСИ, 2019. С. 65-76. [Kostelyanets, S.V. Politika Sudana v Krasnomorskom regione (Sudan's Policy in the Red Sea Region) // Krasnoye more i Adenskiy zaliv: bor'ba za dominirovaniye (Red Sea and Gulf of Aden: Struggle for Dominance). Conference materials / ed. by V.P. Fitin. Moscow, RISS, 2019. Pp. 65-76.]

³⁰ Official Visit of President R. Erdogan to Sudan 24-25 December 2017 / Republic of Turkey Ministry of Culture and Tourism. Turkish Cooperation and Coordination Agency. Mode of access: https://www.tika.gov.tr/en/gallery/official_visit_of_president_recep_tayyip_erdogan_to_sudan_%2824_25_december_2017%29-40451

делении 4 млрд долларов на развитие порта, расположенного в городе. Если принять во внимание факт, что с 2017 г. у Турции имеется военная база в Катаре, то напрашивается обоснованный вывод об укреплении позиций Анкары в целом в Ближневосточном регионе, и в частности – в акватории Персидского залива и Красного моря. Сделка Турции с Хартумом вызвала обеспокоенность новоявленных политических оппонентов Катара – Саудовской Аравии, Египта и ОАЭ, которые обвинили Анкару в стремлении к военной экспансии в Африке, Персидском заливе и на Красном море.

С середины XX века, практически с момента получения независимости, Судан находился в состоянии почти непрерывной гражданской войны, которая иногда вовлекала в свою орбиту соседние государства. Здесь уместно привести характеристику, которую уже цитируемый выше Дж. Фридман дал суданской политике при экс-президенте Омаре аль-Башире. В изложении маститого эксперта, Хартум все время пребывал в поиске не только военной, но и экономической поддержки извне, дабы защитить себя; но на этом пути он пошел еще дальше, «экспортируя» исламистских мятежников в соседние страны – как бы в качестве своей оборонительной стратегии. Однако реакция соседей оказалась явно не к выгоде Хартума: получалось, что окопавшиеся на территории Судана джихадисты – а через них опосредованно и он сам – подрывают их безопасность. К примеру, Египет выражал обеспокоенность деятельностью базировавшихся в Судане радикальных исламистских групп, которые в 1995 г. организовали покушение на тогдашнего президента АРЕ Х. Мубарака во время посещения Эфиопии. Судан также поддерживал исламские повстанческие группировки в Эфиопии и Эритрее³¹. В дальнейшем Хартум вроде бы «нашел взаимопонимание» с Тегераном. Но иранское присутствие на Африканском Роге, навер-

няка, явилось бы крайним раздражителем для Эр-Рияда, равно как и для американцев, анонсировавших «борьбу с распространением джихадизма в Сахеле»³². Чтобы воспрепятствовать дальнейшему продвижению иранских интересов на суданском направлении, Эр-Рияд вернул Хартум в сферу своего влияния, предоставив ему значительные инвестиции – до 11 млрд долл. США. По сути, Саудовская Аравия просто заплатила Судану за прекращение отношений с Ираном. По аналогичной схеме – т. е. в обмен на разрыв связей с Ираном – саудиты в 2016 г. предоставили 50 млн. долларов Сомали.

Наглядный пример зарождения, существования и распада в регионе краткосрочных альянсов дают отношения Судана и Эфиопии. Страны нашли общий язык после того, как Южный Судан объявил независимость в 2011 г., а затем погряз во внутренних распрях в связи со спорами за обладание нефтяными ресурсами. Эфиопия была встревожена распространением конфликтов по периметру своих границ, а также проблемой беженцев. В попытке давления на Эфиопию Южный Судан установил более тесные связи с Египтом, ее оппонентом на тот момент. Хартум отреагировал на это, расширив контакты с Аддис-Абебой, которая в настоящее время полагается на Судан в поставках энергоресурсов. Что же касается Египта, то его в этой сложной «многоходовке» беспокоило не только эфиопско-суданское сближение, но и тот факт, что на территории этих стран находили пристанище оппозиционные повстанческие группировки, а также вероятность обострения «нильской проблемы».

Отдельно коснемся динамики развития отношений Эфиопии и Эритреи. До 1993 г. вторая из названных стран пока еще была частью первой, что давало Эфиопии прямой выход к Красному морю и делало ее заметным игроком в «большой игре» между США и СССР. В период 1993-1998 гг. Эритрея еще позволяла Эфиопии иметь свободный доступ к Красному морю, однако разногласия по поводу пограничной территории спрово-

³¹ Freedman, George. Deep Dive. Mode of access: <https://geopoliticalfutures.com/red-sea-alliances-shift-tide>; <https://www.facebook.com/GeorgeFriedmanGPF/posts/deep-divethe-red-sea-is-an-immensely-valuable-region-but-it-is-also-quite-volatile/1900985183545883/>

³² Cherbib, Hamza. Jihadism in the Sahel: Exploiting Local Disorders. Mode of access: <https://www.ijmed.org/actualitat-en/noticies/sahel-territori-jihadista>

воцировали кровопролитную двухлетнюю войну. Лишившись в итоге коридора, выходящего на побережье, Эфиопия стала почти полностью зависеть в этом важном вопросе от Джибути.

Внешние державы также стали участниками процесса реформирования альянсов на Африканском Роге. Немалую роль в развитии ситуации в Эфиопии сыграл, в частности, Израиль. До отделения Эритреи он рассматривал Эфиопию в качестве регионального противовеса арабским государствам – ведь она, как и Израиль, находилась в арабском окружении. Даже после того, как в 1974 г. в Эфиопии было покончено с монархией и установился просоветский режим, по определению не испытывавший симпатий к США, бессменному покровителю Израиля – последний продолжал поддерживать Эфиопию, даже в условиях «заморозки» с нею дипломатических отношений.

Зато позднее, в 1998-2000 гг., Эритрея и Эфиопия вступили в войну между собой. Израиль стал оказывать помощь эритрейцам. Мотивация такого поворота была связана с заинтересованностью израильтян в сохранении доступа к Баб-эль-Мандебу, который расположен слишком далеко от еврейского государства, чтобы оно могло обходиться здесь без посредников. Учитывая недавно полученный Израилем доступ к территории Эритреи, можно было констатировать, что этот ближневосточный игрок не просто имеет на красноморском побережье свои интересы, но и достаточно эффективно их реализует – а интересы эти заключаются в том, чтобы сохранять здесь свое устойчивое влияние.

В свое время Африканский Рог оказался втянут в противостояние времен «холодной войны». До 1974 г. США поддерживали Эфиопию, а Советский Союз помогал Сомали, Египту и Южному Йемену – соперникам Эфиопии на тот момент. Утрата тогда Москвой партнерских отношений с Каиром стала ощутимым ударом также и по советским позициям на Красном море. Впрочем, это отчасти компенсировалось связями Москвы с сомалийским режимом Мохамеда Сиада Барре, провозгласившего курс на строительство «социализма с исламской спецификой».

По мере развития ситуации многие региональные альянсы разваливались и формировались заново. Сомали, еще не впадшее тогда в нынешнее удручающее состояние децентрализованного государства, даже начало вторжение в Эфиопию в 1977 г., развязав конфликт в провинции Огаден. Судан же на том этапе поддерживал отряды «освобождения Эритреи», воевавшие против Эфиопии – хотя позднее, уже после обретения Эритреей независимости, он станет ее противником. В отместку Эфиопия регулярно поддерживала христианскую повстанческую группировку «Народная армия освобождения Судана» (НОАС) в южном регионе этой страны.

Современное положение на Африканском Роге во многом вызрело на почве исторических особенностей колониального периода. Ареал Рога еще с XIX века сделался чем-то вроде лаборатории, где проводились «эксперименты» по перечерчиванию пограничных линий со всеми вытекающими отсюда последствиями. И сейчас этот регион продолжает служить горнилом геополитических инноваций – он выделяется как редкий регион, границы которого были изменены при последнем поколении.

Взаимно сопряженные проблемы национализма и самоопределения играют здесь особую роль. Поскольку процессы отделения и перекройки границ являются, по всей видимости, незавершенными, нарративы, концепции и нормы, касающиеся национального самоопределения, сохраняют свою актуальность. Политические движения и общественные круги в странах Африканского Рога по-своему интерпретируют политическую идею, теорию и закон самоопределения, что демонстрирует их непоследовательность, случайность и подчиненность политическим обстоятельствам³³.

Особенности политики «ближних» региональных держав – Турции и Ирана

Свобода доступа к пролегающим по Красному морю важным торговым марш-

³³ De Waal, Alex, Nouwen, Sarah M.H. The Necessary Indeterminacy of Self Determination: Politics, law and conflict in the Horn of Africa / Nations and Nationalism, December 2020, Volume 27, Issue 1, pp. 41-60.

ругам, а также их уязвимость делают рассматриваемый ареал критически важным не только для собственно прибрежных государств, но и для ближне- и средневосточных держав в лице Ирана и Турции. В свою очередь, слабость большинства красноморских стран облегчает вмешательство внешних игроков. Хотя Судан выступал в поддержку Ирака во время ирано-иракской войны 1980-1988 гг., это не помешало ирано-суданскому сближению после военного переворота 1989 г. в Хартуме, когда к власти пришел авторитарный правитель Омар аль-Башир, находившийся у власти до весны 2019 г.

Иран получил разрешение использовать Порт-Судан в обмен на военную и экономическую поддержку. Согласно западным источникам, Иран, заполучив союзника на Африканском Роге, контрабандой доставлял в Судан оружие, которое затем переправлялось через Египет боевикам ХАМАС в Газе. Оружейный трафик шел и по другим маршрутам: Иран контрабандой вывозил российские ракеты класса «земля-воздух» из Ливии в Судан для их тиражирования, а также для развития собственной военной промышленности³⁴.

Кроме того, по убеждению западных экспертов, Тегеран готовит для главного регионального конкурента – Саудовской Аравии препятствия в использовании Красного моря как резервного маршрута траншпортировки углеводородов³⁵. Утверждается, будто именно из этих соображений Иран поддержал хуситов в Йемене, в лице которых королевство видит серьезную угрозу с юга. Таким образом, ирано-саудовская конфронтация развивается как на суше, так и на море.

Интересы Турции в Красном море связываются в основном с двумя сферами: торговли и безопасность. Военная база в сом-

лийском Могадिशю плюс еще одна, новая, на острове Суакин в Судане (пока на стадии конструирования) в перспективе дают Анкаре шанс на реальное присутствие по обе стороны Суэцкого канала.

Свержение О.аль-Башира ознаменовало начало более многообещающей эпохи для Судана. Вскоре страна приобрела новых международных и региональных друзей, к которым западные политологи равно относят США, Израиль и Россию. К ним же причислены ОАЭ, которые вместе с Саудовской Аравией поддержали новый режим в Хартуме, предоставив ему 3 млрд долларов в 2019 году³⁶.

Партнеры Судана всегда понимали ценность страны с такими ресурсами, как углеводороды, золото, серебро, хромит, цинк, железо и многое другое. Например, Эмираты за последнее десятилетие импортировали суданское золото (наряду с ганским) на миллиарды долларов. Эта тенденция сохранилась и после переворота 2019 г., поскольку ОАЭ наладили связи с генералом Мохаммедом Хамданом Дагалю, вице-президентом Переходного совета, взявшим бразды правления сразу после отстранения О. аль-Башира. В итоге экспорт золота в ОАЭ в том же 2019 г. был доведен до уровня 16 млрд долл.³⁷

Между тем, «старые друзья» Судана – Катар и Турция (они же на этот момент – соперники Египта и большинства государств ССАГПЗ) оказались в стороне³⁸. Тем не менее, укрепление Турции в качестве ближневосточной региональной державы продолжает подвигать ее на то, чтобы примериться к возможности контролировать те районы, которые когда-то находились под владычеством султана – таким способом Анкара надеется нарастить «стратегическую глубину»

³⁴ Lockie, Alex. Iran Built Copies of a Soviet-era Nuclear-Capable Missile without Violating the Nuclear Deal. Feb. 5, 2019. Mode of access: <https://www.businessinsider.com/irans-hoveizeh-and-soumar-missiles-copy-soviet-nuclear-capable-kh-55-2019-2>

³⁵ Why Saudi Arabia and Iran are bitter rivals // BBC News. 16 September 2019. Mode of access: <https://www.bbc.com/news/world-middle-east-42008809>

³⁶ The Great Game of the UAE and Saudi Arabia in Sudan / Wash. The Project on Middle East Political Science (POMEPS) 2020. Mode of access: <https://pomeps.org/the-great-game-of-the-uae-and-saudi-arabia-in-sudan>

³⁷ Why Sudan Matters / Diwan, a blog from the Carnegie Endowment for International Peace's Middle East Program and the Malcolm H. Kerr Carnegie Middle East Center. January 29, 2021. Mode of access: <https://carnegie-mec.org/diwan/83755>

³⁸ Ibid.

своего международного влияния. Следуя этой логике, расположение Турции на логистическом «перекрестке» Востока и Запада предоставит ей шанс занять стратегические позиции, пусть формально и хотя бы отчасти подобные тем, что веками удерживала Османская Порта вдоль побережья Аравийского полуострова. Впрочем, подобная перспектива вызывает обеспокоенность в столицах прибрежных государствах, например, в Каире, памятуя о том, что османы исторически доминировали в Восточном Средиземноморье, на несколько веков подчинив Египет и превратив его в часть своей империи.

Саудовская Аравия разделяет тревогу Турции по поводу Ирана (или даже превосходит ее по уровню данных опасений), но одновременно обеспокоена и тем, что расширение турецкого присутствия может поставить под угрозу главенствующую позицию Эр-Рияда в суннитском мире. Саудовцы также могут, вслед за египтянами, вспомнить о былых временах, когда Османская империя, будучи еще и мусульманским халифатом, контролировала прибрежные районы Аравийского полуострова, включая священные места ислама³⁹.

Режим Судана, со своей стороны, был бы рад получать поддержку как от Саудовской Аравии (предоставившей ему крупное финансирование в обмен на прекращение отношений с Ираном), так и от Турции, еще одной растущей суннитской державы. После десятилетий существования в условиях жесткого авторитаризма Судан вступил в период нестабильности. Новые правители страны ощутили влияние многих региональных держав и внутренних групп в очень фрагментированной политической среде. Хартуму будет сложно рассчитывать на стабильность без поддержки внешних сил.

Новые аспекты политики «дальних» держав в Красноморье: США и Китай

Учитывая зависимость КНР от импорта различных видов сырьевых ресурсов, необходимых для поддержания темпов экономического роста и развития, Пекин крайне заинтересован в поддержании безопасности

коммерческого мореплавания и китайского экспорта товаров в рассматриваемом ареале. Во многом с этими соображениями макроэкономического плана, как считают эксперты, связан факт недавнего открытия Китаем первой зарубежной военной базы именно в Джибути – государстве, которое при всех стратегических преимуществах своего положения, считается, тем не менее, самым слабым в регионе. Пекин инвестировал более 421 млн долларов в расширение портовых и аэродромных сооружений в Джибути и связанной инфраструктуры для снижения рисков морских перевозок⁴⁰. Китай в последнее годы стремится значительно расширить свое присутствие на Африканском Роге в целях расширения и защиты торгово-экономической деятельности в Африке и на Ближнем Востоке (в контексте своей известной стратегической инициативы «Один пояс, один путь»).

Производимое китайцами активное обустройство различных элементов инфраструктуры в Джибути (новый многопрофильный порт, модернизированное железнодорожное сообщение с Аддис-Абебой, две зоны свободной торговли и т.д.) надежно опирается на открытую здесь же в 2017 г. первую в истории КНР зарубежную военноморскую базу. По поводу растущего авторитета Китая в Джибути скептики добавляют «ложку дегтя», указывая на коррупцию в коммерческом секторе и разжигая опасения насчет применения здесь в дальнейшем китайцами жесткой «дипломатии долга».

Несмотря на последовательное погружение Китая в сферы экономики и безопасности, на его шаги по защите своих государственных интересов в Красном море, Персидском заливе и на Африканском Роге, а также по укреплению отношений с местными правительствами на обоих берегах – в Пекине продолжают хранить молчание насчет гипотетических многосторонних форматов сотрудничества в регионе.

⁴⁰ Chinese Engagement in Djibouti's Economic Transformation in a Nutshell // Xinhua. 2020-01-10. Mode of access: http://www.xinhuanet.com/english/2020-01/10/c_138694414.htm#:~:text=The%20port%2C%20which%20was%20built,time%20the%20port%20was%20inaugurated

³⁹ Ibid.

По-видимому, китайцы видят смысл в развитии отношений с местными партнерами исключительно в двустороннем формате.

С новой китайской базой соседствует американская, расположенная в Кэмп Ле-монье, откуда США могут контролировать и проводить антитеррористические операции⁴¹. В Вашингтоне, как и в Пекине, признают важнейшую роль Красного моря в международной торговле. Вашингтон преследует цель сохранения морских путей свободными и открытыми через стратегию альянсов с местными государствами. После того, как при президенте А. Садате Египет переориентировался на Запад, Вашингтон существенно увеличил этому государству военную помощь, дабы гарантировать здесь американские интересы⁴².

Обилие разнонаправленных силовых векторов, взаимно конкурирующих интересов и, вместе с тем, отсутствие национальных и международных институтов, которые бы способствовали региональному сотрудничеству – всё это делает регион Красного моря тем местом, где прослеживается тенденция усиления конфликтного потенциала, а возникающие альянсы сугубо ситуативны, нестабильны и переменчивы. То обстоятельство, что через этот регион проходит значительная часть мировой торговли, только повышает градус напряженности и привлекает внешние державы, стремящиеся утвердить здесь свои позиции.

⁴¹ Parting the Red Sea: Why the Chinese and U.S. Armies Are Fortifying this Tiny African country. Mode of access: <https://www.theglobeandmail.com/world/article-parting-the-red-sea-why-the-chinese-and-us-armies-are-fortifying/>

⁴² The Red Sea: A Magnet for Outside Powers Vying for Its Control // The Africa Report 27 November 2020. Mode of access: <https://www.theafricareport.com/52152/the-red-sea-a-magnet-for-outside-powers-vying-for-its-control/>; Александров С., Савичева Е. Глядя из Каира: отношения АРЕ и США (по материалам египетских СМИ) // Азия и Африка сегодня. 2018. № 7. С. 10-17. [Aleksandrov, S.; Savicheva, E. Gliadiā iz Kaira: otnosheniā ARE i SSHA (po materialam egipetskikh SMI) (Looking from Cairo: Relations of the Arab Republic of Egypt and the USA (based on the Egyptian Media) // *Aziia i Afrika segodnia*, 2018, No. 7, pp. 10-17.]

Заключение

Политические процессы, наблюдаемые в регионе Красного моря и Африканского Рога, сочетают в себе элементы прежних исторических схем и современных геополитических моделей, в которых безопасность и коммерческие интересы мировых и региональных держав, безусловно, доминируют над несоизмеримыми по масштабам интересами слабых местных государств и населяющих их народов.

На этой обширной арене, вмещающей в себя сушу и водные просторы, уже развернулась острая конкуренция за право курировать безопасность мировой морской торговли. Но по сути дела, интересы всех вовлеченных легальных игроков (пираты, террористы и экстремисты не в счёт) объективно сводятся к одному главному – сохранению свободы навигации, поэтому любые противоречия вряд ли реально перерастут в серьезный вооруженный конфликт, который закроет морские пути.

Все участвующие в региональных процессах международные акторы, скорее всего, будут и далее сотрудничать в пресечении пиратства и устранении прочих угроз для международного судоходства, учитывая, что на кону главная ставка – многомиллиардная стоимость доставляемых по воде углеводородных ресурсов и другой товарной продукции. Однако относительное спокойствие за судьбу морского судоходства периодически прерывается конфликтами и иными беспорядками по обе стороны от Красного моря. Все вовлеченные игроки, как глобальные, так и региональные, исходят из того, что присутствие в Красном море повышает их вес, поэтому за влияние на страны Африканского Рога идет борьба.

На данном этапе регион оказался как бы на линии разлома между двумя противоречащими друг другу политическими концептами и практиками обеспечения мира и безопасности. Речь идет о том, что многосторонние нормы, принципы и институты, применяемые в Африке в последние десятилетия, вступают во все более острое противоречие с проводимой монархиями Персидского залива транзакционной политикой вливания денежных средств и проецирования силы.

За последние годы старые и новоявленные игроки, в том числе и с Ближнего и

Среднего Востока, неоднократно приобщались к противоборствам в Северо-Восточной Африке. Так, КСА и ОАЭ задействовали свои финансовые ресурсы для достижения мирного соглашения между Эритреей и Эфиопией. Далее, нынешняя аравийская коалиция во главе с КСА (плюс Египет) и блок Турция-Катар выступают конкурентами в борьбе за влияние на структуры переменчивой политической власти в странах региона. Современные практики участия ближневосточных игроков в развитии ситуации на Африканском Роге выглядят как непреходящий парадокс, в соответствии с которым мировые державы в интересах обеспечения свободы и безопасности судоходства в Красном море / Аденском заливе согласны снисходительно наблюдать за периодически возникающими беспорядками в прибрежных странах.

Можно с долей уверенности предсказать, что состоятельные аравийские (и некоторые другие) акторы будут использовать свои возможности проецирования силы и власти, сочетая экономические соображения и интересы безопасности, чтобы «наносить со своей палитры краски на полотно» Африканского Рога.

США, как следует из их деклараций, якобы сориентированы на уход из региона. Так может показаться на поверхностный взгляд – но ведь неслучайно североамериканские теоретики сформулировали концепт, по которому основным ресурсом доминирования являются «региональные и глобальные балансы без узурпации внутреннего суверенитета», в рамках которых есть возможность «создавать ситуации, когда другие страны хотят делать то, что в интересах США»⁴³.

Европейский союз, в свою очередь, демонстрирует глубокую обеспокоенность происходящим в регионе Красного моря, однако не в состоянии оказать на события и процессы какое-либо существенное влияние. Тем временем серьезным фактором силы сделался Китай – но это при той оговорке, что за пределами задач по обеспечению безопасности мореплавания у Пекина

пока не просматривается сколько-нибудь внятной стратегии на Красном море.

В регион могут вновь потянуться и некоторые старинные игроки, как это получилось у Анкары. Появляются и новые амбициозные участники большой игры – такие, как Катар, ОАЭ. При этом общая тенденция заключается в расширении политической доминанты, за которой стоят интересы аравийских монархий Персидского залива. Состоятельные «заливные» режимы все отчетливее осознают, что регион Красного моря открывает для них широкие возможности в части развития и интеграции. Но есть тут и другая сторона медали – а именно, сопутствующие риски. Другими словами, по мере распространения влияния на Африканский Рог акторы из указанной группы (а это касается не только их одних) рискуют привнести добавочную дозу арабо-ближневосточного соперничества в регион, где и без того хватает собственного «взрывчатого» потенциала. Попытки внесения интересантами координирующего начала (например, озвученная в феврале 2019 г., а затем и в январе 2020 г. идея создания Совета арабских и африканских государств, граничащих с Красным морем и Аденским заливом) пока не идут дальше «вербализации идей».

Разумеется, следует также иметь в виду, что региональные события происходят вовсе не в отрыве от глобального контекста, а напротив – разворачиваются на общемировом фоне, характеризуемом отчетливым усилением роли фактора силы в международных отношениях и внешнеэкономической сфере.

В заключение обратимся к нашумевшему эпизоду, произошедшему в конце марта 2021 г., когда контейнеровоз перекрыл и заблокировал почти на неделю судоходный маршрут по Суэцкому каналу и Красному морю. Касаясь весомого экономического ущерба в плане логистики и финансовых потерь, случившихся из-за этого локального и сугубо технического происшествия, можно предвидеть реакцию акторов, имеющих свои амбиции и цели в Восточном Средиземноморье Красном море и Индийском океане. Опуская скороспелые рассуждения о модальностях тотального переориентирования воднотранспортных потоков (вокруг Африки, по Северному Ледовитому пути и т.д.), ограничимся суждением

⁴³ Metz, Steven. How to Tell if America will Remain a Global Superpower. 2014. Mode of access: <https://www.worldpoliticsreview.com/articles/13741/how-to-tell-if-america-will-remain-a-global-superpower>

о том, что единичный форсмажор с грузовым судном отчетливо высветил геополитическую значимость рассматриваемого региона и актуализировал задачу обретения контроля над зоной Красного моря.

Литература:

Александров С., Савичева Е. Глядя из Каира: отношения АРЕ и США (по материалам египетских СМИ) // Азия и Африка сегодня. 2018. № 7. С. 10-17.

Бартенев В.И. Помощь стран Персидского залива постреволюционному Египту: логика, динамика, системное влияние // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2019. Т. 19. № 4. С. 566-582.

Воскресенский А.Д. Концепции регионализации, региональных подсистем, региональных комплексов и региональных трансформаций в современных международных отношениях // Сравнительная политика. 2012. № 3. С. 30-58.

Каримова А.Б. Индо-тихоокеанский постатлантизм // Сравнительная политика. 2019. Т.10. № 2.

Костелянец С.В. Политика Судана в Красноморском регионе // Красное море и Аденский залив: борьба за доминирование. Материалы конференции / под ред. В.П. Фитина. М., РИСИ, 2019. С. 65-76.

Красное море и Аденский залив: борьба за доминирование. Материалы конференции / под ред. В.П.Фитина. М., РИСИ, 2019.

Мэхэн А.Т. Влияние морской силы на историю, 1660-1783 (перевод с англ.яз.). М., 2002.

Савичева Е.М. Роль и место «Хизбаллы» в ливанском треке ближневосточного урегулирования // Вестник Челябинского государственного университета. История. Выпуск 41. Челябинск. 2010. № 18. С. 133-138.

Савичева Е.М., Турекулова Ж.Е. Роль Суэцкого канала в контексте обеспечения региональной безопасности на Ближнем Востоке // Вестник РУДН. Серия: международные отношения. 2014. № 2. С. 75-84.

Хаусхофер К. О геополитике: Работы разных лет. М.: Мысль, 2001.

De Waal, Alex, Nouwen, Sarah M.H. The Necessary Indeterminacy of Self Determination: Politics, law and conflict in the Horn of Africa / Nations and Nationalism, December 2020, Volume 27, Issue 1, pp. 41-60.

Jones, B. To Rule the Waves: How Control of the World's Oceans Determines the Fate of the Superpower. N. Y.-L., Scribner, 2021.

Kaplan, R.D. Monsoon. The Indian Ocean and the Future of American Power. N.Y., Random House, 2010.

Mackinder, H.J. The Geographical Pivot of History // The Geographical Journal, 1904, No. 4 (April), Vol. XXIII, pp. 421-437.

Mattheis, Frank; Raineri, Luca; Russo, Alessandra. Fringe Regionalism. When Peripheries Become Regions. Palgrave Macmillan, 2019.

Vertin, Z. Toward a Red Sea Forum: The Gulf, the Horn of Africa, & Architecture for a New Regional Order / Brookings Doha Center Analysis Paper Number 27, November 2019.

References:

Aleksandrov, S.; Savicheva, E. Gliādīa iz Kaira: otnosheniia ARE i SSHA (po materialam egipetskikh SMI) (Looking from Cairo: Relations of the Arab Republic of

Egypt and the USA (based on the Egyptian Media) // Aziia i Afrika segodnia, 2018, No. 7, pp. 10-17.

Bartenev, V.I. Pomoshch' stran Persidskogo zaliva postrevolyutsionnomu Yegiptu: logika, dinamika, sistemnoye vliyaniye (Aid of the Gulf Countries to Post-Revolutionary Egypt: Logic, Dynamics, Systemic Influence) // Vestnik Rossiyskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Mezhdunarodnyye otnosheniya, 2019, Vol. 19, No. 4, pp. 566-582.

De Waal, Alex, Nouwen, Sarah M.H. The Necessary Indeterminacy of Self Determination: Politics, law and conflict in the Horn of Africa / Nations and Nationalism, December 2020, Volume 27, Issue 1, pp. 41-60.

Haushofer, K. O geopolitike: Raboty raznykh let (On Geopolitics: Works of Different Years). Moscow: Thought, 2001.

Jones, B. To Rule the Waves: How Control of the World's Oceans Determines the Fate of the Superpower. N. Y.-L., Scribner, 2021.

Kaplan, R.D. Monsoon. The Indian Ocean and the Future of American Power. N.Y., Random House, 2010.

Karimova, A.B. Indo-tikhookeanskiy postatlantizm (Indo-Pacific Post-Atlanticism) // Comparative Politics Russia, 2019, No. 2.

Kostelyanets, S.V. Politika Sudana v Krasnomorskom regione (Sudan's Policy in the Red Sea Region) // Krasnoye more i Adenskiy zaliv: bor'ba za dominirovaniye (Red Sea and Gulf of Aden: Struggle for Dominance). Conference materials / ed. by V.P. Fitin. Moscow, RISS, 2019. Pp. 65-76.

Krasnoye more i Adenskiy zaliv: bor'ba za dominirovaniye (The Red Sea and the Gulf of Aden: Struggle for Dominance). Conference materials / ed. by V.P. Fitin. Moscow, RISS, 2019.

Mackinder, H.J. The Geographical Pivot of History // The Geographical Journal, 1904, No. 4 (April), Vol. XXIII, pp. 421-437.

Mahan, A.T. Vliyaniye morskoy sily na istoriyu, 1660-1783 (The Influence of Sea Power on History, 1660-1783) (translated from English). Moscow, 2002.

Mattheis, Frank; Raineri, Luca; Russo, Alessandra. Fringe Regionalism. When Peripheries Become Regions. Palgrave Macmillan, 2019.

Savicheva, E.M. Rol' i mesto «Hizbally» v livanskom treke blizhnevostochnogo uregulirovaniia (The Role and Place of Hezbollah in the Lebanese Track of the Middle East Settlement) // Vestnik Cheliabinskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriia. Vypusk 41, 2010, No. 18, pp. 133-138.

Savicheva, E.M.; Turekulova, Zh.E.; Rol' Suetskogo kanala v kontekste obespecheniia regional'noi bezopasnosti na Blizhnem Vostoke (The Role of the Suez Canal in the Context of Regional Security in the Middle East) // Vestnik RUDN. Seriya: mezhdunarodnye otnosheniia, 2014, No. 2, pp. 75-84.

Vertin, Z. Toward a Red Sea Forum: The Gulf, the Horn of Africa, & Architecture for a New Regional Order / Brookings Doha Center Analysis Paper Number 27, November 2019.

Voskressenski, A.D. Kontseptsii regionalizatsii, regional'nykh podsystem, regional'nykh kompleksov i regional'nykh transformatsiy v sovremennykh mezhdunarodnykh otnosheniyakh (Concepts of Regionalization, Regional Subsystems, Regional Complexes and Regional Transformations in Modern International Relations) // Comparative Politics Russia, 2012, No. 3, pp. 30-58.

DOI: 10.24411/2221-3279-2021-10022

CLASH OF INTERESTS AND GEOPOLITICAL RIVALRY IN THE RED SEA REGION

Sergey A. Ivanov

*Russian Institute for Strategic Studies,
Moscow, Russia*

Elena M. Savicheva

*Peoples' Friendship University of Russia,
Moscow, Russia*

Valery P. Titov

*Free-lance researcher
Moscow, Russia*

Article history: <i>Received:</i> 22.09.2020 <i>Sent for editing:</i> 22.03.2021 <i>Accepted:</i> 15.05.2021	Abstract:The Red Sea and the Aden Gulf area, where from time immemorial ancient sailors paved trade routes, and the North-East Africa (the Horn of Africa) are rapidly turning into an important strategic region. It's about ensuring free access to the Red Sea and, therefore, to the Suez Canal, that significantly reduces the delivery time and cost of goods, including energy resources. It facilitates and cheapens the trade between Europe and Asia. However, such a strategically important region is extremely unstable and turbulent. Navigation here is carried out, including along several narrow straits, which have been named as "suffocating" and "shock points" of modern geopolitics. We note a trend towards increasing competition in this once "sleepy" region. Arab countries such as Egypt, Saudi Arabia, the UAE are striving to secure their interests here in competition with other Middle Eastern "heavyweights" – Turkey and Iran. Qatar has recently joined the above non-Arab actors. The accelerated dynamics of events leads to changes in the balance of power, which affects politics of non-regional actors – China, the United States and others. This article aims to comprehend the prevailing political realities in the area under consideration, to identify the military-political and trade-economic factors that determine the geostrategic importance of the Red Sea and adjacent territories, to determine the features of relations between the countries of the region, as well as their interaction with non-regional players. <i>Acknowledgements: The research was funded by RFBR according to the research project number 20-014-00039 «Models and Risks of Cooperation in the Middle East Region in the First Quarter of the XXI Century»</i>
About the authors: <i>Sergey A. Ivanov</i>, Candidate of History, Leading Researcher, Russian Institute for Strategic Studies (RISS) e-mail: sergey.ivanov@riss.ru <i>Elena M. Savicheva</i>, Candidate of History, Associate Professor, Peoples' Friendship University of Russia e-mail: savicheva@mail.ru <i>Valery P. Titov</i>, Free-lance researcher e-mail: titovvp@mail.ru	
Key words: Red Sea; Suez Canal; Horn of Africa; geopolitical interests; rivalry; conflicts; security	

Для цитирования: Иванов С.А., Савичева Е.М., Титов В.П. Столкновение интересов и геополитическое соперничество в регионе Красного моря // *Сравнительная политика*. 2021. № 1. С. 94-110.

DOI: 10.24411/2221-3279-2021-10022

For citation: Ivanov, Sergey A.; Savicheva, Elena M.; Titov, Valery P. Stolknoveniye interesov i geopoliticheskoye sopernichestvo v krasnomorskom regione (Clash of Interests and Geopolitical Rivalry in the Red Sea Region) // *Comparative Politics Russia*, 2021, No. 1, pp. 94-110.

DOI: 10.24411/2221-3279-2021-10022

РОССИЯ — РЕСПУБЛИКА КОРЕЯ: ИТОГИ И ПЕРСПЕКТИВЫ (30 ЛЕТ УСТАНОВЛЕНИЯ ДИПЛОМАТИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ)

Олег Геннадьевич Карпович

*Дипломатическая академия МИД России,
Москва, Россия*

Любовь Александровна Смагина

*Дипломатическая академия МИД России,
Москва, Россия*

Информация о статье: <i>Поступила в редакцию:</i> 29 сентября 2020 <i>Принята к печати:</i> 16 апреля 2021	Аннотация: Республика Корея является одним из приоритетных партнеров России в Азиатско-Тихоокеанском регионе. В 2020 году страны отмечают 30-летие установления дипломатических отношений. За последние годы страны сделали значительные шаги в сторону укрепления торгово-экономического взаимодействия. В феврале 2019 года страны подписали план действий по реализации 9 приоритетных направлений сотрудничества – природный газ, энергетика, железные дороги, морские порты, Северный морской путь (СМП), судостроение, промышленные комплексы, сельское хозяйство и рыболовство. Открыт Российско-корейский центр инноваций, а в сентябре 2020 состоялось подписание соглашения о намерениях по созданию южнокорейского индустриального парка в Приморье, также в конце 2019 года Москвой и Сеулом было принято решение объявить 2020 год Годом взаимных обменов.
Об авторах: <i>Карпович О.Г.</i>, д.ю.н., д.полит.н., профессор, директор Института актуальных международных проблем, Дипломатическая академия МИД России e-mail: iamp@dipacademy.ru <i>Смагина Л.А.</i>, к.полит.н., научный сотрудник Института актуальных международных проблем, Дипломатическая академия МИД России e-mail: iamp@dipacademy.ru	
Ключевые слова: Россия; Республика Корея; дипломатические отношения; торговля; экономические связи; промышленность; взаимодействие; соглашение; гуманитарное сотрудничество; культура; спорт	

Двусторонние отношения России и Кореи имеют длительную историю¹, а дипло-

¹ Первые контакты между странами имели место еще в XVII веке. В середине XIX века между ними появилась общая граница по реке Туманган, вследствие чего увеличилось количество контактов между корейцами и населением российского Дальнего Востока, что, однако, еще не означало заключение официальных дипломатических отношений. Первый официальный договор между Российской

империей и Кореей, который стал основой дипломатических отношений двух стран, был подписан 7 июля 1884 года. Как утверждают историки, период 1896-1898 годов можно считать наиболее тесным в отношениях между Россией и Кореей. Так, весной 1896 года корейские представители были официально приглашены на коронацию императора Николая II, а после торжеств в Москве в Петербурге состоялись специальные переговоры с правительством России, касающиеся оказания

матические – тридцатилетнюю со дня их установления между Российской Федерацией и Республикой Корея. За это время развитие двусторонних российско-корейских отношений переживало периоды подъема и спада.

После освобождения Кореи от японского колониального господства в 1945 году, формирования в 1948 году двух корейских государств (Республики Корея и Корейской Народной Демократической Республики), Корейской войны 1950-1953 годов и раздела Корейского полуострова отношения с новыми корейскими государствами развивались по-разному. В условиях ведения «холодной войны» Советский Союз, страны Варшавского договора и КНР игнорировали существование Республики Корея, избравшей капиталистический путь развития, и признавали КНДР, вставшую на путь построения социализма, в то время как США и их союзники не признавали КНДР.

Со второй половины 80-х годов XX века в рамках перестройки и внедрения «нового мышления» в советской внешней политике произошел поворот в отношении Корейского полуострова, а именно, наша страна отказывается от безусловной поддержки КНДР в ее противостоянии с Южной Кореей и США и налаживает более тесные отношения с Республикой Корея.

Новым витком в развитии двустороннего сотрудничества стало подписание 30 сентября 1990 года в Нью-Йорке министрами иностранных дел двух государств соглашения об установлении дипломатических от-

гуманитарной и экономической помощи корейской стороне. По их итогам в августе 1896 года Россия начала строительство телеграфных линий, а также помогла Корее решить ряд финансовых вопросов: в декабре 1897 года был открыт первый российско-корейский банк. Что касается культурных отношений между Россией и Кореей, то в 1897 году на факультете восточных языков Императорского Санкт-Петербургского университета началось преподавание корейского языка. После установления в Корею японского колониального господства в 1910 году Корея прекратила свое существование как независимое государство. Российская миссия просуществовала до 1925 года как институт Генерального консульства России в Сеуле.

ношений. Намерение развивать дружественные связи было закреплено подписанием Договора об основах отношений Российской Федерации и Республики Корея в 1992 году в ходе официальной встречи президентов двух стран Б.Н. Ельцина и Ро Дэ У.

Расширение торгово-экономического и научно-технического сотрудничества между двумя странами было закреплено в декларации о содействии развитию двустороннего сотрудничества, содержащей солидный перечень направлений, программ и проектов возможного взаимодействия в будущем, подписанной в сентябре 1995 года премьер-министрами В.С. Черномырдиным и Ли Хон Ку². Это событие стало толчком для подписания целого ряда документов по экономическим, научно-техническим и культурным вопросам. Ряд соглашений, включая соглашения о сотрудничестве в области уголовного правосудия и ядерной сферы, были подписаны в мае 1999 года президентом Ким Дэ Чжуном в ходе его визита в Россию. Однако несмотря на это ведущим военно-политическим союзником и экономическим партнером Южной Кореи оставались США.

Двусторонние контакты между Россией и Кореей привели к последовательному расширению взаимодействия в сфере торговли, инвестиций, рыболовства, военно-технического сотрудничества, мирного использования атомной энергии, культуры с учетом интересов и возможностей партнеров. Страны сумели выйти на высокий уровень экономического взаимодействия, доведя объем двусторонней торговли почти до 20 млрд долларов. Менее успешно развивалось инвестиционное сотрудничество. Российские инвестиции в Республику Корея были крайне незначительны, как и южнокорейские капиталовложения, которые длительное время были также невелики. Однако в последний период наметилась позитивная тенденция, прежде всего, относительно южнокорейских капиталовложений в автомобилестроение, производство потребительских товаров, гостиничного бизнеса и ряда других отраслей.

² Не остались без внимания Сибирь, Дальний Восток, освоение которых В. Черномырдин назвал перспективным направлением развития двустороннего сотрудничества.

Разительные перемены за это время произошли в сфере политики. Консультации между лидерами двух стран по широкому кругу вопросов стали регулярными, при этом двусторонний политический диалог превратился в важный элемент дипломатии России и Республики Корея. Важное значение для наращивания потенциала российско-южнокорейского сотрудничества имел визит в Москву в 2004 году президента РК Но Му Хёна. В совместном коммюнике была записана новая формулировка двусторонних отношений, которые характеризовались как «многогранное доверительное партнерство».

Договоренность поднять отношения до уровня стратегического партнерства активизировать диалог и сотрудничество на всех уровнях была зафиксирована в Совместном заявлении президентов двух стран Д. Медведева и Ли Мён Бака по итогам встречи в Москве в 2008 году. Это событие придало стимул к формированию условий для устойчивого роста двусторонних экономических связей между Россией и Республикой Корея. Речь шла о создании надлежащего инвестиционного климата, обеспечении информационной и правовой поддержки инвесторов, содействии расширению научно-технического сотрудничества.

Отношения с Республикой Корея являются одним из приоритетных направлений азиатско-тихоокеанской политики современной России и характеризуются конструктивным и взаимодополняющим партнерством. В настоящее время создана разветвленная договорно-правовая база двустороннего взаимодействия: заключено более 50 соглашений, охватывающих торговлю, инвестиции, рыболовство, военно-техническое сотрудничество, мирное использование атомной энергии, культуру и другие сферы.

О развитии отношений между нашими странами свидетельствует и увеличение числа встреч на высшем уровне. В июне 2018 года по приглашению Президента Российской Федерации В.В. Путина Россию с государственным визитом посетил Мун Чжэ Ин. По итогам переговоров было принято Совместное заявление РФ и РК о подписании пакета межведомственных и корпоративных

документов. На встрече был обсужден широкий спектр проблем, касающихся денуклеаризации Корейского полуострова, терроризма, зон свободной торговли, бизнеса и т.д. В ходе визита обе страны подтвердили, что являются эффективными партнерами. Предметами обсуждения также стали пути развития стратегий государств в трех направлениях: увеличение количества точек роста, развитие Дальнего Востока в Евразии и содействие общественному благосостоянию.

Значимое место в российско-корейских отношениях отводится межпарламентским контактам, о чем свидетельствует официальный визит председателя Государственной Думы В. Володина в Сеул в июле 2017 года. В декабре того же года с ответным визитом в Москву прибыл лидер Совместной демократической партии Чху Миэ как глава парламентского комитета по внешнеполитическому сотрудничеству между Кореей и Россией. Продолжением межпарламентских контактов стало посещение Председателем Национального собрания РК Мун Хи Саном в мае 2018 года Москвы, следствием чего стало формирование двусторонней межпарламентской комиссии по сотрудничеству Государственной Думы РФ и Национального собрания Республики Корея. В рамках данной комиссии обсуждаются вопросы развития отношений между Россией и Кореей как в области экономики, так и образования, развития гуманитарных связей и культуры.

Поддерживаются контакты на уровне министерств и ведомств обоих государств. В 2018 году министр иностранных дел Российской Федерации С.В. Лавров и министр иностранных дел Республики Корея Кан Ген Хва провели встречи на полях министерских мероприятий по линии АСЕАН в Сингапуре, а в 2019 году – на Мюнхенской конференции по безопасности в Германии (февраль) и в Москве (июнь).

Россия и Республика Корея плодотворно взаимодействуют по линии правительств и Советов безопасности, постоянно контактируя на уровне руководителей профильных ведомств. Между странами налажен активный диалог в области обеспечения международной информационной безопасности (МИБ), а в целях обмена

мнениями по актуальным вопросам двустороннего взаимодействия и сотрудничества на международной арене ежегодно проводятся межведомственные консультации по данной проблематике.

Очередные раунды российско-южнокорейских межведомственных консультаций состоялись в соответствии с договоренностями российско-южнокорейского саммита в Москве 22 июня 2018 года, а также 31 января 2019 года. Следствием данных событий стало начало переговоров о подготовке к заключению соглашения о свободной торговле услугами и инвестициями профильных ведомств двух стран в июне 2019 года³. На данный момент проведено три раунда консультаций – последний в январе 2020 года. Заданный переговорный темп дает основания надеяться, что Россия и Республика Корея вскоре смогут выйти на конкретные договоренности в этой области.

Особый интерес в рамках сотрудничества России и Южной Кореи представляют сферы освоения космоса и атомной энергетики. Об этом свидетельствует привлечение Роскосмоса к сооружению Национального космического центра Республики Корея «Наро», совместный полет российских и южнокорейских космонавтов на российском космическом корабле «Союз ТМА-12» (апрель 2008 г.), запуск корейской ракеты-носителя KSLV-1 (январь 2013 г.), импорт Южной Кореи российского топлива для атомных электростанций, российских вертолетов и отдельных видов вооружений и боевой техники.

Одним из наиболее значимых направлений в экономическом сотрудничестве является область энергетики, транспорта и логистики. Богатая энергоресурсами Россия, которая в рамках своей стратегии диверсификации рынка сосредоточена в Европе, расширяет свой экспорт энергоресурсов в страны Азии и Тихого океана, включая Южную Корею. Корея также использует свою ресурсную дипломатию в качестве важной

дипломатической стратегии с Россией и Центральной Азией⁴.

Российско-южнокорейское сотрудничество опирается на прочную договорно-правовую базу. Речь идет о межгосударственных соглашениях в сфере торговли, гарантиях инвестиций, предотвращении двойного налогообложения, а также в военно-технической сфере, сотрудничестве в области мирного использования атомной энергетики, культурном обмене, предупреждении незаконного, несообщаемого и нерегулируемого промысла морских живых ресурсов и других.

Несмотря на готовность к активному сотрудничеству, многие эксперты утверждают, что за прошедшие тридцать лет радикальных перемен не произошло, что отражается в структуре взаимного товарооборота. В российском экспорте по-прежнему более 80% приходится на минеральные ресурсы, другие же экспортные статьи включают в себя продовольственные товары и сельскохозяйственное сырье, металлы, продукцию химической промышленности, а также древесину и целлюлозно-бумажные изделия, т.е. в основном сырьевые товары или товары с низкой добавленной стоимостью. В свою очередь, российский импорт более чем на 60% представлен автомобилями, высокотехнологичной техникой и оборудованием⁵.

Сегодня РК является одним из основных приоритетных партнеров России в Азиатско-Тихоокеанском регионе, несмотря на то, что по данным ФТС России наблюдается спад товарооборота между странами. Так, в 2018 году товарооборот составил 24,841 млрд долларов США, а по итогам на январь–апрель 2019 года – 8,471 млрд долларов США. Тенденции к снижению наблюдаются в экспорте и импорте товаров. Например, в 2018 году экспорт России составил 17,832 млрд долла-

³ Андрей Кулик: Москва и Сеул прорабатывают вопрос горячей линии для BBC (Andrey Kulik: Moscow and Seoul are working on a hotline for the Air Force) / РИА Новости. 17.02.2020. Режим доступа: <https://ria.ru/20200217/1564797141.html>

⁴ Major Challenges and Direction for the Revitalization of Far East and Siberia Development Cooperation. Korea Institute for International Economic Policy. Government report. Seoul. 2014. P. 194-195.

⁵ Итоги внешней торговли России. Аналитика за 2019 год (Results of Russia's Foreign Trade. Analytics for 2019). Режим доступа: <https://ru-stat.com/analytics/6556>

ров, а импорт южнокорейских товаров – 7,009 млрд долларов. На январь–апрель 2019 года российский экспорт 5,834 млрд долларов, а импорт – 2,637 млрд долларов⁶.

Однако инвестиционная политика южнокорейских партнеров специфична. Несмотря на то, что сегодня на российском рынке представлено более 150 крупнейших компаний из Южной Кореи, инвестиции вкладываются нашими партнерами неравномерно. Например, энергетика продолжает оставаться ключевой сферой, нежели промышленность, сельское хозяйство и гостиничный бизнес. Прямые инвестиции Кореи в Россию достигли максимума в 430 млн долларов США в 2009 году и с 2011 г. оказались в стагнации, дойдя до около 100 млн долларов США⁷. Согласно данным ЦБ России, к октябрю 2015 года объем накопленных прямых инвестиций из Республики Корея в российскую экономику составил 1,25 млрд долларов США⁸.

В начале 2019 года общий приток прямых инвестиций из Республики Корея в Россию составил 2,679 млрд долларов США. Их распределение по отраслям экономики России составляет около 70% от всего объема инвестируемого в обрабатывающей промышленности, 16% – в торговле и ремонте автотранспорта, 3% – финансово-страховой сфере, 3% – в сельском хозяйстве, лесоводстве и рыболовстве⁹.

Усилия российского руководства повысить инвестиционную привлекательность не привели к прорыву. Процесс институционализации инвестиционного сотрудничества идет медленно. Формирование структур для реализации проектов требует больших финансовых инвестиций и координации их обеспечения. Например, планы развития регионов Сибири и Дальнего Востока, являющиеся приоритетными в экономическом сотрудничестве России и Республики Корея, к сожалению, ограничиваются проработкой вопросов участия южнокорейских компаний в данных проектах, реализуемых на территориях опережающего развития России и в свободном порту Владивосток (СПВ). И это несмотря на то, что Дальневосточный регион – географически самый близкий к Корее, является одним из основных районов расселения русских и корейцев, более активной зоной обмена между двумя странами. Он не только тесно связан с Кореей исторически, но в нем есть та часть, которая может сформировать эмоциональный консенсус с Кореей как одной из областей, где живут два народа.

Дальневосточная Сибирь России является также важным регионом с точки зрения логистики, возможностью связаться с Евразией и частью развития арктического маршрута. Таким образом, данный регион является базой бизнес-проектов не только Южной Кореи и России, но и в будущем трехстороннего сотрудничества между Южной Кореей, нами и Северной Кореей.

На Восточном экономическом форуме, состоявшемся во Владивостоке в 2017 году, президент Южной Кореи Мун Чжэ Ин выступил с инициативой навести с Россией «девять мостов». Она легла в основу концепции взаимодействия в разных областях: железные дороги, морские порты, энергетика, природный газ, арктическое судоходство, судостроение, сельское хозяйство, рыболовство, создание промышленных комплексов, экология, образование и здравоохранение¹⁰.

⁶ Аналитическая справка, включая оперативные данные по статистике внешней торговли Республики Корея с Россией за 1-2 кв. 2018 года. Официальный сайт Министерства экономического развития Российской Федерации. <http://www.ved.gov.ru>.

⁷ Оськин В.В. Структура прямых инвестиций из Республики Корея в Россию // Молодой ученый. 2020. № 29 (319). С. 235-237. [Os'kin, V.V. Struktura pryamykh investitsiy iz Respubliki Koreya v Rossiyu // *Molodoy uchenyy*, 2020, No. 29 (319), pp. 235-237.]

⁸ Экономические отношения России и Республики Корея. Режим доступа: <https://tass.ru/info/3331211>

⁹ Оськин В.В. Структура прямых инвестиций из Республики Корея в Россию // Молодой ученый. 2020. № 29 (319). С. 235-237. [Os'kin, V.V. Struktura pryamykh investitsiy iz Respubliki Koreya v Rossiyu // *Molodoy uchenyy*, 2020, No. 29 (319), pp. 235-237.]

¹⁰ Андрей Кулик: Москва и Сеул прорабатывают вопрос горячей линии для BBC (Andrey Kulik: Moscow and Seoul are working on a hotline for the Air Force) / РИА Новости. 17.02.2020. Режим доступа: <https://ria.ru/20200217/1564797141.html>

Это хорошее предложение, которое органично вписывается в российское видение эффективного сотрудничества в формате Россия – Республика Корея – Корейская Народно-Демократическая Республика. Реализация трехсторонних экономических проектов с участием России, РК и КНДР, включая интеграцию корейских железных дорог с Транссибом и транзитные поставки трубопроводного газа и электроэнергии через КНДР в Республику Корея будет способствовать развитию межкорейских отношений, укреплению мира и стабильности на Корейском полуострове и в Северо-Восточной Азии в целом.

Трехсторонние экономические проекты в формате РФ–КНДР–РК во многом зависят от межкорейских отношений и военно-политической ситуации на Корейском полуострове. Экономические выгоды от масштабных проектов соединения железных дорог трех стран, прокладки газопровода из России в РК через территорию КНДР, поставки электроэнергии с Дальнего Востока России на Корейский полуостров невозможны без укрепления мира в регионе.

Переговоры о строительстве газопровода через Северную Корею, проект которого был разработан еще в 2011 году, периодически ведутся после «потепления отношений» между Пхеньяном и Сеулом. С экономической точки зрения наиболее целесообразным было признано строительство трубопровода через Северную Корею. Однако отношения Сеула и Пхеньяна периодически осложняются, что замораживает строительство газопровода, хотя данный проект крайне важен как для Сеула, так и для Пхеньяна как источник транзитных доходов. В перспективе нельзя исключить переход Северной Кореи на российский газ. А это уже будет иметь политический эффект – способствовать объединению корейского полуострова и усилению влияния РФ на КНДР. Наряду с созданием транскорейской железной дороги с выходом на Транссиб и соединением электросетей этот проект для России является одним из важнейших на корейском направлении.

В сентябре 2019 года, выступая на Восточном экономическом форуме во Вла-

дивостоке, президент России В. Путин подчеркнул важность «втягивания» КНДР во взаимовыгодные проекты, поскольку у нашей страны есть «конкретные предложения». Речь шла о совместной дороге, связывающей Транссиб и корейские железные дороги через Северную Корею, трубопроводом транспорте, освоении портов Северной Кореи. Поскольку Владивосток является зоной интересов Южной Кореи, то предложенный корейской стороной проект строительства рыбоперерабатывающего и логистического комплекса в этой зоне обретает особую значимость для развития сельского хозяйства.

Сегодня огромное внимание уделяется региональным проектам, предусматривающим строительство автомобильных дорог и электростанций. Планируется задействовать Республику Корея в проектах сотрудничества в рамках Арктического совета, а в освоении Северного морского пути – привлечь южнокорейские судоходные компании. Поскольку Южная Корея обладает высоким уровнем технологического развития, богатым опытом в сфере специализированного судостроения и развития портовой инфраструктуры, то привлечение южнокорейского бизнеса на этом направлении крайне важно. Более того, привлечение южнокорейских компаний возможно в освоении арктических российских месторождений углеводородов. В этой связи в целях транспортировки газа с предприятия «Ямал СПГ» на южнокорейских верфях строятся 15 танкеров-газовозов ледового класса. В перспективе возможно участие корейских партнеров в российском проекте по добыче и сжижению газа «Арктик СПГ-2».

Между странами сформированы и совместные информационные научно-технические площадки. Примером может стать открытый в южнокорейском городе Инчхон Российско-корейский инновационный центр, содействующий сотрудничеству в сфере передовых технологий, совместным исследованиям и разработкам, обмену между странами малыми, средними и венчурными предприятиями.

В последние годы особое внимание уделяется развитию высокотехнологичных отраслей, таких как медицина и биотехно-

логии, страны взаимодействуют в топливно-энергетической сфере: это касается и углеводородов, и электроэнергии, и атомной энергии. Россия обеспечивает более 20% потребностей атомных электростанций Южной Кореи в обогащенном уране. Южнокорейские компании обеспечивают энергетические российские проекты соответствующим оборудованием – современными танкерами, перевозящими нефть и сжиженный газ. С российской стороны на торгово-экономическое сотрудничество с Южной Кореей замкнуты как ведущие государственные предприятия, так и крупные частные фирмы, такие как «Русал» и «Мечел».

Энергетический диалог в российско-южнокорейских экономических связях преследует определенную цель: совместную работу в энергетическом секторе и укреплении прочного регионального энергетического сотрудничества в Северо-Восточной Азии. Кроме того, особое значение обретает политика преференций для южнокорейских инвестиций. Перспективными областями, в которых возможно инвестиционное сотрудничество, могут быть предприятия нефтехимии и газохимии, лесоперерабатывающие комплексы, целлюлозно-бумажная промышленность, переработка рыбы и морепродуктов.

Яркими примерами успешного инвестиционного сотрудничества являются автосборочное предприятие «Хендэ Мотор» в Санкт-Петербурге, завод по производству бытовой техники «Самсунг Электроникс» в Калужской области, завод «Эл Джи Электроникс» в г. Руза Московской области, гостинично-торговый комплекс «Лоттэ Групп» в Москве и др. Вместе с тем Корея не смогла сыграть свою роль в области инвестиций и экономического сотрудничества в той мере, в какой это ожидалось.

В целях создания «платформы для инноваций», способствующей проведению совместных исследований в области промышленности, Министерства науки и образования России и экономики и знаний Республики Корея заключили соответствующий меморандум. Подобный меморандум о сотрудничестве в области социальной защиты был подписан между Министерства-

ми труда и социальной защиты Российской Федерации и здравоохранения и благосостояния Республики Корея. Стороны определили следующие сферы для сотрудничества и проведения совместных мероприятий:

- развитие системы социального страхования, включая пенсионное обеспечение;
- обеспечение гарантированного дохода граждан, включая государственную поддержку семей с детьми, лиц пожилого возраста и инвалидов;
- проведение политики, направленной на улучшение демографической ситуации, повышение уровня рождаемости и решение проблем, обусловленных старением населения¹¹.

Две страны развивают тесное сотрудничество в области медицины, о чем свидетельствует подписанный между южнокорейской клиникой и правительством Москвы меморандум о взаимопонимании¹².

Социокультурные отношения между Россией и Южной Кореей переживают этап стремительного роста. В целях развития людских ресурсов и содействия взаимопониманию и дружбе между корейской и российской молодежью был разработан проект – Международная программа Молодежного культурного обмена, в рамках которой активно сотрудничают уезд Ванджу и Фонд развития сельской молодежи. Обменные программы молодежи можно рассматривать как возможность для молодого поколения обеих стран поделиться культурой и взаимопониманием, а также быть ближе друг к другу.

Социокультурному развитию способствуют и взаимные визиты представителей местных органов власти и государственных учреждений, Министерств культуры РФ и культуры, спорта и туризма Южной Кореи. В 2020 году был подписан Меморандум о

¹¹ Министры России и Южной Кореи подписали меморандум о сотрудничестве в области социальной защиты. Минтруд России. Росминтруд. Режим доступа: <https://rosmintrud.ru/social/social/1171>

¹² Сергей Собянин и Джон Сан Хун подписали Меморандум о взаимопонимании между Правительством Москвы и южнокорейской клиникой. Мос.ру, Режим доступа: <https://www.mos.ru/mayor/themes/11299/4833050/>

проведении в этом году Года культурных обменов, посвященного 30-летию установления дипломатических отношений между двумя странами. Девиз «Дружить, доверять, действовать» стал его девизом. В 2021 году эстафета культурного обмена будет передана международному фестивалю «Русские сезоны», который планируется провести на корейском полуострове.

В марте 2018 года между Министерствами спорта РФ и культуры Республики Корея был заключен меморандум в области развития спорта.

Налажена практика подготовки кадров в сфере искусства, обменов творческими коллективами, проведения выставок и культурных мероприятий. Также по линии министерств двух стран регулярно проводятся фестивали корейской культуры в России и российской – в Корее.

Все эти мероприятия, связанные с национальным и региональным медицинским туризмом, искусством, культурой, спортом и историческими достопримечательностями свидетельствуют о росте сотрудничества между нашими странами.

Таким образом, взаимодействие между Российской Федерацией и Республикой Корея основано на взаимных долгосрочных стратегических интересах и отличается наличием высокого уровня взаимопонимания и доверия. И все же без проблем и трудностей двустороннее сотрудничество не обходится. Примерами могут являться необходимость в привлечении иностранных инвестиций, преодолении языковых барьеров и национальные особенности ведения бизнеса. Инструментами преодоления этих препятствий могут стать мониторинг и более свободный доступ к деловой информации.

Зрелое российско-корейское сотрудничество предполагает расширение рамок взаимодействия на основе общего понимания важнейших проблем мирового развития и сотрудничества через различные многосторонние организации. Для их решения Россия и Корея поддерживают активные контакты в ООН и с региональными и глобальными партнерами, такими как АТЭС, «Большая двадцатка», АСЕМ и АСЕАН.

Между Россией и Кореей происходит постоянный обмен информацией и мнениями по таким глобальным вопросам, как охрана окружающей среды, борьба с терроризмом, пиратством, незаконным оборотом наркотиков, киберпреступностью, транснациональной преступностью, энергетической и финансовой безопасностью.

С 1990-х годов XX века дипломатические отношения между Россией и Республикой Корея нормализовались, сформировав платформу для дружбы и сотрудничества. Векторами совместной дипломатии и дальнейшего развития двусторонних отношений стали экономика, энергетика, туризм, спорт и другие отрасли. Все это требует нормализации отношений между Южной Кореей и КНДР, поскольку реализация крупных трансграничных проектов возможна только в трехстороннем формате. Синергетический эффект объединения усилий трех стран будет отражен в реализации проектов, направленных, к примеру, на соединение Транс-корейской железной дороги с Транссибирской магистралью или освоение Сибири и Дальнего Востока.

И Россия, и Южная Корея тесно сотрудничают в различных форматах, включая и шестисторонние переговоры, нацеленные на денуклеаризацию Северной Кореи. Самым главным для развития двусторонних отношений между Россией и Республикой Корея является расширение границ взаимопонимания между двумя народами, укрепление основ дружбы, нацеленной на будущее¹³. Необходимы меры и усилия по максимизации национальных интересов обеих стран в Северо-Восточной Азии и Евразии, где происходят геополитические изменения.

Оглядываясь на прошлую историю российско-корейских отношений и рассматривая нынешний уровень сотрудничества между двумя странами, необходимо отметить, что нужно добиваться взаимопонимания путем более тесного диалога. В экономической сфере необхо-

¹³ Cooperation Projects of Three South Korea-North Korea-Russia in Russian Far East. Korea Institute for Industrial Economics & Trade / I-KIET report-Seoul, 2019, Vol. 61, pp. 7-8.

димо расширять взаимный обмен инвестициями, выявлять трудности, в том числе связанные с санкциями. Здесь, однако, действуют внешние ограничения в виде стратегического военного альянса между Сеулом и Вашингтоном. Несмотря на то, что Южная Корея не присоединилась к санкциям в отношении России, де-факто корейские банки не готовы выделять финансирование корейским компаниям для участия в дальневосточных проектах из опасений реакции США.

Таким образом, перспективными направлениями развития отношений между Россией и Кореей являются следующие:

- во-первых, политическое сотрудничество в области безопасности Северо-Восточной Азии. Принципиальные подходы России и Республики Корея к вопросам, связанным с поддержанием мира и стабильности на Корейском полуострове и в Северо-Восточной Азии, частично совпадают. Политика России позитивна в отношении политического диалога двух корейских государств, а также расширения межкорейских экономических связей, в рамках которых могут создаваться условия для перспективных многосторонних проектов, в том числе с российским участием, тем более что региональная обстановка в Северо-Восточной Азии такова, что Москве и Сеулу выгоднее сохранять диалог в настоящее время;

- во-вторых, многостороннее экономическое сотрудничество между Китаем, Северной Кореей, Россией и Южной Кореей выгодно всем странам. По данным внешнеэкономической статистики, российско-южнокорейская торговля переживает рост на протяжении последних лет, что в целом оправдывает заявленные ожидания;

- в-третьих, развитие в области науки, образования, культуры и туризма. Владивосток стал одним из популярных направлений зарубежного туризма для многих граждан Республики Корея, более того, для посещения нашей страны не нужно соблюдать никаких формальностей – сохраняется безвизовый режим;

- в-четвертых, геополитика. Республика Корея демонстрирует большой

интерес к российским внешнеполитическим инициативам, включая обновленную версию российско-китайской дорожной карты по комплексному урегулированию проблем Корейского полуострова и готова к диалогу с нашей страной. Более того, на фоне постоянных мелких конфликтов с Японией и определенных сложностей в диалоге с Китаем и США отношения Южной Кореи и России оказываются более благоприятными, наполненными конструктивной повесткой;

- в-пятых, сотрудничество по важнейшим проблемам современного мирового развития. Международный терроризм и пиратство, глобальное изменение климата, загрязнение морской среды, проблемы международного здравоохранения, проблемы использования ядерной энергии – значимые векторы сотрудничества.

В настоящее время стратегическое партнерство становится возможным, так как сложились определенные условия:

- общее стремление России и РК участвовать в интеграционных процессах;

- реализация российской концепции «Евразийского сообщества». В то время как на Западе идеи интеграции теряют свою привлекательность, на Востоке в них видят залог концентрации усилий для инновационного скачка в развитии;

- совместная работа в регионе Дальнего Востока России (ТОР, СПВ, бывшая СЭЗ Находка), а также в рамках трехстороннего взаимодействия: сотрудничество в пограничных районах России и КНДР, специальных экономических зонах КНДР (Расон, Кэсон) или проекты с наймом северокорейской рабочей силы, привлечение и других участников для многосторонних проектов (например, Китая, Японии).

Переход к формату Евразийского сотрудничества представляется перспективным для Республики Корея и России, поскольку обеспечит устойчивый экономический рост за счет выхода на новые рынки, облегчит процесс сближения с КНДР, укрепит доверие между странами.

Литература:

Оськин В.В. Структура прямых инвестиций из Республики Корея в Россию // Молодой ученый. 2020. № 29 (319). С. 235-237.

Cooperation Projects of Three South Korea-North Korea-Russia in Russian Far East. Korea Institute for Industrial Economics & Trade / I-KIET report-Seoul, 2019, Vol. 61.

References:

Cooperation Projects of Three South Korea-North Korea-Russia in Russian Far East. Korea Institute for Industrial Economics & Trade / I-KIET report-Seoul, 2019, Vol. 61.

Os'kin, V.V. Struktura pryamykh investitsiy iz Respubliki Koreya v Rossiyu (), // *Molodoy uchenyy*, 2020, No. 29 (319), pp. 235-237.

DOI: 10.24411/2221-3279-2021-10023

RUSSIA – REPUBLIC OF KOREA: RESULTS AND PROSPECTS (30 YEARS OF DIPLOMATIC RELATIONS)

Oleg G. Karpovich

*Diplomatic Academy of the Russian Federation,
Moscow, Russia*

Luybov A. Smagina

*Diplomatic Academy of the Russian Federation,
Moscow, Russia*

Article history:

Received:

18.02.2021

Accepted:

16.04.2021

About the authors:

Oleg G. Karpovich,
Director, the Institute for Contemporary
International Studies, the Diplomatic
Academy of the Russian Federation

e-mail: iamp@dipacademy.ru

Luybov A. Smagina, Scientific Researcher,
the Institute for Contemporary International Studies,
the Diplomatic Academy
of the Russian Federation

e-mail: iamp@dipacademy.ru

Key words:

Russia; Republic of Korea; diplomatic relations;
trade; economic relations; industry; interaction;
agreement; humanitarian cooperation; culture;
sports

Abstract: The Republic of Korea is one of Russia's priority partners in the Asia-Pacific region. In 2020, the countries celebrate the 30th anniversary of the establishment of diplomatic relations. In recent years, the countries have made significant steps towards strengthening trade and economic cooperation. In February 2019, the countries signed an action plan for implementing 9 priority areas of cooperation – natural gas, energy, Railways, seaports, the Northern sea route (NSR), shipbuilding, industrial complexes, agriculture and fishing. The Russian-Korean innovation center was opened, and in September 2020 an agreement of intent was signed to create a South Korean industrial Park in Primorsky kray. At the end of 2019, Moscow and Seoul decided to declare 2020 “The year of mutual exchanges”.

Для цитирования: Карпович О.Г., Смагина Л.А. Россия – Республика Корея: итоги и перспективы (30 лет установления дипломатических отношений) // *Сравнительная политика*. 2021. № 2. С. 111-120.

DOI: 10.24411/2221-3279-2021-10023

For citation: Karpovich, Oleg G.; Smagina, Luybov A. Russia – Republic of Korea: Results and Prospects (30 Years of Diplomatic Relations) // *Comparative Politics Russia*, 2021, No. 2, pp. 111-120.

DOI: 10.24411/2221-3279-2021-10023

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ «США: ДИНАМИКА И ЭЛЕКТОРАЛЬНОЕ ПОВЕДЕНИЕ»

11 февраля 2021 г. состоялась научная конференция на базе Никитского клуба ученых и предпринимателей, на которой обсуждалась тема «США: динамика и электоральное поведение».

Ведущим конференции выступил А.Н. Привалов, вступительный доклад сделал профессор Л.М. Григорьев. В рамках конференции развернулась плодотворная дискуссия, затронувшая в том числе вопросы современного международного экономического и политического порядка. В работе конференции приняли участие представители научно-аналитических и др. организаций России, в том числе университетов и институтов РАН.

От МГИМО выступил директор Центра комплексного китаеведения и региональных проектов, профессор кафедры востоковедения, главный редактор журнала «Сравнительная политика» А.Д. Воскресенский, который затронул круг вопросов, связанных с последствиями применения методик сравнения темпов экономического роста двух крупнейших экономик мира США и КНР. Он также осветил вопросы поляризации ценностей в США, которые могут интерпретироваться по-разному – как усиление поляризации, но одновременно и как запуск механизма выработки нового социального и политического консенсуса.

Обсуждались вопросы возможного влияния последствий характера передачи власти в США на политическую ситуацию в самих США, а также с точки зрения возможных международных последствий, в том числе в связи с недавними событиями в Мьянме. Также был затронут вопрос о характере дискуссий по теме в научно-аналитическом и политическом сообществах Индии и АСЕАН.

МЕЖДУНАРОДНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ «НОВАЯ АДМИНИСТРАЦИЯ БАЙДЕНА В США: МЕЖДУНАРОДНЫЕ ПЕРСПЕКТИВЫ»

Международная конференция «Новая администрация Байдена в США: международные перспективы» («New Biden Administration: International Perspectives») была организована

5 февраля 2021 г. индийским Институтом индо-тихоокеанских исследований Калинга (Kalinga Institute of Indo-Pacific Studies, Orissa) и факультетом международных исследований Университета им. Дж. Неру (School of International Studies, JNU). Модератором конференции выступил президент индийского Института тихоокеанских исследований Калинга, ректор Университета им. Дж. Неру, член редколлегии журнала «Сравнительная политика» профессор Чинтамани Махапатра.

В рамках конференции состоялась плодотворная дискуссия, посвященная современным тенденциям международных отношений и в связи с приходом к власти новой администрации президента США Дж. Байдена. Обсуждалась иерархия глобальных трендов в постпандемическую эпоху, а также широкий круг вопросов, касающихся региональных торговых соглашений, внешней и внутренней политики США, ЕС, Индии, Китая, Японии, России, АСЕАН, БРИКС, стран Тихоокеанского региона, включая Мьянму, стран Ближнего Востока и Латинской Америки.

В работе конференции приняли участие специалисты по международным исследованиям из университетов и научно-исследовательских центров Индии, России, Канады, Сингапура, Вьетнама, Афганистана и др., которые были ознакомлены с англоязычными исследованиями ЦКК и РП МГИМО «China's Infinite Transition and Its Limits: Economic, Military, and Political Dimensions», «Is Non-Western Democracy Possible? A Russian Perspective» и др.

КОНФЕРЕНЦИЯ «ПОДГОТОВКА СПЕЦИАЛИСТОВ В ОБЛАСТИ МЕЖДУНАРОДНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ И ЗАРУБЕЖНОГО РЕГИОНОВЕДЕНИЯ В НОВЫХ УСЛОВИЯХ»

13 декабря 2020 г. в Шанхае состоялась международная конференция «Подготовка специалистов в области международных исследований и зарубежного регионоведения в новых условиях». Конференция проводилась Китайской Академией глобального управления и региональных проблем и Шанхайским университетом международных исследований (Китай). В конференции приняли участие вузы-партнеры, а также представители других университетов, реализующих учебные или научные программы по схожим направлениям подготовки или исследований. Со стороны МГИМО на конференции выступили проректор по кадровой политике В.М. Морозов и директор Центра комплексного Китаеведения и региональных проектов А.Д. Воскресенский, представившие доклады о подготовке в МГИМО специалистов по международным исследованиям и зарубежному регионоведению.

Обсуждаемые на конференции вопросы касались научного и образовательного состояния дисциплин в международных вузах, осуществляющих подготовку на этом направлении, инновационных образовательных программ, международного научного и образовательного сотрудничества. В конференции приняло участие более 50 специалистов со всего мира.

МЕЖДУНАРОДНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ «РЕГИОНОВЕДЕНИЕ И ПОДГОТОВКА СПЕЦИАЛИСТОВ В НОВЫХ ОБСТОЯТЕЛЬСТВАХ»

5-6 декабря 2020 г. на базе Хэйлунцзянского университета (Харбин, КНР) состоялась международная конференция «Регионоведение и подготовка специалистов в новых обстоятельствах». В работе конференции приняли участие сотрудники Центра комплексного Китаеведения и региональных проектов и Центра АСЕАН МГИМО Университета.

В рамках конференции с участием представителей ведущих десяти российских и двадцати китайских вузов состоялась плодотворная дискуссия, посвященная современным тенденциям в области подготовки регионоведов в России и Китае.

Со стороны МГИМО с докладами выступили директор Центра комплексного Китаеведения и региональных проектов, профессор кафедры востоковедения А.Д. Воскресенский, доценты

кафедры востоковедения, научные сотрудники Центра К.А. Ефремова и А.А. Киреева, доцент кафедры востоковедения, ведущий эксперт Центра АСЕАН Е.В. Колдунова и аналитик Центра АСЕАН В.В. Вершинина.

В заключение секции МГИМО состоялась презентация как уже зарекомендовавшей себя в учебном процессе, так и новой научной и учебной литературы, подготовленной авторами МГИМО. А.Д. Воскресенский и Е.В. Колдунова также представили новые выпуски журнала «Сравнительная политика», в которых рассматриваются вопросы, связанные с современным развитием Китая и китайско-российских отношений.

Доклады и презентация литературы вызвали большой интерес и живой отклик у аудитории. Участники конференции высказались за продолжение сотрудничества в новых условиях.

РАСШИРЕННОЕ СОВЕЩАНИЕ ЕВРАЗИЙСКОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ КОМИССИИ

25 сентября 2020 г. состоялось расширенное Совещание Евразийской Экономической Комиссии (ЕЭК) о Стратегических направлениях развития евразийской интеграции до 2025 г., в работе которого приняли участие представители МГИМО.

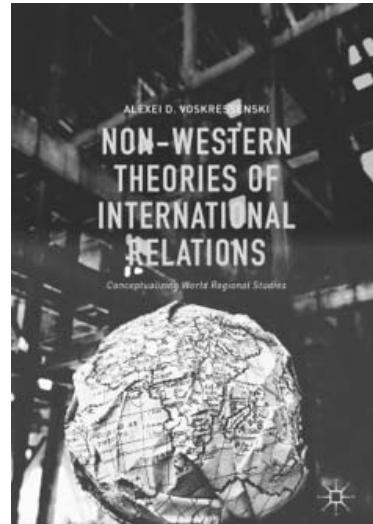
На расширенном межведомственном совещании ЕЭК рассматривались вопросы формирования интеграционного контура Большого Евразийского Партнерства (БЕП): ключевые темы, форматы взаимодействия и взаимные интересы. Совещание проводил член Коллегии (министр) по интеграции и макроэкономике ЕЭК академик РАН С.Ю. Глазьев. В работе совещания приняли участие представители МГИМО: посол по особым поручениям МИД России, профессор кафедры дипломатии к.и.н. К.М. Барский, директор Центра АСЕАН д.и.н. В.В. Сумский, директор Центра исследований Восточной Азии и ШОС ИМИ д.и.н. А.В. Лукин, заведующий Кафедрой европейского права, главный редактор журнала «Вся Европа.ру» профессор М.Л. Энтин, директор Центра комплексного Китаеведения и региональных проектов, главный редактор журнала «Сравнительная политика» профессор А.Д. Воскресенский, член научно-экспертного совета Центра комплексного Китаеведения и региональных проектов, зам. директора ИМЭМО профессор РАН А.В. Ломанов.

НА КНИЖНОЙ ПОЛКЕ

ИССЛЕДОВАНИЯ ЦЕНТРА КОМПЛЕКСНОГО КИТАЕВЕДЕНИЯ И РЕГИОНАЛЬНЫХ ПРОЕКТОВ МГИМО УНИВЕРСИТЕТА

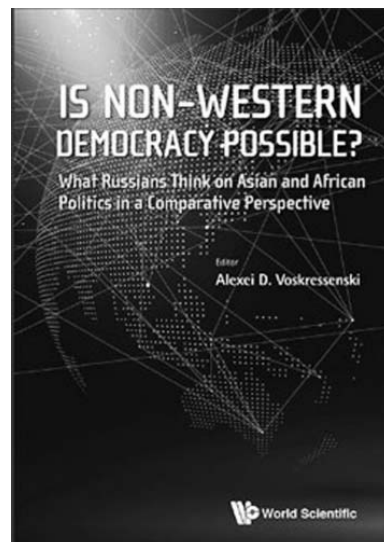
Alexei D. Voskressenski.
Non-Western International
Relations Theories:
Conceptualizing World Regional
Studies. Springer Global (Europe &
America): Palgrave Macmillan,
2017. 270 p.

This book analyzes the concept of World Regional Studies as well as regional complexes, regional subsystems, and global regions. It explains the emergence of new phenomena in international relations and world politics on a regional and predominantly non-Western regional level. It tackles the following issues: How do non-Western societies react to the transformations of the global order? Is a non-Western democracy possible? Should we discuss the possibilities for the appearance of a non-Western IR theory or a new framework for analyzing de-westernized global development?

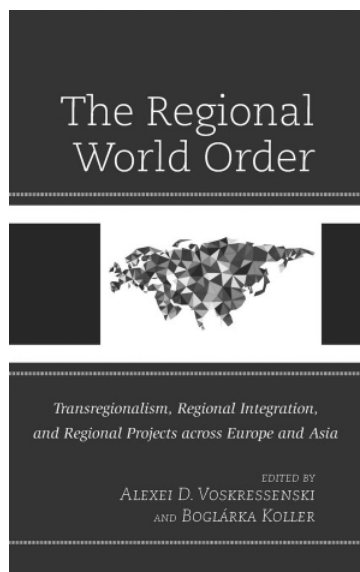
Alexei D. Voskressenski (ed.) Is Non-
Western Democracy Possible?
A Russian Perspective.
With introductions by Kevin Rudd,
Adam Przeworski and afterword by
Subrata Kumar Mitra. Singapore:
World Scientific, 2017. 738 p.

This book describes and analyses the influence of political culture on political processes in the Eastern world. It allows readers to make a comparative appraisal of the maturity of civil society in these countries as well as their specifics in political interactions and internal political competition seen through the eyes of a group of distinguished Russian researchers. It also explains why the one-dimensional spread of democracy — completely negating or neglecting regional political-cultural specifics — may lead to war among civilizations instead of the formation of a more just and fair system of democratic governance.

Alexei D. Voskressenski & Boglarka Koller (eds.). The Regional World Order. Transregionalism, Regional Integration, and Regional Projects across Europe and Asia. Lanham, Boulder, New York, London: Rowman & Littlefield / Lexington Books, 2019. 228 p.

The book explores ideas of how Europe, Eurasia, and Asia transformations may develop in the future focusing on transregional, regional integration, and regional projects – particularly Chinese. The volume employs a rigorous conceptual framework over a wide geographic range and applies different approaches to ask and answer challenging questions. The arguments presented in this book are built around the concepts of regionalism and transregionalism. The book is a collaborative project between MGIMO and the National University of Public Service (NUPS), Budapest.

Мировое комплексное регионоведение: введение в специальность. Под ред. проф. А.Д. Воскресенского. М.: ИНФРА-М, 2021. 448 с.

World Regional Studies: Introduction to the Field of Studies / Ed. by Alexei D. Voskressenski. Moscow: Magistr: INFRA-M, 2020, 2021. 448 p.

The textbook is devoted to the external and internal aspects of regionalization and transformation of regions of the world. It explains the direct connection between this topic and various trends in the development of the world political system as a whole.

Мировое комплексное регионоведение. Под ред. проф. А.Д. Воскресенского. М.: ИНФРА-М, 2021. 316 с.

World Regional Studies / Ed. by Alexei D. Voskressenski. Moscow: Magistr: INFRA-M, 2020, 2021. 416 p.

This is an innovative textbook, which reveals the main theoretical and methodological parameters of the discipline of World Regional Studies in the context of modern methodological discussions,

comparative political science, theory of international relations, and other related areas. It explains the influence of internal structural and temporal factors of national and regional development on world politics and international relations.

Практика зарубежного регионоведения и мировой политики.
Под ред. проф. А.Д. Воскресенского.
М.: ИНФРА-М, 2020, 2021. 560 с.

Praxis of World Regional Studies and World Politics / Ed. by Alexei D. Voskressenski. Moscow: Magistr: INFRA-M, 2020. 560 p.

The research textbook shows the process of the historical evolution of world regions and regional subsystems of international relations analyzes the stages of their political and economic modernization and provides a comparative analysis of world politics in various regions.

Мировое комплексное регионоведение в педагогической практике. В 2-х т. М.: МГИМО, 2018 (56 п.л.)

World Regional Studies in Pedagogical Praxis (in two volumes). Moscow: MGIMO, 2018. 478 pp. + 598 pp.

These two books analyze trends in the development of global integrated regional studies as a comprehensive research area in close connection with the new realities of world politics and international relations. It also considers both international and regional educational and methodological innovations of recent years.

欧亚中心跨区域发展机制研究 Ou-Ya Zhongxin Kua Quyu Fazhan Tizhi Jizhi Yanjiu = Mechanisms of Transregional Development in Central Eurasia: Analysis and Prognostications. Edited by Li Xing & Alexei Voskressenski. Beijing: Jiu Zhou Chubanshe, 2016. 495 p.

This joint study by Russian and Chinese authors analyzes the transregional processes currently taking place in Eurasia. Such issues as cooperation in the Eurasian space, its new institutional mechanisms, as

well as the motives of the main players are considered in a manner of discussion. The book concludes by examining forecasts for the development of Eurasia's geopolitical situation.

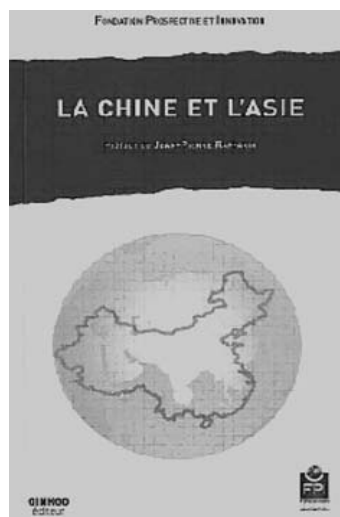
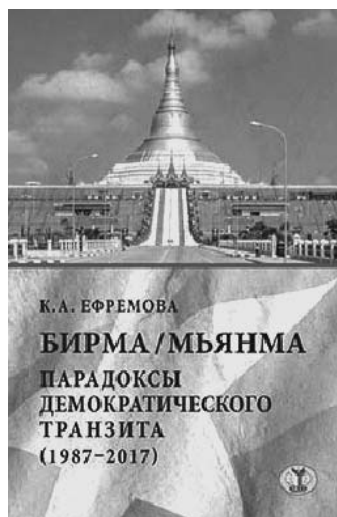
Ефремова К.А. Бирма/Мьянма: парадоксы демократического транзита (1987-2017). Москва: МГИМО-Университет, 2018. 186 с.

Efremova K.A. Burma/Myanmar: Paradoxes of Democratic Transit (1987-2017). Moscow: MGIMO University, 2018.

The book studies the main features of Myanmar society's political transformation over the past thirty years. It examines the reasons for the rise to power and the stages of evolution of the military regime, as well as the place of the National League for Democracy and its permanent leader Aung San Suu Kyi in the processes of democratization and national consolidation.

La Chine et L'Asie. Ed. by Jean-Pierre Raffarin. Paris: Ginkgo Editeur, 2018. 137 p.

The book talks about the main problems in the Eurasian space that are to be solved jointly by the European powers, Russia, the countries of Central Asia, and China.

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

При направлении материалов в журнал просим Вас соблюдать следующие требования.

Редакционный совет и редакция журнала рассматривают *авторские рукописи оригинального характера, содержащие результаты исследований, не публиковавшиеся ранее и не принятые к публикации другими журналами, основанные на методах сравнительно-политического и сравнительно-исторического анализа*. К публикации принимаются статьи (20000–75000 печатных знаков со всеми сносками и пробелами), рецензии на недавно вышедшие научные издания (до 25000 знаков), а также заметки о важнейших событиях в мире политической науки (до 15000 знаков). Рукописи должны быть отредактированы и соответствовать научному стилю речи.

Материалы необходимо присылать на сайт www.comparativepolitics.org с обязательной регистрацией на сайте и копией на электронную почту [sravitpolit@mail.ru](mailto:sravnitpolit@mail.ru), или представить в редакцию на электронном носителе (119454, Москва, пр-т Вернадского 76, МГИМО МИД России).

Внимание! В редакционный цикл включаются рукописи, соответствующие всем требованиям к содержанию и комплектности:

Правила оформления статьи:

- формат doc, docx; A4, интервал – 1,5;
- размер шрифта – 14;
- ссылки постраничные: шрифт – 12, интервал – 1;
- в конце статьи – полный список литературы в алфавитном порядке на русском и английском языке (с транслитерацией и переводом);
- поля: слева – 3 см, сверху, справа и снизу – 2 см;
- все таблицы, графики, схемы, рисунки должны редактироваться в Microsoft Word, быть пронумерованы, озаглавлены, иметь перевод названия на английский язык и ссылки в тексте;

Комплектность статьи:

- заглавие статьи на русском языке прописными (заглавными) буквами (должно быть коротким, отражать суть исследовательской проблемы);
- фамилия, имя, отчество автора(ов);
- резюме статьи на русском языке (200-250 слов);
- ключевые слова (7-12 слов на русском языке);
- основной текст статьи;
- информация об авторе (ФИО полностью, научные звания, должность, место работы (с указанием почтового адреса), научная специализация, e-mail);
- заглавие статьи на английском языке прописными (заглавными) буквами;
- имя фамилия (английская транскрипция);

– abstract (резюме на английском языке, 200-250 слов);

- key words (7-12 слов на английском языке);
- about the author (на английском языке: ФИО, научные звания, должность, место работы и почтовый адрес, научная специализация, e-mail);
- иные материалы – по согласованию с редакцией.

В редакцию необходимо направлять два файла статьи – один, содержащий всю информацию об авторе (см. выше), один – без идентификации автора для анонимного рецензирования экспертами в данной области.

Принятие статьи к рассмотрению не означает гарантии ее публикации, поскольку она проходит этап рецензирования и редактирования. Редакция оставляет за собой право на редактирование и сокращение материалов.

Правила оформления ссылок:

Библиографические данные литературы в сносках оформляются в соответствии с ГОСТ 7.1 и ГОСТ 7.82.

Русскоязычная литература обязательно должна быть транслитерирована латиницей с переводом названия на английский язык. Примеры и требования оформления литературы смотрите на сайте журнала: <https://www.comparativepolitics.org/jour/about/submissions#authorGuidelines>

Транслитерировать можно автоматически с помощью сайта translit.ru; режим транслитерации следует выбрать LC (Library of Congress).

При несоблюдении перечисленных требований присланные материалы не рассматриваются.

GUIDE FOR THE AUTHORS

Submissions should comply with the following requirements.

Editorial Board and Editorial Council consider *original research works from all subfields of Political Science based on a method of political or historical comparison on the strict condition that they have not been published yet or accepted for publication in other journals*. The journal publishes different types of manuscripts: a) articles (20000–75000 typographical units including footnotes and whitespaces); b) book reviews (up to 25000 typographical units); c) notes on significant events in Political Science (up to 15000 typographical units). Manuscripts must be properly edited and written in an academic style.

Works must be submitted to the journal's website www.comparativepolitics.org with e-mail copy ([sravitpolit@mail.ru](mailto:sravnitpolit@mail.ru)), or delivered to the Editorial office in hard and

electronic copies (76, Prospect Vernadskogo, MGIMO-University, Moscow, 119454, Russia).

Working with your texts, please, proceed from the following format parameters:

- doc, .docx; A-4 format, interval – 1,5;
- font size – 14;
- footnotes: font size – 12, interval – 1;
- Literature List / References in alphabet order;
- margins: left – 3 cm, upper, lower and right – 2 cm;

– tables, charts, diagrams, pictures should be edited in Microsoft Word, have numbers, titles and references in the text.

Please, verify the compliance of materials with the following structure of an article:

- Title in English in capital letters (should be short and reflect the research problem);
- Surname and author(s) initials;
- Abstract (in English, 200-250 words);
- Key words (in English, 7-12 words);
- Main body of the text;
- About the author (in English) (name, surname, academic ranks, position, institution/affiliation and its address, research field, e-mail);
- Title in Russian in capital letters;
- Surname and author(s) initials (Russian transcription);
- Abstract (in Russian, 200-250 words);

– Key words (in Russian, 7-12 words);

– About the author (in Russian) (name, surname, academic ranks, position, institution/affiliation and its address, research field, e-mail);

– Other materials – by agreement with the Editorial office.

Please, send two files of an article – one containing an article and information about the authors, another – without information about the authors for anonymous peer reviewing by experts in a respective field.

Accepting an article the Editorial Board and Council reserve the right to edit and to reduce a text as well as to reject publishing after peer reviewing and editing.

Footnotes requirements:

Footnotes in Russian should follow Russian national standards ГОСТ (GOST) 7.1 and ГОСТ (GOST) 7.82, in English – “Scopus” journals requirements. Russian titles of articles and books are transliterated in Latin letters and translated into English. Literature guide is available at journal web-site:

<https://www.comparativepolitics.org/jour/about/submissions#authorGuidelines>

One can transliterate automatically using www.translit.ru website and choosing “LC” (Library of Congress) transliteration regime.

Submissions which violate these requirements will be rejected.